

ЗАБВЕНИЕ

Я пришла в себя, чтобы жить незнакомой мне жизнью
с человеком, которого не помнила...

ЗВЕРВЕННЕ

ДЖЕССИКА ВУД

Первого, кого я увидела, придя в сознание — высокого, сексуального мужчину, которого не помнила. Он сказал, что его имя Коннор Брейди, и он исполнительный директор корпорации «Брейди Глобал». Меня же зовут Оливия Стюарт, и я потеряла память вследствие несчастного случая. Еще он сообщил, что я его невеста. И хотя я не помнила Коннора, как и что-либо другое из своего прошлого, некоторые его черты казались мне знакомыми. Он заботливый, надежный и головокружительно-великолепный. Но все же у него есть один недостаток — он слишком идеальный. Когда я начала строить свои отношения с Коннором и смирилась с мыслью, что память может никогда не вернуться, я неожиданно встретила Итана Джеймса. Итан загадочный, возбуждающе-наглый незнакомец, который сдвигает рамки моего восприятия до предела и заставляет меня чувствовать себя по-настоящему живой. Каждый раз, когда мы встречаемся, от стены, отделяющей меня от прошлого, отпадают все новые и новые куски, обнажая секреты, которые хранились глубоко в моем подсознании. С каждым новым воспоминанием я все больше разрываюсь между женщиной, называющей себя моим женихом, и незнакомцем, в руках которого находятся ключи от моего прошлого. Действительно ли моя жизнь с Коннором так идеальна, как он хочет меня в этом убедить?

Джессика Вуд

Забвение

Я был в поисках тебя с тех пор, как услышал первый рассказ о любви, не понимая, что это бесполезно. Влюбленные не встречаются где-то в пути. Они изначально в душах друг друга.

Джалал ад-Дин Мухаммад Руми

Глава 1

Я забежала в свою спальню, неудержимо плача, и захлопнула дверь. Затем достала свой дневник: розовую, кожаную тетрадь, наполненную моими самыми искренними размышлениями. Дрожащими пальцами потянула за золотистую ленту-закладку, открывая страницу с моей последней записью, и лихорадочно начала строчить все, что чувствовала в этот момент. Выплескивала боль и страх, пронзающие меня. Я слышала, как крики моих родителей за пределами комнаты стали на октаву выше.

Они снова ругались. Это стало происходить все чаще и чаще, и каждая новая ссора была намного сильнее, чем за день до этого.

Я хотела, чтобы мои родители не были столь несчастны. Хотела, чтобы они ненавидели друг друга не настолько сильно. Но прямо сейчас я как никогда хотела быть кем-нибудь другим, но только не собой, и быть где угодно, лишь бы не здесь.

Словно услышав мои мысли, отец закричал:

— Если ты хочешь долбаного развода, то ты его получишь! Но предупреждаю тебя только один раз, если ты выйдешь за эту дверь, даже не думай возвращаться обратно!

— И в планах этого не было! — выпалила в ответ мама. — Я уеду завтра прямо с утра и заберу Лив с собой!

— Нет! — заплакала я. Мне стало плохо только от одной мысли о том, чего я лишусь.

Неожиданно комната и розовый кожаный дневник в моей руке растворились, отходя на задний план, а мое сознание отметило мягкий, настойчивый сигнал, звучащий где-то далеко. Что это?

Я повернулась на звук и обнаружила, что перебегаю хорошо знакомую мне улицу среди ночи. На мне надето отягощающее мое тело и сковывающее движения розовое вечернее платье, украшенное стразами. Воздух морозный и колючий, но кажется, будто адреналин, бегущий по моим венам, защищает меня от холода, словно теплое одеяло.

Внезапно меня ослепил яркий свет автомобильных фар, приближающийся ко мне на огромной скорости. Раздался резкий визг тормозов, заглушая все остальные шумы. Я ощутила толчок холодного металла, а затем меня отбросило на обочину дороги.

Я уже приготовилась к боли, пронзающей тело.

Но ничего не почувствовала.

Вместо этого я вновь услышала настойчивый сигнал, но теперь он звучал ближе и громче.

Сквозь мое сознание просочился приглушенный разговор:

— Сейчас мы ничего не можем для нее сделать, мистер Брейди. Как вы знаете, в результате аварии она получила множественные травмы головы. Нам надо дождаться, когда она придет в себя и посмотреть на ее состояние — это все, что мы можем предпринять прямо сейчас.

Женский голос звучал издали, но по какой-то причине я знала, что она говорит обо мне.

— Хорошо. Спасибо.

Судя по нарастанию звука низкого напряженного мужского голоса, я поняла, что его обладатель идет в моем направлении.

В моей голове начала пульсировать боль в такт с раздражающим пиканьем,

становившимся все громче.

— Ей очень повезло, что у нее есть вы. Должно быть, вы действительно о ней беспокоитесь, раз приходите сюда и сидите с ней каждый день.

— Да. Так и есть, — прозвучал мужской голос еще ближе.

А затем я почувствовала прикосновение теплой ладони к своей руке, и это окончательно привело меня в чувство. Я автоматически отметила, что лежу на кровати, ощутила затхлый запах хлорированного воздуха. Я сосредоточилась на пиканье, исходящем от прибора, который стоял недалеко от меня. Я в больнице?

Я попыталась пошевелиться, но в результате смогла лишь дернуть пальцами.

— Сестра! — тревожно выкрикнул мужчина. — По-моему, я почувствовал движение ее пальцев!

Я с трудом открыла глаза, но тут же снова их закрыла, сражаясь с неподъемными веками и ослепленная ярким светом.

— Думаю, она очнулась! — Мужчина стиснул мою руку и, медленно приблизившись к моему лицу, позвал: — Лив?

— Мистер Брейди, надо дать ей немного пространства.

Мужчина ослабил хватку, и я услышала, как он отодвинулся.

Я снова открыла глаза, на этот раз у меня получилось лучше.

— Мисс Стюарт?

Ко мне приблизилась женщина с нежным голосом, который я слышала ранее.

— Где я? — Я моргнула и пару секунд спустя смогла сфокусировать на ней свой взгляд. — Кто вы? — Я оглядела комнату и с удивлением обнаружила, что нахожусь в большой, роскошной больничной палате.

— Мисс Стюарт, вы попали в аварию и сейчас находитесь в «Корпусе» — частном стационарном подразделении больницы университета Пенсильвании. Я медсестра Бетти. И я буду за вами ухаживать.

— Авария, — я повторила ее слова и попыталась прорваться сквозь густой туман, окутывающий все мои мысли.

Я вздрогнула от пульсирующей боли у себя в голове.

— Вам больно? — заботливо спросила меня медсестра.

— Просто ужасная головная боль, — сказала я, дотронувшись до своей головы.

— Я сообщу доктору, и мы дадим вам какое-нибудь лекарство.

— Что со мной случилось? — Я вглядывалась в ее лицо в поисках ответов.

Она по-доброму мне улыбнулась:

— Тут есть кое-кто, ожидающий вашего пробуждения уже достаточно долго. Я позволю ему рассказать вам о том, что случилось, а сама в это время проверю работу ваших жизненно важных органов.

Она отодвинулась, и мой взгляд сосредоточился на еще одном человеке, присутствующем в комнате. Им оказался высокий, красивый мужчина, одетый в явно сделанный на заказ костюм цвета древесного угля. Он стоял за спиной медсестры и выглядел взволнованным.

— Привет, — я смотрела на него, не совсем уверенная в том, что еще могу сказать этому незнакомцу.

— Лив? Слава Богу, ты наконец очнулась!

Я улыбнулась ему. Его теплые карие глаза были полны беспокойства. Он обошел

медсестру и взял меня за руку. Я изучала его лицо, удивляясь, почему он кажется мне таким знакомым.

Добравшись до меня, он беспокойно нахмурился, от чего между его бровями залегли глубокие складки.

— Лив, как ты себя чувствуешь? — спросил он спокойным, ласковым голосом.

Я точно знала, что слышала этот голос ранее, но не могла с уверенностью сказать, где именно.

Я положила ладони на свою голову и застонала:

— Если не считать эту убийственную головную боль, то я в порядке.

Я попыталась приподняться, но мои руки были очень слабы, поэтому я снова упала на подушку. Он наклонился и помог мне опереться на изголовье кровати.

— Так здорово, что ты наконец пришла в себя!

Он обхватил мое лицо руками и поцеловал меня в лоб.

Я непроизвольно вздрогнула и нахмурилась, а затем, посмотрев на него, спросила:

— Кто вы? Мы раньше встречались?

С моментально изменившимся выражением лица, он отвернулся и посмотрел на медсестру. Я увидела, как они обменялись взглядами, значения которых не поняла.

Потом он развернулся обратно ко мне и нахмурился, теперь его глаза были полны грусти:

— Ты меня помнишь?

Я изучала его лицо, размышляя над вопросом.

— Нет, не думаю, — сказала я наконец, качая головой.

— Какие твои последние воспоминания? — нерешительно спросил он.

Даже не зная этого мужчину, я сумела прочитать смятение на его лице.

Я пристально смотрела на него и пыталась заставить свой мозг работать, отыскивая какое-нибудь воспоминание. Я расстроено покачала головой и опустила лицо в ладони. Моя голова разрывалась от боли, как будто я только что проснулась с самым ужасным похмельем в своей жизни.

— Лив, ты в порядке? Что не так?

Внутри меня разрасталась паника, усилившаяся от тревоги в его голосе.

— Почему ты продолжаешь называть меня Лив? — я раздраженно посмотрела на него снова. Но моя досада сменилась беспокойством, когда я увидела, как он шокирован.

Медсестра вышла вперед:

— Вы помните свое имя?

Я открыла рот, чтобы ответить, но остановилась. Вынужденная обдумать ее простой вопрос, я потрясенно поняла, что на самом деле не знаю ответа.

— Я... я не могу вспомнить.

— Что вы помните? — осторожно спросила она ласковым голосом.

Я порылась в своих мыслях, пытаясь ухватиться за любое воспоминание. Но все, что находилось за пределами последних нескольких минут было похоже на сон, а я каким-то образом забыла момент пробуждения. Почему я не могла ничего вспомнить? В расстройстве я покачала головой.

— Что со мной произошло?

— Мистер Брейди расскажет вам о том, что случилось. А я схожу за доктором Миллером.

— Милая, я Коннор. Коннор Брейди. Ты уверена, что не помнишь меня?

Мужчина снова придвинулся ко мне. Он смотрел на меня неуверенно, но в его глазах я заметила надежду.

— Коннор, — повторила я монотонно. Я разглядывала его, пытаюсь поместить этого мужчину в какие-нибудь моменты своей жизни. Что-то в нем было знакомым, но как бы сильно я ни старалась, у меня не получалось вспомнить, откуда я его знаю. Я медленно покачала головой. — Я даже собственного имени не помню.

— Тебя зовут Оливия Стюарт. Но для друзей ты — Лив.

Он уселся на стул рядом с моей кроватью и положил свою руку поверх моей. Его прикосновение было теплым и очень знакомым. Мне было странно чувствовать столь интимное касание от незнакомого человека, но все же я не убрала свою руку. Мне нужны были ответы, которые, судя по всему, этот мужчина мог мне дать. Поэтому последнее, чего мне бы хотелось — это обидеть его.

— Что со мной произошло?

Его лицо омрачилось:

— Ты попала в автомобильную аварию. Ее виновник скрылся с места преступления, — сказал он дрогнувшим голосом, а затем прочистил горло и перед тем, как продолжить, сделал паузу. — Последующие восемь дней после аварии ты была в коме.

При мысли о том, что я провела так много времени без сознания, меня охватили паника и растерянность.

— Восемь дней? Но... но ничего из этого я не помню. Почему я ничего не могу вспомнить?

Я отчаянно пыталась пробиться сквозь туман, но мой разум оставался по-прежнему чистым.

— Лив, в результате аварии ты получила множественные травмы головы. Врачи предполагали у тебя возможную потерю памяти.

Я недоверчиво на него посмотрела, но, когда подняла руки к голове и нащупала пальцами бинты, поняла, что он говорил правду.

— Не волнуйся. Врачи сказали, что если амнезия и наступит, то, скорее всего, она будет носить временный характер, — попытался он меня успокоить. — Постепенно ты сможешь восстановить свои воспоминания.

— Смогу? — в таком контексте это слово не вселяло в меня уверенность.

В комнату вошел лысый мужчина средних лет в белом халате, с теплой улыбкой на дружелюбном лице.

— Мисс Стюарт, я доктор Миллер. Очень рад видеть вас в сознании. Как вы себя чувствуете?

— Что со мной не так, доктор Миллер? Почему я не могу вспомнить кто я такая?

— Позвольте сначала я задам вам несколько вопросов, хорошо?

— Хорошо.

— Вы знаете, когда вы родились?

Я покопалась у себя в памяти, пытаюсь найти ответ. Ничего. Я покачала головой.

— Знаете ли вы, в какой средней школе учились?

— Нет, — я покачала головой снова, почувствовав, как внутри меня разрастается разочарование и беспомощность.

— Вы знаете название футбольной команды Филадельфии?

К собственному удивлению, в этот раз я не потерпела неудачу.

— «Иглз».

— Ты помнишь, — взволнованно сказал Коннор, сжав мою руку.

Доктор Миллер улыбнулся:

— Можете сказать мне сколько в США штатов?

— Пятьдесят, — я неодобрительно посмотрела на доктора, невольно заподозрив вопрос с подвохом. — Хотя есть несколько территорий, таких как Пуэрто-Рико и Гуам [\[1\]](#), — добавила я.

— Хорошо, похоже, что вследствие аварии у вас наступила не полная, а частичная потеря памяти. Частичная амнезия довольно часто появляется после таких травм, которые получили вы. Судя по вашим ответам, амнезия затронула вашу эпизодическую память, то есть память о вашем личном опыте и событиях, произошедших лично с вами. Но, кажется, амнезия, не повлияла на вашу семантическую память, в которой хранится информация и знания о мире в целом, — он посмотрел на планшет в своих руках. — Но мы провели анализы, и я могу сообщить вам хорошую новость — судя по всему, той области мозга, которая отвечает за долгосрочные воспоминания, ущерб нанесен не был.

— Что это значит, доктор? — спросил мистер Брейди.

— Это означает, что у мисс Стюарт не будет долгосрочной потери памяти.

— И все же я не понимаю. Почему тогда я не могу вспомнить ничего о самой себе?

— А вот на этот вопрос ученые до сих пор не могут найти ответ. Мозг — это поразительный, непостижимый орган. Но маловероятно, что у вас какое-то долговременное повреждение мозга.

— Так в чем суть проблемы? — спросил Коннор, усиливая хватку на моей руке.

— Иногда, после каких-либо травматических событий мозг начинает подавлять воспоминания. Они не забываются в традиционном смысле этого слова, но запираются глубоко в подсознании и удаляются из памяти.

— Значит ли это, что я верну свои воспоминания обратно? — я посмотрела на него с надеждой.

— Шансы высоки, но это не является гарантией того, что к вам вернуться воспоминания, частично или полностью. Самое лучшее для вас — это возвратиться к жизни, которую вы вели до аварии, и окружить себя знакомыми и важными для вас вещами, которые помогут вызвать ваши воспоминания.

— Лив, детка, я обещаю, что помогу тебе в этом, — Коннор удерживал мою ладонь между двумя своими, притянув ее ближе к своей груди. Он посмотрел на доктора Миллера. — Док, каков наш следующий шаг?

— Хорошо, мисс Стюарт, поскольку вы только что вышли из комы, мне бы хотелось провести несколько анализов и подержать вас под пристальным наблюдением неделю или около того. Так же вы пройдете курс физиотерапевтических процедур для укрепления ваших мышц, которые бездействовали, пока вы были без сознания. Если результаты анализов будут хорошими, то мы сможем отпустить вас уже на следующей неделе.

— Спасибо вам, доктор. Это хорошая новость.

Коннор счастливо мне улыбнулся. Я же, как ни пыталась, не смогла заразиться его радостным волнением.

Он почувствовал мою тревогу и выражение его лица изменилось:

— Что-то не так, милая?

Будто посчитав это сигналом, доктор прочистил горло и сказал:

— Мисс Стюарт, оставляем вас, чтобы вы пообщались. Я наведаюсь к вам где-то через час, чтобы взять анализы.

Я смотрела, как доктор и медсестра выходят из комнаты, а внутри меня разрасталось беспокойство. Даже зная о том, что, по-видимому, этот мужчина в костюме цвета древесного угля был в курсе того, кто я такая, он все еще оставался для меня незнакомцем, и нахождение с ним наедине напрягало.

— О чем ты думаешь, Лив? — в конце концов нарушил он молчание.

— Лив... Оливия, — я повторила свое имя вслух. Оно было мне незнакомо, однако я как будто произносила его ранее. Я встретилась глазами с пристальным взглядом Коннора. Он улыбался мне, изучая выражение моего лица. — Я до сих пор точно не знаю, кто ты. Я имею в виду, я в курсе, что тебя зовут Коннор, но... откуда мы знаем друг друга?

Его улыбка пропала, и я увидела появившуюся грусть в его глазах.

— Лив, я твой жених.

— Жених?

Он кивнул. Я проследила за его взглядом и посмотрела на свою левую руку вслед за ним. К моему удивлению, на моем безымянном пальце красовалось платиновое кольцо со сверкающим бриллиантом на вершине, обрамленное по кругу бриллиантами по-меньше. Как я не заметила его раньше?

Подавленная новостью, я молча посмотрела на мужчину снова.

— Наверное, на тебя сейчас свалилось слишком много информации. Я уверен, у тебя много вопросов. Буду счастлив рассказать все, что знаю. Только давай будем делать по одному шагу за раз. Мы можем двигаться в темпе, наиболее комфортном для тебя, хорошо?

Я кивнула и сделала глубокий вдох, в моей голове роилось тысяча вопросов, и я не знала, какой из них хочу задать первым.

— Спасибо, — выдавила я из себя слабую улыбку, благодаря Коннора за терпение и понимание.

Я подумала, насколько, должно быть, все это тяжело и для него тоже. Он помолвлен и влюблен в девушку, которая его не помнит и больше не может ответить ему взаимностью.

— Ты можешь выдавать мне информацию постепенно? Просто я действительно чувствую себя перегруженной.

— Конечно, Лив. Я понимаю. Все, что угодно. Только скажи мне, о чем ты хочешь услышать. Хорошо?

Я снова кивнула.

— Кто мои родители? У меня есть братья или сестры? Они знают, что я здесь?

Увидев страдальческое выражение на лице Коннора, я поняла, что ответ мне не понравится.

— Мне жаль, Лив. Твоя мама умерла несколько лет назад. И у тебя нет ни братьев, ни сестер.

— Ты знал мою маму? Каким человеком она была?

Слезы потекли по моему лицу, когда я узнала о том, что потеряла мать, которую даже не помнила.

— Она умерла как раз перед тем, как мы встретились, здесь в Филадельфии. Я думаю, что вы покинули Нью-Джерси и переехали сюда, чтобы начать новую жизнь.

— О... А мой отец?

Он покачал головой:

— Ты редко о нем говорила. Из твоих немногочисленных рассказов я понял, что ты не видела его с детства, когда тебе было тринадцать.

— Тогда мои родители развелись, — закончила я, подумав о проблеске воспоминания, случившимся у меня перед тем, как я очнулась.

— Да, — Коннор посмотрел на меня с тревогой. — Ты вспоминаешь?

— Возможно. Перед тем, как я пришла в себя, у меня было воспоминание об их ссоре, случившейся, когда я была моложе.

— О... У тебя были еще какие-нибудь воспоминания?

— Я не знаю. Думаю, еще маленький фрагмент аварии.

— Правда?

— Да. Я помню, как перебежала улицу, а затем меня сбила машина.

— Мне так жаль, Лив, — Коннор опустил лицо в ладони. — Это все моя вина.

— Что ты имеешь в виду? Это ты вел машину? — Я тревожно посмотрела на него.

— Нет, конечно же нет! — Он покачал головой. — Я... просто, я чувствую за тебя ответственность.

Я нахмурилась. Мне показалось, что он что-то не договаривает.

— Ты знаешь, что именно произошло? Ты там был?

Он кивнул и отвернулся:

— Хотел бы я повернуть время вспять. Хотел бы...

— Что случилось? Расскажи мне, пожалуйста.

Он посмотрел на меня, и на его лице я увидела сожаление.

— В ту ночь мы праздновали нашу помолвку в научном музее института имени Франклина, — его взгляд затуманился, и он улыбнулся, мысленно возвращаясь к тем событиям. — Ты выглядела изумительно в том платье, украшенном стразами, — он сделал паузу, после чего его лицо снова омрачилось. — Ты зачем-то вышла к на улицу. А потом тебя сбила машина.

— Я помню, что перебежала дорогу, когда это произошло, — медленно проговорила я, возвращаясь к воспоминанию, проскочившему у меня в голове перед тем, как я очнулась.

Я уставилась на Коннора, пытаюсь вспомнить что-нибудь еще из событий той ночи.

«Почему мне так трудно вспомнить?» — подумала я в отчаянии.

— Мне так жаль, Лив. Я должен был быть рядом с тобой. Возможно, если бы я там был этого бы не произошло...

Нахмурившись, я пыталась подобрать слова утешения для этого снедаемого виной мужчины.

— Ты же не знал, что случится авария, — увидев страдание в его глазах, я взяла его за руку, чтобы успокоить. — Это не твоя вина.

— Но, тем не менее, это произошло.

Все его тело было напряжено, и я подумала, что ему будет не легко простить самого себя.

— Коннор, пожалуйста, не нужно, — попросила я. Мужчина посмотрел на меня глазами, полными боли. — Если ты не знал, то и изменить ничего не мог. Я бы хотела все это помнить. Хотела бы не перебегать ту улицу. Хотела бы, чтобы меня не сбила машина. Я бы хотела, чтобы все было по другому, — я смахнула слезы. — Но мы не всегда получаем то, чего желаем. Иногда нам приходится играть картами, пришедшими на раздаче.

Я была удивлена своим полным принятием произошедшего. Возможно, прав был тот, кто сказал «неведение — благо».

— Что я могу сделать, чтобы тебе помочь?

Я смотрела на этого незнакомца и интуитивно понимала, что, зная, как он был для меня важен, могла бы впустить его в свою жизнь снова. Я опустила глаза вниз и посмотрела на помолвочное кольцо на своем пальце, внезапно ощутив боль от утраты всех своих личных воспоминаний. Их у меня больше не было.

— Что-то не так, Лив?

Он увидел, как в моих глазах снова появились слезы, готовые пролиться по щекам.

— Просто слишком много всего для первого раза.

— Знаю.

Я смотрела, как нежно он стирает слезы с моей кожи. По тому, как уверенно его руки ласкали мое лицо, я поняла, что он касался меня множество раз прежде. Были ли мы счастливы раньше, до аварии? Каким человеком я была, когда мы были вместе? Что мне нравилось делать?.. Следующий вопрос обрушился на меня словно тонна кирпичей. Как я выгляжу?

Я послала ему слабую улыбку:

— Коннор, я действительно устала. Мне нужно некоторое время, чтобы переварить всю информацию.

Он озадаченно нахмурился, но возражать не стал.

— Что ж, — он встал со стула и посмотрел на меня сверху вниз. — Я навещу тебя завтра прямо с утра.

— Хорошо, — сказала я с натянутой улыбкой.

Он наклонился и нежно поцеловал меня в лоб.

— Увидимся завтра. Я люблю тебя, красавица, — прошептал он.

Он ушел, и больничная палата перед моими глазами внезапно исчезла.

Я мгновенно перенеслась в огромную, залитую солнцем спальню, и оказалась лежащей обнаженной на большой роскошной кровати под слоем пышных, атласных простыней. Закричав, я выгнула спину от пронизывающего все мое тело удовольствия. Я ощутила, как мои бедра обнимают сильные, крепкие руки, удерживая их раздвинутыми. Как длинный, упругий язык погружается и выходит из меня, толкая меня на грань. Отойдя от оргазма, я почувствовала, как кто-то, такой же обнаженный как и я, скрытый под всеми этими слоями покрывал, пробирается наверх. Через секунду появилось лицо Коннора. Он греховно мне улыбнулся и медленно облизал свои губы.

— Вот как сильно я тебя люблю, красавица.

От поразившего меня воспоминания я задохнулась. Мое тело начало покалывать, словно все это произошло только что. Я оглядела себя, и вопрос, озаривший меня несколькими минутами ранее, снова возник в голове. Как я выгляжу?

Я медленно поднялась, ощутив, как ослабли мышцы за время, проведенное на больничной койке. На то, чтобы пройти небольшое расстояние до ванной комнаты, у меня ушло несколько минут. Там, напротив двери, висело огромное, во всю стену, зеркало.

Я смотрела на свое отражение, и у меня складывалось впечатление, будто я стою лицом к лицу с незнакомкой. По моей коже, подобно холодным ледяным иголкам, пробежалась нервная дрожь. Я пристально изучала каждый сантиметр тела стоящей передо мной незнакомой девушки. Ее лучистые голубые глаза внимательно смотрели в ответ. Даже сквозь

бинты, обмотанные вокруг ее головы, я разглядела длинные волнистые белокурые волосы, спадающие каскадом и огибающие ее миниатюрную фигурку. Я наблюдала, как эта потрясающая девушка, глядя на меня, коснулась своего лица обеими руками. И почувствовала, как по моему лицу прошлись ее пальцы.

— Я Оливия Стюарт, — прошептала я, продолжая изучать свое отражение.

Эти слова разорвали тишину комнаты и как будто повисли в воздухе. Буду ли я когда-нибудь ощущать себя не настолько странно?

***

После недели восстанавливающей терапии я почувствовала себя немного лучше и стала более оптимистично смотреть в будущее. Анализы, сделанные доктором Миллером, оказались в норме, и поэтому сегодня меня выписывали.

— Привет, красавица.

Я подняла глаза и увидела стоящего в дверях Коннора, с большим букетом розовых роз в руках.

— Привет, — я счастливо улыбнулась, увидев знакомое лицо. — Ты вернулся.

— Конечно я вернулся, глупышка. Я приходил к тебе каждый день, и ты каждый раз этому удивлялась. Неужели ты пытаешься от меня избавиться? — спросил он шутя.

Я смущенно захихикала:

— Нет, совсем нет.

Я не знала, как сказать ему, что причиной моего постоянного удивления является то, что он для меня — незнакомец.

— Нравится тебе мое присутствие или нет, но сегодня я здесь, чтобы забрать тебя домой, как и обещал.

— О, верно.

Наши глаза встретились, и мой желудок нервно сжался.

Я вспомнила яркий оргазм, испытанный мною благодаря этому мужчине и, почувствовав как мое лицо покраснело словно свекла, моментально отвернулась. Понимая, что для него я оставалась возлюбленной и любовницей, я все равно находилась в смущении и чувствовала себя незащищенной из-за того, что этот красивый незнакомец знал меня намного интимнее, чем я сама.

— Что случилось? — Он подошел ко мне и легко поцеловал в щеку.

— Ничего, — я откинула свои мысли прочь и одарила его улыбкой.

Он протянул мне букет:

— Розовые розы — твои любимые.

— Спасибо. Они прекрасны, — искренне сказала я, принимая потрясающие цветы, и меня тут же окутал их опьяняющий аромат.

— Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, — честно призналась я.

— Хорошо. Значит, ты готова отсюда уйти?

Я усмехнулась и кивнула.

Тридцать минут спустя Коннор помог мне заполнить все документы, необходимые для выписки из больницы. Я переоделась в вещи, привезенные Коннором из моего гардероба: шикарную белую футболку из хлопка с добавлением шелка, темные джинсы фирмы J Brand и

пару черных туфель из лакированной кожи от Christian Louboutin на высоком каблуке. По его словам — это был один из моих любимых повседневных комплектов одежды. Я с сомнением посмотрела на протянутые мне семисантиметровые каблуки. Мне они казались скорее причиняющими боль, чем удобными. Но когда я их надела, то оказалось, что они прекрасно сидят на ноге. И, к моему удивлению, я в них ходила очень непринужденно.

— Эй, красавица, — оторвался Коннор от больничных документов, когда я вышла из ванной комнаты, — ты выглядишь так, словно снова стала прежней.

Я проследила за его взглядом, изучившим меня снизу вверх, и по моей спине пробежала нервная дрожь.

— Думаю, моя мышечная память не пострадала, — пошутила я, глядя на свои туфли.

Он усмехнулся и покачал головой:

— Никогда не понимал, как ты можешь ходить на этих штуках. Знаешь, на одном из наших первых свиданий я назвал тебя Чудо-женщиной, увидев, как ты скачешь в таких туфлях.

Я улыбнулась.

— Почему я скакала?

— У нас было изумительное свидание в великолепном винном баре «Триа», и последние несколько бокалов были для тебя явно лишними, — сказал он с улыбкой. — Так что, к концу ночи, ты беззаботно бегала и прыгала по улице, неудержимо хихикая, — он рассмеялся над воспоминанием и улыбнулся мне. — Именно в тот момент я понял, что влюбился в тебя.

Я рассмеялась вместе с ним, как никогда сильно желая помнить этот момент. Я хотела вспомнить свои ощущения, чтобы иметь возможность поделиться ими с Коннором.

Спустя несколько минут мы вышли за пределы больницы и остановились у входа.

— Лив, я хочу забрать машину. Не против, если ты подождешь меня здесь? Я пригоню автомобиль и заберу тебя.

Я кивнула с улыбкой, восхищаясь его галантностью.

Он наклонился и нежно поцеловал меня в лоб:

— Я люблю тебя, красавица.

— Спасибо, — произнесла я и тут же пожалела об этом, сжавшись внутри.

Я не знала, что сказать. Чувствовала, что он хотел бы услышать более теплый ответ, но я не была готова признаться незнакомцу в любви.

Он хмыкнул и улыбнулся:

— Я вернусь.

Наблюдая за тем, как он уходит и поворачивает за угол, я задавала себе вопрос, какими будут для нас последующие дни, недели, месяцы...

Вдруг я услышала слева от себя какой-то шум.

— Извините! Пожалуйста, уступите дорогу!

Я повернулась и увидела, как в мою сторону движется мужчина с беременной женщиной на руках, по-видимому, испытывающей сильную боль.

— У моей жены отошли воды! Отойдите, пожалуйста!

Я наконец догадалась, что стою посреди входа в больницу и мешаю им пройти. Я поспешила отступить, чтобы они могли меня обойти, но сделала это слишком поздно. Мужчина меня толкнул и я, сделав шаг назад, застряла каблуком в трещине асфальта, потеряла равновесие и стала падать.

Уже приготовившись ко встрече с твердой поверхностью, я почувствовала, как сзади меня подхватили сильные руки и потянули вверх. Все еще не отошедшая от своего неожиданного падения, я обнаружила, что меня кто-то заботливо обнимает.

— Аккуратнее, вы же не хотите причинить себе вред, упав с этих убийственных каблуков?

Я оглянулась и шумно выдохнула, глядя в темные как ночь горящие карие глаза, отвечающие мне таким же пристальным взглядом.

Я не смогла бы вспомнить, как долго тонула в этих темных глазах шоколадного цвета. Незнакомец придерживал меня одной рукой за шею, глядя сверху вниз, и, казалось, что мы застыли во времени и пространстве. Но от неудобного положения кровь прилила к моей голове, я почувствовала дурноту, и это вывело меня из транса. Я моргнула, разрывая наш зрительный контакт.

— Прошу прощения за свою неловкость, — извинилась я, как только вспомнила, как надо дышать.

— Без проблем, — он лучезарно улыбнулся, сделав глубокий вдох, и меня окутало исходящее от него успокаивающее тепло.

Я засмотрелась на его хитрую мальчишескую улыбку, контрастирующую с по-мужски красивым точеным лицом.

— Привет, я Итан, — он помог мне полностью подняться и я, наконец, восстановила равновесие.

Однако он не торопился меня отпустить, продолжая удерживать за руку и пристально разглядывая. Было в нем что-то волнующе-прекрасное, пленяющее меня и заставляющее забыть обо всем на свете.

Услышав его смешок, я наконец прервала свое молчание:

— Почему вы смеётесь?

— Я только что назвал свое имя. Как правило, после этого следует представиться в ответ.

Я почувствовала, как краснею и внутренне съежилась от своего глупого детского поведения. Неужели я вела себя так всегда? И как часто случайные прохожие оказывали на меня такой эффект в прошлом?

Я прочистила горло и сказала:

— Привет, — немного отстранилась и сделала шаг назад, чтобы отойти от него на более благопристойную и безопасную дистанцию. Я разглаживала свою футболку, делая вид, что занята застрявшей в ней соринкой. — Я Оливия.

— Привет, Лив. Я рад, что мы столкнулись друг с другом, — ответил он и послал мне умопомрачительную улыбку.

Его слова застали меня врасплох, и я не могла понять, что же меня смутило, пока не догадалась, что, вероятно, знала этого мужчину. Быть может, если бы у меня не было амнезии, он не был бы для меня незнакомцем?

— Я вас знаю?

Он вскинул голову и, недоуменно на меня посмотрев, спросил:

— Разве ты не знаешь, знакомы мы или нет?

Его вопрос причинил мне боль.

— Я... — я посмотрела в сторону. Уже почти решившись рассказать ему о своей амнезии, я быстро себя одернула: «Ты ничего не знаешь об этом мужчине! И не обязана ничего ему объяснять». — Хорошо. Я вас не знаю, — ответила я твердо. — Но почему вы назвали меня Лив?

Он не торопился с ответом, ухмыляясь и продолжая меня изучать, от чего я нервничала и смущалась еще больше.

Наконец он произнес:

— Но это же твое имя, не так ли? — я услышала насмешку в каждом слове.

— Я сказала, что меня зовут Оливия...

— Но разве Лив не сокращенное от Оливии? — перебил он меня самодовольным тоном.

Я нахмурилась и почувствовала легкое раздражение:

— Возможно, для кого-то это и так, но не думаю, что вам стоит предполагать, что каждая Оливия отзывается на Лив. Поэтому...

— Но, — перебил он меня снова, — я не разговариваю с каждой, — его губы растянулись в широкой улыбке. — Я разговариваю только с тобой. Ты отзываешься на Лив?

— Только если меня зовут друзья, — ответила я.

— Вот видишь! Я не ошибся, называя тебя Лив, — нагло отмел он мой комментарий, поднимая во мне новую волну возмущения. — Поскольку я, вроде бы как, только что спас тебе жизнь, то, можно сказать, мы, по меньшей мере, теперь друзья, — заключил он с самодовольной улыбкой.

— Довольно самонадеянное заявление.

Дерзкая развязность этого мужчины вызывала во мне причудливую смесь раздражения и любопытства. Он был одет в поношенную черную мотоциклетную куртку, в повидавшую лучшие времена серую футболку и в пару темных левайсов, облегающих его ноги в нужных местах. У этого мужчины был нарочито-небрежный стиль, благодаря которому он выглядел так, словно был младшим братом Адама Левина.

— Да что ты говоришь? — бросил он вызов, сверкая глазами в притворном недоумении.

Да, я определенно поднимала самооценку этого последователя Адама Левина.

— Думаю, я должна поблагодарить вас за то, что вы поймали меня прежде, чем я упала, но не думаю, что вы спасли мне жизнь.

Как бы сильно я ни была им заинтригована, я не собиралась мириться с его наглостью. Его эго и так было за пределами высоким.

Он перевел взгляд на мои каблуки, и его губы изогнулись в хищной улыбке:

— Я уже говорил, что это настоящие туфли-убийцы.

Внезапно меня осенило:

— А что, если бы я не отзывалась на Лив?

— Что ты имеешь в виду?

— Что, если бы я отзывалась только на Оливию, а вы только что назвали меня Лив? — я ухмыльнулась ему в ответ.

Он рассмеялся:

— Ну, тогда... — он облизал губы и, сделав шаг ко мне, склонился к моему уху, — тогда я буду рад называть тебя по-своему, что скажешь?

Мою шею опалил жар его дыхания, посылая дрожь по спине.

Я моментально отступила на два шага назад. Я злилась на себя за то, что он сумел меня заинтересовать и одурманить своей выходкой.

— Благодарю, — сказала я как можно более безразлично.

Мне не терпелось уйти от этого человека, поэтому я поглядывала в сторону гаража, в надежде увидеть автомобиль Коннора.

По непонятной для меня причине, рядом с ним я чувствовала себя взволнованно и уязвимо. Учитывая то, что я всего неделю назад вышла из комы, после чего на меня свалилось очень много новой информации, я не была готова к таким ощущениям.

— Хорошо, можно я кое о чем тебя спрошу? — казалось, его совершенно не смутила моя холодность.

— Нет, — ответила я.

Он фыркнул:

— Да ладно тебе. Этот вопрос не дает мне покоя с тех пор, как я спас твою жизнь.

Я закатила глаза.

— Отлично, — неохотно произнесла я. — И что же это?

Он торжествующе улыбнулся:

— Зачем ты мучаешь себя такими каблуками, если только что выписалась из больницы? — он пронизательно смотрел на меня сверху вниз своими темными глазами.

Я снова почувствовала, как мое лицо заливают краска смущения.

— Я вас знаю? — вновь спросила я, игнорируя его вопрос. — Откуда вы знаете, что я была больна?

Он рассмеялся и небрежно обнял меня за плечи:

— Расслабься. Просто на тебе все еще надет ID браслет. Не обольщайся. Я не какой-нибудь сумасшедший сталкер. Я просто хороший парень, которому посчастливилось оказаться в нужном месте в нужное время для того, чтобы спасти тебя.

— О...

Я не знала, как реагировать на действия этого мужчины. К собственному удивлению я огорчилась из-за того, что не была с ним знакома. И я даже слегка расстроилась, что он меня не преследовал. Неужели именно так действует на человека амнезия? Я никак не могла объяснить своих чувств, но, по какой-то лишенной здравого смысла причине, меня к нему тянуло, и я была приятно удивлена тем, как непринужденно чувствую себя рядом с ним.

— Лив... — он дотронулся до моей руки, заставляя застыть на месте. Я посмотрела на его руку и подняла взгляд к его глазам. — Это может показаться слишком наглым, но как ты уже, наверное, заметила, — он усмехнулся, — я довольно самоуверенный человек...

— Да, — выдавила я из себя, мысленно подготавливаясь к продолжению.

— Лив, я бы хотел увидеть тебя снова. Может, выпьем? Пообедаем? Или, если ты предпочитаешь приключения, то можно устроить свидание во время прыжков с парашютами? — он улыбнулся мне захватывающей дух улыбкой, сулящей мне нечто такое, с чем я вряд ли сумела бы справиться.

— Я... — я почувствовала, как в моем горле появляется плотный комок от разрастающихся волнения напололам с опасением.

Я не успела ничего ответить, как меня окликнул знакомый голос:

— Лив?

Я обернулась и увидела Коннора, в серебристом кабриолете «Астон Мартин», только что подъехавшего к остановке.

— Милая машинка, чувак, — присвистнул Итан, подходя к блестящему спортивному автомобилю, чтобы рассмотреть его получше.

— Спасибо, — Коннор бросил на него быстрый взгляд, а затем обратился ко мне. — Готова?

Я слегка улыбнулась и кивнула. Пока я шла к машине, меня не покидало чувство вины. Я вдруг поняла, что за последние несколько минут забыла о своей помолвке с Коннором. И если бы он сейчас не подъехал, то, с большой долей вероятности, Итан смог бы убедить меня увидеться с ним еще раз.

Я подошла к автомобилю, и, к моему удивлению, Итан бросился открывать для меня пассажирскую дверь. Я скользнула на сиденье рядом с Коннором и увидела, как тот молча изучает моего нового знакомого.

— Лив, приятно было познакомиться, — Итан осторожно закрыл дверцу.

От его слов, произнесенных ровным тоном, по моей коже пробежался табун мурашек.

Я повернулась к нему:

— Мне тоже, — ответила я мягко. Я ощущала, как на меня смотрели две пары глаз. Я приветливо улыбнулась Итану, пытаюсь думать о чем угодно, только не об этих глубоких, пленительных глазах. — Благодарю за то, что предотвратили мое падение. Я очень признательна.

— Без проблем. Будьте аккуратнее с этими туфлями-убийцами. Я не смогу вас спасти каждый раз, — подмигнул он мне.

Я почувствовала направленный на нас пронзительный взгляд Коннора и тут же залилась краской.

Мой жених откашлялся:

— Спасибо за оказанную помощь, — произнес он с вежливой улыбкой и завел двигатель.

Итан улыбнулся, не сводя с меня глаз.

— Еще увидимся, — сказал он веско. Он не прощался, а утверждал. Давал обещание, которое собирался сдержать.

Я почувствовала, как от его слов напряглось мое тело и с трудом отвела от него взгляд. Коннор нажал на педаль газа, увозя нас прочь от Итана.

Несколько минут мы ехали молча, и с каждой уходящей секундой я чувствовала, как между нами разрастались неловкость и напряжение.

— Кто это был? — наконец спросил Коннор.

Удивительно, но вопрос не прозвучал сердито или огорченно. Его голос, поставленный годами тренировок, был спокоен, деловит и отстранен.

— Никто, — успокоила я его.

Но в глубине души я задавала себе вопрос, был ли он единственным, кого я пыталась в этом уверить.

— Он потревожил тебя?

В его голосе я расслышала нотку озабоченности и улыбнулась его гиперопеке.

— Нет, — ответила я, хотя знала, что это не совсем правда. — Пока тебя не было, я чуть было не упала, а он меня подхватил. А потом подъехал ты.

Это правда, сказала я себе. Но как бы сильно я не пыталась себя в этом убедить, все равно чувствовала, что только что ему солгала. Неужели я плохой человек? Зачем я лгу своему жениху, если не сделала ничего дурного? Я постаралась отбросить эти мысли и повернулась, чтобы посмотреть на Коннора.

— Спасибо, что везешь меня домой. Я действительно тебе благодарна.

Он посмотрел на меня и улыбнулся. Теплые карие глаза заблестели, когда я встретилась с его взглядом. Он дотронулся до моей руки и пожал ее.

— Не будь глупышкой, Лив. Я бы в любом случае забрал тебя и отвез домой. Надеюсь, что пребывание в нашем доме поможет тебе все вспомнить.

— В нашем доме? — повторила я, удивленная этим открытием.

Я внезапно поняла, как много вопросов о наших отношениях не задала Коннору во

время его ежедневных визитов.

— Да, мы живем вместе.

Он попытался скрыть свою досаду, переводя взгляд на дорогу.

— Как давно?

— Мы начали жить вместе где-то за три месяца до аварии.

— Мне очень жаль, Коннор, — произнесла я мягко, понимая, сколько боли причинил ему мой вопрос.

Пристально на меня глядя, он потянул мою ладонь к своим губам и нежно ее поцеловал.

— Не стоит. Я понимаю, как, должно быть, тяжело ничего не помнить.

— Да. Коннор... можешь рассказать мне больше о... нас?

Он улыбнулся:

— Что ты хочешь узнать?

— Все. — От ощущения неправильности происходящего, того, что я должна просить своего жениха рассказать мне о наших отношениях, мне захотелось заплакать и рассмеяться одновременно. — Давай начнем с самого начала. Где мы познакомились?

— На работе.

— И где мы работаем?

— В корпорации «Брейди Глобал».

Я посмотрела на него широко открытыми глазами:

— «Брейди Глобал»? Ты являешься владельцем компании?

Он улыбнулся и кивнул:

— Я исполнительный директор «Брейди Глобал». Мы взяли тебя на должность вице-президента по маркетингу около полутора лет назад.

Я уставилась на него в удивлении:

— А когда мы начали встречаться?

Он задумался:

— Итак, ты пробыла в больнице около двух недель, мы обручились примерно за месяц до этого, а встречались около восьми месяцев до произошедшего... таким образом мы начали встречаться чуть меньше года тому назад.

— Так я спала со своим боссом? — Я смотрела на него в поисках ответов.

— Ну, я бы предпочел называться твоим женихом, — поддразнил он. — Однако, да, думаю, можно сказать, что ты спала со своим начальником, — он улыбнулся мне теплой, доброжелательной улыбкой.

Я помрачнела.

— Что с тобой? — Он заметил мое огорчение, и выражение его лица сразу же поменялось.

Я растянула губы в фальшивой улыбке:

— Ничего, все в порядке.

Он улыбнулся, удовлетворенный ответом.

Оставшийся путь до дома мы проделали молча. Я закрыла глаза, притворяясь, будто уснула, чтобы увильнуть от возможного разговора. Я чувствовала себя разбитой и неуверенной, абсолютно ничего не помня. Только что опять солгала Коннору. Я не была в порядке. Что-то меня смущало. Обнаруженный факт, что я спала со своим начальником, заставил задаться вопросом: каким же человеком я была до того, как потеряла память. Кем надо быть, чтобы залезть в постель к своему боссу после нескольких месяцев на новой

работе? К тому же, Коннор влюбился в женщину, которой я была когда-то, в ту, чью жизнь я не могла вспомнить, ту, в моральных принципах которой я сомневалась.

— Лив? — прервал мои мысли мягкий голос моего жениха. — Мы дома.

Я открыла глаза и увидела Коннора, стоящего возле открытой пассажирской двери. Я осмотрелась и отметила, что мы подъехали к фасаду здания, стоящего на маленькой чистенькой улочке. На ней выстроились в ряд красивые, старинные особняки из песчаника.

— Где мы?

— На Площади Риттенхауз, в Филадельфии.

— Мы здесь живем?

— Ага, — Коннор протянул мне руку, и я воспользовалась его помощью.

Когда я выбралась из машины, то задохнулась от увиденного. Мы припарковались перед великолепным трехэтажным особняком, построенным в стиле боз-ар с фасадом из антикварного известняка.

— У нас квартира в этом здании? — Я внимательно осмотрела массивное сооружение и заметила швейцара, стоящего у парадной двери в ожидании нашего прибытия.

— Нет, — он засмеялся.

— О...

Меня накрыла волна разочарования и смущения, я уже успела поверить, что мы живем в таком экстравагантном здании.

— Оно полностью наше, — уточнил он.

Я развернулась и недоверчиво на него посмотрела. Может быть, я и забыла все, что касается меня, но некоторые вещи я все же знала. Я была в курсе, что площадь Риттенхауз — один из самых дорогих районов Филадельфии, и этот особняк, скорее всего, стоил более десяти миллионов долларов.

— Полностью наше?

Он кивнул и улыбнулся мне:

— Пошли. Давай зайдём вовнутрь.

Мы подошли к парадному входу, и швейцар радостно меня поприветствовал:

— Добрый день, мисс Стюарт. Очень приятно видеть вас дома.

— Благодарю, — я улыбнулась ему, удивленная, что он знает мое имя.

— Я Джим, дворецкий в этом доме. Если вам что-нибудь нужно, пожалуйста, не стесняйтесь обращаться.

— О... Спасибо, — неловко протянула я, смутившись.

— Благодарю, Джим. И было бы здорово, если бы Билл отогнал «Астон» в гараж.

Я непонимающе уставилась на Коннора:

— Билл?

— Ах, да, Билл — мой личный помощник.

— Верно. Конечно, — я не знала, что еще сказать.

Как же богат этот мужчина? От этой мысли я почувствовала себя не в своей тарелке. Не знаю почему, но когда я представляла себе место, которое смогла бы назвать домом, то воображала теплую, уютную квартиру, а не огромный, холодный особняк, в котором можно потеряться.

Но стоило нам пройти через фойе в гостиную, как по моему лицу расплзлась улыбка: я была приятно удивлена увиденным. Ознакомившись с внешним видом здания, я приготовилась увидеть что-то подобное и в интерьере, но в нем не было ничего похожего.

Помещение было оформлено современно и изысканно, повсюду в случайном порядке были разбросаны яркие предметы. Ощувив знакомую домашнюю атмосферу, я сразу поняла, что приложила руку к дизайну.

— Узнаёшь что-нибудь?

Я улыбнулась:

— Я по-прежнему ничего не помню, но здесь все кажется знакомым, — я посмотрела на него. — Это звучит безумно?

— Вовсе нет, — он тепло улыбнулся. — Просто я хочу, чтобы ты в своем собственном доме чувствовала себя комфортно.

— Спасибо.

— Ах да, скорее всего сегодня, во второй половине дня, к тебе ненадолго заглянет Анна. Она сможет ответить на любые твои вопросы.

— Анна?

— Прости, Лив. Я забыл, что еще не упоминал о ней. Она твоя лучшая подруга.

— О... Моя лучшая подруга, — я огорчилась, узнав, что в моей жизни был еще один важный для меня человек, которого я не могла вспомнить.

— Ты голодна? Хочешь пить? — спросил он, пока мы шли на кухню.

— Может быть, немного воды.

Я с благоговением оглядела величественную ярко освещенную кухню. Сквозь французские двери, выходящие на террасу, заглядывало послеполуденное солнце, и комнату окутывало теплое, успокаивающее сияние. Я прогулялась до террасы и счастливо улыбнулась, увидев прекрасный цветочный сад во внутреннем дворике.

— Кто ухаживает за садом?

— Ты, — сказал Коннор и передал мне стакан с водой.

— Это звучит правильно, — я улыбнулась ему, а затем снова посмотрела на сад. Я интуитивно ощущала, что наслаждалась садоводством.

— И еще одно. Я поручил Дебре подготовить для меня одну из гостевых комнат на некоторое время. А ты можешь пользоваться нашей спальней. Знаю, ты все еще привыкаешь, и не хочу, чтобы ты чувствовала себя некомфортно по какому бы то ни было поводу. Я...

Я посмотрела на него, чувствуя благодарность за его понимание и терпение по отношению ко мне.

— Коннор, я не хочу выгонять тебя из твоей же постели.

Он рассмеялся:

— Не беспокойся. Думаю, что как-нибудь обойдусь кроватью королевских размеров в гостевой комнате.

Я видела его улыбку, но чувствовала, что за его смехом скрывается что-то менее радостное.

— Ты уверен?

Он кивнул:

— Я знаю, для тебя это не легко.

— Спасибо за понимание, — решила я не настаивать.

— Лив, я очень рад твоему возвращению домой.

Он взял меня за руки и притянул к себе. Закрыв глаза, я позволила себе утонуть в его объятиях. Я глубоко вдохнула слабый аромат его средства после бритья, в надежде, что это может спровоцировать воспоминания.

Вдруг я услышала приближающийся к нам лай и топот собачьих лап по паркету. Не успела я повернуться, чтобы посмотреть кто это, как этот кто-то запрыгнул на меня и прикусил мою лодыжку.

— Ой! — вскрикнула я и шагнула назад.

— Скутер! Будь хорошим мальчиком! — Коннор подхватил с пола маленького джек-рассел-терьера и поцеловал его. — Лив дома. Веди себя прилично, — он подошел ко мне. — Ты в порядке?

— Да, в порядке, — я улыбнулась Скутеру и протянула руку, чтобы почесать его за ухом.

В ответ он зарычал и, спрыгнув с рук моего жениха, выбежал из комнаты. Я нахмурилась и посмотрела на Коннора.

— Извини за это. Он чуть-чуть собственник. Дай ему немного времени, и он снова к тебе привыкнет.

Я понимающе кивнула:

— Конечно. Наверное, он был расстроен, что меня не было две недели. Когда мы его завели?

Он улыбнулся:

— На самом деле, Скутер у меня уже почти восемь лет. Я взял его еще щенком.

— О!

Теперь я поняла, что имел в виду Коннор, когда говорил, что Скутер — собственник. Это была собака Коннора, а не наша общая. Вот почему Скутеру было на меня плевать.

Я хотела расспросить Коннора о собаке побольше, но меня перебил гудок включившегося небольшого экрана рядом с кухонным телефоном, в котором появилось изображение Джима возле парадного входа.

— Мистер Брейди? Пришла мисс Питерс, чтобы увидеться с мисс Стюарт.

— Спасибо, Джим. Впусти ее, пожалуйста, — Коннор развернулся ко мне. — Анна здесь. Ты хочешь, чтобы я составил вам компанию или желаешь поговорить с ней сама?

— Если ты не против, то я бы хотела познакомиться с ней самостоятельно.

— Конечно. Мне нужно еще много чего доделать. Я буду работать за ноутбуком в столовой. Если тебе что-нибудь понадобится, просто дай мне знать, — Коннор подошел и нежно поцеловал меня в щеку.

— Хорошо. Спасибо, — я улыбнулась ему.

Секунду спустя в кухню стремительно вошла рыжеволосая девушка в желтом сарафане.

— Боже мой, Лив! Так здорово, что ты очнулась! Как ты себя чувствуешь, дорогая? — воскликнула энергичная рыжуля, подбегая ко мне с распростертыми для объятий руками.

— Привет, — я выдала ей скромную улыбку.

Она, будто не заметив моего стеснения, обхватила меня руками и крепко обняла.

— Детка, я так волновалась.

Когда она наконец отодвинулась, я увидела, что в ее глазах застыли слезы.

— Я... — я не была уверена, что следует сказать этой незнакомке.

— О, боже, прости! Как я могу быть такой идиоткой? — она скорчила рожицу и понизила голос. — Коннор говорил мне, что ты все еще ничего не помнишь, — она протянула мне руку. — Я Анна, твоя лучшая подруга, — просияла она гордой улыбкой, словно только что сообщила мне о том, что завоевала золото на Олимпийских играх.

Я улыбнулась ей в ответ. В ее беззаботно-восторженной индивидуальности было что-то такое, что помогло мне почувствовать себя с ней непринужденно. Пожимая ее руку, я

понимала, насколько неловко, должно быть, для нее такое официальное пожатие рук со своей лучшей подругой.

— Как ты себя чувствуешь? — схватив меня обеими руками, она повела меня в гостиную.

— Нормально. Все еще пытаюсь приспособиться к действительности.

Она покачала головой и посмотрела на меня так, словно я была раненым щенком.

— Как с тобой обращается Коннор? — Она посмотрела на моего жениха, оторвавшегося от своего ноутбука при звуке своего имени. — В его интересах вести себя подобающе, иначе ему придется иметь дело со мной, — сказала она достаточно громко, чтобы Коннор услышал.

— Эй, так не честно. Ты пробыла здесь всего несколько минут и уже планируешь приготовить из меня жаркое?

Анна фыркнула и закатила глаза:

— Если ты будешь обращаться с моей девочкой хорошо, то никакого жаркого не будет.

Он рассмеялся:

— Что ж. Гуше. Ну, девочки, я позволю вам наверстать упущенное наедине. Мне нужно съездить в офис, забрать кое-какие документы, — он закрыл ноутбук и поместил его в свой портфель. Затем подошел к нам и наклонился, чтобы поцеловать меня в лоб. — Я вернусь через несколько часов. Надеюсь, ты будешь в порядке рядом с Анной?

Я улыбнулась ему и кивнула:

— Думаю, да.

— Не волнуйтесь, мистер Брейди. Я позабочусь о вашей прекрасной невесте. Обещаю не грузить ее слишком большим количеством негативных историй про вас.

Он засмеялся и покачал головой:

— Повеселитесь, дамы, — наши глаза встретились, и выражение его лица смягчилось. — Если тебе что-нибудь понадобится, позвони мне, хорошо?

Я кивнула.

После того, как за Коннором закрылась дверь, я повернулась к Анне.

— А что, Коннор плохо со мной обращался?

Она рассмеялась:

— Детка, я пошутила. Коннор всегда относился к тебе как к принцессе.

— Правда?

— Конечно, да! — убедительно воскликнула моя подруга, а потом нахмурилась. — Я что-то пропустила? Неужели он плохо себя вел?

— Нет, нет, нет. Я не это имела в виду. Просто я слишком серьезно восприняла твою предыдущую шутку, — торопливо сказала я и выдохнула. — Извини, я все еще пытаюсь разобраться в некоторых вещах.

— Я прекрасно тебя понимаю, Лив. Даже представить не могу, через что ты сейчас проходишь.

— Я... — я сделала паузу. Для меня было очень странно разговаривать с девушкой, знающей меня очень хорошо, но которую я совсем не помнила. — Анна, могу ли я у тебя кое-что спросить?

— Конечно, дорогая. Начинай.

— Можешь рассказать о моих отношениях с Коннором?

— Без проблем, — она нахмурилась, видимо, раздумывая, с чего начать. — Что

конкретно ты хочешь узнать? — спросила она наконец.

— Ну... — один вопрос не давал мне покоя со времени поездки домой. — Сегодня Коннор упомянул, что он мой начальник и что мы познакомились на работе.

— Да, это так.

— Была ли я... Каким человеком я была? Как я... Делала ли я что-нибудь неподобающее, я имею в виду, как все это произошло? Как я начала встречаться со своим боссом? — я запнулась, чувствуя, как мое лицо заливают горячая краска стыда.

Я, конечно, ничего не помнила о своей жизни, но точно знала, что сексуальная связь с начальником — не самая этически-правильная вещь.

Вдруг Анна заразительно расхохоталась:

— О, дорогая, расслабься. Ты не совершила ничего неприличного.

Я взглянула на нее с надеждой:

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я тоже там работаю. Именно так мы и познакомились. Я — один из инвестиционных банкиров компании.

— О...

— Не волнуйся, Лив. На работе никто не думает, что ты начала встречаться с Коннором ради карьеры. Ты — одна из самых трудолюбивых сотрудников в «Брейди Глобал». Ты действительно не нуждаешься в какой-либо дополнительной помощи для продвижения. Поверь мне, в компании тебя все любят. Вообще-то, практически каждый считает, что вы идеальная пара. Вы оба сексуальны, умны и усердны в работе. Вообще-то, ты привлекла внимание Коннора, в первую очередь, своим упорным трудом и преданностью компании.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, ты относишься к тем немногочисленным сотрудникам, задерживающимся до десяти-одиннадцати часов ночи. По твоим рассказам, сначала ты несколько раз сталкивалась с Коннором в лифте, когда вы покидали здание поздно ночью. Некоторое время спустя вы стали иногда, несколько вечеров в неделю, проводить обеденные перерывы в конференц-зале вместе. Именно тогда он и начал по-настоящему «бегать» за тобой. Ты говорила, что он несколько раз предлагал тебе пообедать или выпить за пределами офиса. Но ты продолжала отказываться, потому что считала это недопустимым. К тому же, ты вообще не хотела ходить на свидания. Ты посвящала себя только работе и ничему больше. Думаю, так ты справлялась со своим горем после смерти матери. — При упоминании моей мамы, я помрачнела и отчаянно захотела ее вспомнить. — Но, как бы там ни было, Коннор не сдался. Ты должна отдать ему должное, ведь он был настойчив и продолжал за тобой ухаживать. А некоторое время спустя ты наконец поняла, что между вами двумя происходит что-то такое, чего ты уже не могла отрицать. Поэтому, в итоге, ты окончательно сдалась и согласилась пойти с ним на свидание. Но до этого, вы, по твоему настоянию, обратились в отдел кадров и подписали несколько документов, регулирующие ваши потенциальные личные отношения.

— Это хорошо, — выслушав из уст Анны подробное изложение о начале наших с Коннором отношений, я почувствовала, как меня охватывает облегчение.

— Так что, как видишь, тебе не о чем беспокоиться, — она изучала меня, вскинув голову. Я посмотрела на нее в ответ и смущенно кивнула. — Дорогая, ни о чем не волнуйся! Коннор — замечательный. Ты знала о том, что он практически жил в больничной палате всю неделю, пока ты была в коме, ожидая, когда ты, наконец, очнешься?

— Да?

Я подумала о Конноре и улыбнулась тому, как мне повезло, что он есть в моей жизни.

— Милая, этот мужчина любит каждую твою клеточку.

Внезапно перед моими глазами всплыло воспоминание.

Я стояла у главного входа в маникюрный салон.

— О, боже! Вы обручились? — завизжала Анна, как только я вошла вовнутрь.

«Как она умудрилась обнаружить мое обручальное кольцо в первую же секунду моего появления?» — подумала я, посмотрев на изумительный сверкающий алмаз, оттягивающий безымянный палец на моей левой руке.

Она нетерпеливо схватила меня за руку и поднесла ее к своему лицу, пристально изучая кольцо.

— Проклятье. Не плохо, Коннор. Именно так и должно выглядеть обручальное кольцо.

Я рассмеялась:

— Тебе не кажется, что оно выглядит слегка вызывающе? — я посмотрела на нее в ожидании поддержки.

— Для будущей миссис Коннор Брейди, невесты одного из самых богатых и самых молодых исполнительных директоров в США? Нет, оно идеально, — она снова завороченно глянула на кольцо. — Просто великолепно, — сказала она, наконец оторвав свой взгляд от моего пальца, и посмотрела на меня с лучезарной улыбкой. — И как ощущения?

— Я счастлива, но если честно, все еще немного шокирована. Я совершенно этого не ожидала.

— А я знала, что рано или поздно это обязательно случится! Этот мужчина любит каждую твою клеточку!

— Пожалуй, ты права. Но тебе не кажется, что это слишком поспешное решение?

Казалось, что она совершенно меня не слушала, возвратившись взглядом к кольцу.

— О, боже мой. Позволь мне сделать несколько его фотографий!

Анна тут же вытащила свой телефон и сделала снимок до того, как я успела запротестовать.

Я захихикала:

— Зачем ты его фотографируешь? Не уверена, что хочу, чтобы его изображение появилось на Фейсбуке или в Инстаграмме.

— Почему тебе все время необходимо быть такой сдержанной, Лив? Тебе бы не помешало иногда демонстрировать то, чем тебя одарила мать. Или другие твои достоинства, например, этот огромный камень, преподнесенный твоим богатым, влиятельным женихом, — с этими словами она принялась фотографировать дальше.

— Да ладно тебе, Анна. Ты же знаешь, я против публикации такого рода материала в социальных сетях.

— Ох уж эта твоя скромность, Лив, — она закатила глаза. — Не беспокойся. На самом деле я и не планировала размещать где-либо эти фото.

— Да? А что ты собираешься с ними делать? — я подозрительно на нее посмотрела, теряясь в догадках, что она замышляет.

Она рассмеялась:

— Я хочу как бы случайно показать их Ричу, одновременно расхваливая твое кольцо. Если уж он не поймет этот намек, то я даже не знаю...

— Лив?

Салон исчез так же внезапно, как и появился, и я снова очутилась в гостиной рядом с Анной.

— Ты что-то говорила? — спросила я, потирая голову.

— Да. Я звала тебя по имени, но ты была будто в отключке. С тобой все в порядке?

Я улыбнулась:

— Все хорошо. Просто я кое-что о нас вспомнила.

Меня охватило волнение от того, что мое практически чистое сознание заполнило еще одно воспоминание, на этот раз счастливое.

— Да? — ее глаза загорелись азартом. — И что именно?

— Я вспомнила о том, как я встретила тебя в салоне и ты, первым делом, увидела мое кольцо.

— Это замечательное воспоминание, здорово, что оно вернулось.

Я засмеялась, радуясь искреннему волнению Анны о моей судьбе. Сама я оживилась не меньше. Я сразу же поняла, почему мы были лучшими подругами, и за что я, должно быть, любила ее так сильно.

— Черт, Лив. Ты не представляешь, как я рада тебя видеть! Я так сильно скучала по тебе последние две недели! — она взяла меня за руки и пожала их. — Я только вернулась из командировки, когда услышала, что ты вышла из комы и, как только я вернулась в город, то сразу же пришла тебя навестить. Знаешь, я приходила к тебе в больницу, пока ты была без сознания, и мне было очень тяжело видеть тебя там, лежащую совершенно неподвижно... — ее голос сорвался.

Она посмотрела на меня со слезами на глазах. Я была тронута ее искренностью. Как же я хотела ее помнить!

— Ты была там в ту ночь... когда это случилось?

Она кивнула:

— Это было ужасно. Я не могла в это поверить, так быстро все произошло. Помню, что разговаривала с тобой, буквально за двадцать минут до происшествия. Ты ушла искать Коннора, а затем, буквально через тридцать минут, я услышала вой сирены.

— О, правда? — меня что-то смущало в ее рассказе, но я не могла понять, что.

— Да, тогда мы отмечали вашу помолвку, и это была, вероятно, самая первоклассная вечеринка, на которой я когда-либо бывала. Там присутствовали все, кто чего-то стоит. И, милая, в ту ночь ты была так прекрасна. Ты выглядела безумно счастливой.

— Правда? — я тоскливо на нее посмотрела, тоже желая помнить это радостное событие.

— Вы с Коннором выглядели так, словно стояли на вершине мира, — она покачала головой, как будто мысленно возвращаясь в ту ночь. — Я еще никогда не видела его таким счастливым, а потом столь же опустошенным.

— Ты видела меня после... после того, как меня сбили?

Я представила себе, что чувствует человек во время аварии, и в моей груди все сжалось.

— Только мельком и с большого расстояния. Когда это случилось, я была внутри здания и не знала о произошедшем, пока не услышала звук сирены. К тому времени, как я выбежала на улицу, место аварии уже было огорожено. Единственное, что я смогла рассмотреть — это Коннора рядом с тобой и двух фельдшеров, перекладывающих тебя на носилки. Никогда не забуду выражения его лица. Я всегда видела его спокойным и собранным. Но в ту ночь... он был бледным, как полотно и выглядел больным от беспокойства.

Я представила себе эту сцену и по моим щекам потекли слезы. Я поняла, как ужасно, должно быть, чувствовал себя Коннор, глядя на то, как его невесту увозят в бессознательном состоянии. От этой мысли у меня заныло сердце.

Переварив все, что мне только что рассказала Анна о Конноре и наших с ним отношениях, я достала свой телефон и отправила ему сообщение.

Я: Привет, не возражаешь, если этой ночью мы поспим в одной кровати?

К моему удивлению, он незамедлительно прислал ответ.

Коннор: Неожиданно. Мы, конечно же, можем, но ты уверена, что у тебя не возникнет с этим проблем?

Я: Думаю, нет. Знаю, для тебя это так же сложно. Полагаю, я быстрее что-либо вспомню, если буду спать с тобой в одной постели.

Коннор: :) Согласен. Я дам знать Дебре.

Я: Но все равно, не могли бы мы проделать все медленно?

Коннор: Черепашим шагом, если это именно то, чего тебе хочется.)

Я: Ха-ха-ха. Спасибо.

Почувствовав зарождение надежды, я убрала свой телефон и повернулась к Анне. Как же мне повезло иметь такого замечательного жениха, как Коннор. И мне необходимо приложить все усилия, чтобы его вспомнить.

Глава 3

— Что думаешь, Лив? — папа поднял меня повыше над землей, чтобы я лучше рассмотрела дом перед нами.

Я указала своим миниатюрным пальчиком на светло-синее здание, окруженное белым забором из штакетника.

— Папочка! Это домик Барби!

Моя мама рассмеялась, а затем с лучезарной улыбкой притянула нас в крепкие объятия.

— Лив, милая, это наш новый дом. Разве он не прекрасен? — она обернулась к отцу, со сверкающими от возбуждения глазами.

Видя счастье на лицах родителей, я захихикала:

— Правда? И у меня будет собственная комната, такая же как у Барби?

— Да, будет, — мой папа усмехнулся и шутя дотронулся указательным пальцем до моего носа. Затем он наклонился и поцеловал маму. — Ты счастлива?

Мама одобрительно кивнула:

— Очень. А ты?

— Сейчас рядом со мной стоят два самых главных человека в моей жизни, и вряд ли я буду когда-нибудь более счастлив.

— Да...

Я заметила, что из маминых глаз вдруг ушла частичка радости и, насупившись, недоумевала, почему она не была такой же счастливой, какой была всего секунду назад.

Оказалось, что папа это тоже заметил. Я смотрела, как он нежно погладил маму по щеке.

— Детка, этот дом будет новым этапом для меня, для всех нас.

Она кивнула, соглашаясь, и на ее глаза навернулись слезы:

— Обещаешь?

Я смотрела, как папа вытащил маленькую зеленую монетку из заднего кармана джинсов и показал ее нам.

— Детка, лечение длилось три месяца. Обещаю, что больше не прикаснусь к этой дряни.

Я протянула руки к блестящей зеленой монете:

— Дай мне! — я сжимала и разжимала пальцы в воздухе, пытаюсь схватить отца за руку.

Папа усмехнулся и протянул ее мне:

— Лив, это не игрушка.

— Знаю, папочка. Деньги — не игрушка, — важно сказала я, гордясь знанием о том, что монеты — это деньги.

— Нет, это не деньги, — начала объяснять мама, глядя на отца. — Это кое-что гораздо более важное.

Я крутила монетку в руках, разглядывая ее с обеих сторон, и нахмурилась, заметив, что она отличается от тех, с которыми я играла прежде. На этой монете не было лица пожилого человека, как на всех остальных. Я задрала голову и посмотрела на папу, ожидая разъяснений.

— Это штука называется чип трезвости, милая, — сказал он сдержанным голосом, продолжая смотреть на маму.

— Лив, папа хорошо себя вел на протяжении трех месяцев. Поэтому ему дали зеленый чип.

— Трех? — я пристально посмотрела на родителей, наблюдала, как они обмениваются взглядами, значения которых не поняла. — Мне три. Могу я получить такую же?

Они дружно рассмеялись, а я возбужденно захихикала от того, что в мамины глаза вернулось счастье.

— Нет, милая, но ты получишь что-то получше, — папа поставил меня обратно на землю. — У тебя будет вот этот новый дом. Хочешь посмотреть свою комнату?

— Да, хочу!

Держась за руки, мы пересекли тротуар. Я восторженно раскачивала папину руку, приближаясь к зданию. Я смотрела на большой, красивый дом, стоящий перед нами, широко распахнутыми от возбуждения глазами. Он казался намного более привлекательным, чем наша двухкомнатная квартира.

Вдруг мое внимание привлек смех, раздающийся из соседнего двора. И когда я увидела двух кричащих и хихикающих от восторга детей, которые игрались внутри шалаша на верхушке высокого дерева, растущего по соседству, мои глаза загорелись от волнения.

— Папочка! Смотри! — я потянула отца за джинсы, чтобы привлечь его внимание до того, как он скроется внутри дома.

— Знаю, Лив. Здесь в округе живет много детей.

Увидев возбуждение в моих глазах, мама просияла.

— Мамочка, неужели мы на самом деле будем здесь жить?

— Ты бы этого хотела?

Я усердно закивала, наблюдая, как девочка и мальчик чаевничают в домике на дереве. По моему лицу расплылась такая широкая улыбка, что у меня заболели щеки. В здании, где мы жили прежде, не было других детей. Я проводила большую часть времени дома, играя с мамой. Не считая редких встреч с детьми ее подруг или походов с мамой по делам, я никуда не выходила и никогда по-настоящему не видела других детей.

— Папочка? — он посмотрел на меня, стоя перед открытой дверью. — Не могли бы мы остаться здесь навсегда?

Он усмехнулся:

— Мы будем жить здесь столько, сколько тебе захочется, сладкая.

Я захлопала в ладоши от восторга:

— Сегодня лучший день в моей жизни! — я обернулась в сторону шалаша и закричала детям: — Привет! Я Оливия! Хотите дружить?

Видимо, они меня не услышали, так как продолжали хихикать и кричать.

Я начала возбужденно махать руками, пытаюсь привлечь их внимание, и родители засмеялись.

— Пойдем, дорогая, — отец протянул мне руку. — Давай сперва посмотрим твою комнату. У тебя будет достаточно времени, чтобы завести здесь друзей.

— Правда?

Он расплылся в многообещающей улыбке и кивнул.

Я просияла в ответ и приняла его руку.

Все так же улыбаясь, я напоследок кинула взгляд на детей в шалаше. Действительно, это был лучший день в моей жизни.

По моему лицу заскользил солнечный луч, и я открыла глаза. Сделав длинный, глубокий

вдох, я позволила этому новому воспоминанию укорениться в моем сознании.

«Лив, это важное воспоминание. Пожалуйста, постарайся больше не забыть его».

Я вновь проигрывала увиденную сцену у себя в голове, надеясь, что смогу запереть ее в глубине моего разума настолько хорошо, чтобы больше никогда не потерять. По моему лицу потекли слезы.

Впервые после выписки из больницы две недели назад, я вспомнила что-то о своих родителях. В моей памяти всплыла сцена, где они выглядели счастливыми и влюбленными.

Меня отвлек тихий шелест, и я почувствовала, как Коннор притянул меня за талию к своей груди в оберегающем жесте. От его прикосновений я рефлекторно застыла, и мне пришлось заставить себя расслабиться. Он не был для меня чужим, несмотря на то, что я не могла его вспомнить.

«Он твой жених и, предположительно, ты его любишь», — напоминала я себе.

Я отчаянно хотела, чтобы все мои воспоминания о нем вернулись, и я смогла бы вспомнить нашу совместную жизнь, свои чувства и любовь к нему.

Он открыл глаза, зевнул и, вздохнув, сказал:

— Эй, доброе утро, — затем придвинулся ко мне и смахнул пряди волос с моего лица, изучающе на меня глядя. — Как спалось?

Я встретила взгляд его теплых карих глаз и улыбнулась:

— Хорошо. А тебе?

— Рядом с тобой — замечательно, — он подтянулся выше и навис надо мной. — Знаешь, я не мог нормально спать по ночам на протяжении всех двух недель, пока тебя здесь не было.

От его слов я расцвела. Он наклонился и нежно меня поцеловал, и по моему телу прошла чувственная волна. Я пропустила его густые коричневые волосы сквозь пальцы и ответила на поцелуй, желая раствориться в этом моменте. Он нежно и неторопливо раздвинул своим языком мои губы и начал меня смаковать. Почувствовав, как его руки продвинулись под мой топик и достигли груди, я издала низкий стон. Мое тело немедленно отреагировало на его ласки, и я поняла: он знал, как меня завести. Я почувствовала его твердость, упирающуюся в мои трусики, недвусмысленно намекающую, что он уже готов для меня, и задохнулась от переизбытка ощущений. Коннор неспеша покрывал поцелуями мою шею, продвигаясь дальше вдоль ключицы, и остановился на груди. Я невольно выгнула спину, когда он стал жадно лизать и посасывать мои соски, заставляя их затвердеть за несколько секунд. Все ощущения были знакомыми, но одновременно и очень необычными, и от запутанного клубка эмоций, пробегающих через все мое тело, я была смущена и чувствовала головокружение. Я заставила себя закрыть глаза и попыталась больше не думать ни о чем, кроме возбуждающих прикосновений Коннора.

Но как только я почувствовала, что он потянулся, чтобы стянуть с меня трусики, то тут же в панике распахнула глаза.

— Коннор... — я застыла, а затем протянула руку, чтобы помешать ему продвигаться дальше. Он оторвал рот от моего соска, и наши взгляды встретились. Он не смог скрыть своего явного разочарования, как бы ни пытался. — Извини. Я...

— ...просто еще не готова, — закончил он за меня. Потом слез с меня и сел на краю кровати.

Я отвела взгляд, ощущая облегчение и чувство вины из-за того, что мы не будем заниматься сексом.

— Мне жаль. Просто это... все это очень ново для меня. Мне кажется, что я знаю тебя всего две недели, — я посмотрела на него, надеясь, что он сумел услышать муку в моем голосе. — Я так сильно хочу все вспомнить, — я села, схватила его за руки и прижала их к своей груди. — Посмотри на меня, пожалуйста.

Он встретился со мной глазами, и я увидела застывшую в них боль.

— Понимаю, Лив... я действительно пытаюсь быть терпеливым.

— Знаю.

— Извини. Мне не следует на тебя давить.

Я покачала головой:

— Нет. Ты не давил на меня. Последние две недели ты был более чем понимающим и терпеливым, и я это действительно ценю.

— Но ты меня не помнишь... — его голос умолк, но я успела услышать горечь в его словах.

— Коннор, мое тело тебя помнит. И реагирует на тебя. Я... Я на самом деле возбудилась, — как только я услышала вырвавшееся у меня признание, мое лицо обожгла краска стыда.

— Правда? — он с надеждой на меня посмотрел.

Я мягко рассмеялась:

— Разве ты не заметил, как мое тело реагировало на твои ласки? Или я все выдумала? — поддразнила я.

Он тепло улыбнулся, и страдание на его лице исчезло.

— Просто дай мне немного времени, чтобы узнать тебя снова.

Меня обуревало чувство вины от осознания того, что каждый раз, когда я отвергала его, останавливая от занятия любовью со мной, я разбивала ему сердце. Я хотела, чтобы у нас, наконец, все случилось, чтобы проверить, вернет это мои воспоминания о нем. Но как бы я не пыталась принудить себя к этому, что-то меня каждый раз удерживало. Этот мужчина оставался для меня незнакомцем, насколько бы упорно я не пробовала убедить себя в обратном. Он был женихом для женщины, которой я когда-то была, но для той, которой я стала теперь, он оставался чужим.

***

— Эй, дорогая, — услышала я голос Коннора в коридоре.

— Я на кухне, — крикнула я, отложив сэндвич.

Через секунду он показался в дверях и посмотрел на тарелку в моей руке.

— Ранний обед?

— Да, во время завтрака я съела совсем немного.

Я сразу вспомнила наш утренний конфуз в постели и последующий за этим неловкий завтрак, во время которого молчание прерывалось вынужденным разговором.

Атмосфера на кухне была настолько дискомфортной, что я была вынуждена закончить завтрак побыстрее, оправдав этим свой уход из столовой и позволив Коннору допить кофе самостоятельно.

— Знаешь, ты можешь попросить Дебру приготовить для тебя что-нибудь более... — он хмуро посмотрел на бутерброд — ...аппетитное.

Я рассмеялась:

— Коннор, не высмеивай мой сэндвич. Ты можешь поверить, что у меня были о нем воспоминания?

Он скептически приподнял бровь:

— Правда?

Я откусила кусок и нарочито громко простонала, слизывая с губ арахисовое масло.

Он усмехнулся и покачал головой:

— Что такого классного в этом сэндвиче?

— Арахисовое масло, кусочки банана и бекон. Гастрономический рай, а на вкус словно грех, — он засмеялся. — Ну ты же хочешь откусить кусочек. Давай, — я искушающе помахала бутербродом перед его лицом.

— У меня аллергия на орехи, поэтому нет, спасибо.

— О, — я немедленно опустила руку. — Извини, я не знала... забыла.

— Все нормально, — отмахнулся он, а затем нахмурился. — Кстати. Знаешь, по-моему, я ни разу не видел тебя поедающей подобный бутерброд прежде.

Его комментарий меня удивил:

— Действительно?

— Да. Можешь даже поинтересоваться у Дебры, просила ли ты когда-нибудь приготовить тебе такое. Но лично я не могу припомнить, чтобы видел, как ты ела что-либо подобное.

— Хм-м-м, — я подумала о небольшой вспышке воспоминания, связанной с этой едой. — Я помню, что любила такие сэндвичи, когда была моложе.

— О чем было твоё воспоминание? — он посмотрел на меня с любопытством.

Я нахмурилась:

— Оно было мгновенным. У меня перед глазами проскочило то, как я делала этот бутерброд и... затрудняюсь, как это объяснить, просто знаю, что частенько ела такое раньше.

— Хм-м-м. Возможно ты это переросла? — предположил он, закидывая сумку с ноутбуком на плечо. — Извини, но я должен идти, мой поезд до Нью-Йорка уходит через двадцать минут.

— Хорошо, — я наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Мне жаль, что приходится тебя покидать прямо сейчас, но меня не будет всего двадцать четыре часа. Один из наших важных клиентов хочет провести экстренное совещание по поводу критичного по срокам делового риска сегодня днем, в Нью-Йоркском офисе. И поскольку я все равно там буду, моя секретарша запланировала несколько встреч в течение завтрашнего дня. Так что я не вернусь до завтрашнего вечера. Надеюсь, с тобой все будет в порядке.

— Не волнуйся. Все будет хорошо.

Он вздохнул:

— Обычно ты всегда ездила на такие встречи со мной.

Его слова заставили меня нахмуриться. Не знаю почему, но они меня задели.

— Я не это имел в виду, — быстро добавил он, когда увидел выражение моего лица. — Знаю, ты еще не готова возвратиться к работе, и, к тому же, доктор сказал, что надо облегчить твоё возвращение к ежедневной рутине. Я не правильно выразился, дорогая. Я просто хотел сказать, что не привык находиться без тебя так долго.

Я посмотрела на него, недоумевая:

— Но это всего лишь сутки.

Он усмехнулся:

— Да. Ты абсолютно права, — он покачал головой и вздохнул. — Ты просто не помнишь, до какой степени мы были неразлучны. Я почти уверен, что после того, как мы начали встречаться, мы расставались не более чем на двенадцать часов.

— О...

— Да. Помимо общей работы, свиданий и совместного проживания мы проводили друг с другом много времени. И даже когда ты была в больнице, я навещал тебя каждый вечер после работы и обычно оставался на ночь.

— Возможно, именно поэтому ты плохо спал по ночам? — поддразнила я его, улыбаясь. Я почувствовала себя в долгу перед ним за его доброту и преданность. — Мне действительно очень повезло с тобой, Коннор.

Я спрятала свое лицо на его груди и услышала биение сердца возле своего уха.

— Я люблю тебя, Лив. Мне невыносимо оставлять тебя одну, особенно когда ты все еще адаптируешься.

Я отстранилась и улыбнулась ему:

— Не беспокойся. Со мной все будет в порядке. Я найду чем себя занять.

— Уверена? — я кивнула. — Что ты запланировала на сегодня?

— Ну, я до сих пор изучаю свои старые фотоальбомы, и еще хочу начать пересматривать свои электронные письма. Думаю, это могло бы подтолкнуть некоторые воспоминания.

— Отличный план! Не стесняйся просить помощи у Дебры или у Джима, если тебе что-то понадобится. Билл будет со мной в Нью-Йорке.

— Хорошо.

От предвкушения целого дня, посвященного только самой себе, я почувствовала смесь вины и облегчения. Для меня было очень странно жить с кем-то и видеть каждый день того, о ком практически ничего не помнишь. Поэтому я безумно ценила драгоценное время, проведенное в одиночестве. В эти моменты вокруг меня словно появлялось дополнительное пространство, где я могла дышать свободно.

— Я буду дома уже завтра. Если хочешь, можем сходить в «Сад Талулы» вечером, когда я вернусь.

— Куда?

Он тепло усмехнулся:

— Это ресторан в городе, где все приготовлено из экологически чистых продуктов. Тебе нравится такая еда. Это заведение — одно из твоих самых любимых.

— Да?

— Да. Там ты чаще всего заказываешь сквирт-стейк и сладкие творожные кольца.

— Звучит аппетитно, — из моего живота донеслось голодное урчание, и я покраснела.

Он усмехнулся:

— Похоже, твой желудок его не забыл. Уверю тебя, эти блюда лучше, чем сэндвич в твоей руке.

— Давай остановимся на том, что по этому вопросу мы разошлись во мнениях, — я игриво закатила глаза и откусила от бутерброда большой кусок.

— Что ж, посмотрим, будешь ли ты с этим согласна по-прежнему после нашего завтрашнего ужина, — засмеялся он и наклонился ко мне для прощального поцелуя.

Я хихикнула, чувствуя благодарность за то, что он всегда находил способ меня

успокоить.

— Итак, увидимся завтра вечером, — он направился к выходу из кухни, а потом остановился и обернулся.

— Что такое? — я ждала, думая, что он что-то забыл.

Он сверкнул ослепительной улыбкой и подмигнул мне:

— Я люблю тебя, красавица, — и не промолвив больше ни слова, развернулся, зашел за угол и исчез из виду, оставив меня стоящей на кухне с улыбкой на лице.

***

После отъезда Коннора я провела оставшуюся часть утра, изучая наиболее старый фотоальбом, который у себя нашла. В нем хранились фотографии из моего детства. Во время разглядывания первой половины альбома, я смеялась над фото со мной. Оказывается, я была очень пухлым, счастливым ребенком. Во второй части начали появляться изображения моих родителей.

Увидев их, я улыбнулась. Здесь они были запечатлены такими же счастливыми и красивыми, какими я их видела в своем последнем воспоминании этим утром. А когда я наткнулась на несколько фотографий, сделанных на фоне того самого светло-синего дома, то не смогла сдержать слез. Еще на одном снимке я увидела себя рядом с одним из моих родителей на газоне перед домом, возле таблички «Продано». Другая фотография была с моей мамой, гонящейся за мной вокруг лужайки и грозящей зашекотать меня, если догонит. На моем лице застыло выражение неподдельной радости и невинности, я практически слышала пронзительные визги счастья, которые я, несомненно, издавала. Затем я перешла к следующему снимку и улыбка на моем лице стала еще шире. На нем была я, улыбающаяся так широко, насколько позволяли мои миниатюрные губы. Я обнимала девочку и мальчика, тех самых, из моего воспоминания, в котором я видела их распивающими чай в соседском шалаше.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Мы все же стали друзьями, — произнесла я вслух, поглаживая края фотографии.

Я отвлеклась от фотоальбома, заметив вошедшую женщину средних лет, одетую в черно-белую униформу прислуги.

— Добрый день, мисс Стюарт, — сказала она с небольшим пуэрториканским акцентом.

— Привет, Дебра, — приветливо ответила я. — Как я просила тебя меня называть?

Она помолчала и смущенно улыбнулась:

— Извините мисс Ст... Лив. Дело в том, что мистер Брейди предпочитает, чтобы я обращалась к вам официально.

Я лишь закатила глаза. Я уже успела понять, насколько серьезно Коннор относился к некоторым вещам. Недавно он напомнил мне, что Дебра, Джим и Билл являются работниками, и нам следует поддерживать с ними отношения лишь на профессиональном уровне.

Он сказал непонятную фразу:

— Они, конечно, трудятся в нашем доме, но по-прежнему остаются наемными работниками, и поэтому мы должны общаться с ними, не выходя за определенные рамки. Слишком неофициальное обращение только размывает границы между нами.

Я знала, что Коннор стал миллионером всего лишь в тридцать два не случайно. Знала,

что он специалист по управлению людьми и деньгами. И предполагала, что в какой-то степени он прав — панибратское общение с сотрудниками может привести к стиранию границ. Но для себя я решила: если Коннор хочет держать четкую дистанцию со своими подчиненными, то это не означает, что и я должна поступать так же. Я не помню, какой я была до аварии, но именно сейчас я чувствую так.

Поэтому я мягко ответила:

— Я знаю, Коннор хочет, чтобы некоторые вещи оставались на профессиональном уровне, но... — я закрыла альбом и поднялась, — я не он. Поэтому, пожалуйста, зови меня Лив.

— Но... — она смущенно потопталась на месте.

Я вздохнула:

— Хорошо, давай сделаем так. Когда он дома, можешь обращаться ко мне «мисс Стюарт». Но когда мы наедине, обращай ко мне, пожалуйста, как к Лив.

Она обдумала это предложение и кивнула, по-доброму на меня глядя.

— Да, так будет лучше.

— Отлично.

— Мисс... я имею в виду, Лив, сейчас уже полдень. Вы хотите пообедать?

— Я недавно перекусила, и поэтому еще не голодна. Но все равно, спасибо.

— Я могу приготовить что-нибудь легкое. Вам действительно следует что-нибудь поесть, — настаивала она.

— Нет-нет, все в порядке, Дебра. Я не голодна. И вообще, я хотела пойти погулять.

— Давайте я быстро приготовлю для вас закуску или салат. Или вы предпочитаете, чтобы я упаковала вам что-нибудь с собой?

Я кинула на нее всего один взгляд и поняла, что ответ «нет» не принимается.

— Хорошо, я возьму закуску с собой.

— Спасибо.

«За что спасибо?» — подумала я про себя и хотела уже спросить. Но вовремя прикусила язык, понимая, что снова поставлю ее в неловкую ситуацию.

— Я могу чем-нибудь помочь? — спросила я, последовав за ней на кухню.

Она чинно ответила:

— Нет, спасибо за предложение, но я справлюсь сама. Хотите, я скажу Джиму, что вы собираетесь выйти? Он подготовит автомобиль.

— Нет, я планировала прогуляться пешком.

Она помрачнела:

— Куда вы собираетесь пойти?

Я задумалась:

— М-м-м, не знаю. Я думала пройтись по беговой дорожке, которая тянется вдоль реки Скулкилл. Анна упоминала, что я всегда бегала по этому маршруту каждое утро перед работой. Я надеюсь, что знакомая местность подтолкнет какие-нибудь воспоминания, — я захихикала. — Шутка, — поддразнила я игриво, надеясь немного разрядить обстановку.

На ее лицо вернулась вежливая улыбка, но я бы не сказала, что она была полностью удовлетворена ответом.

— Вы уверены, что не хотите, чтобы Джим вас подвез? Там довольно большое расстояние.

— Дебра, со мной все будет в порядке, — быстро прервала я ее. Меня уже начал

раздражать этот разговор. — Я не ребенок. Уверена, у Джима найдутся более важные дела, чем везти меня шесть-семь кварталов, которые я могу пройти по беговой дорожке.

Она покраснела:

— Прошу прощения, мисс Стюарт, Лив. Я... я просто беспокоюсь о том, чтобы вы не заблудились. Мистер Брейди просил меня приглядывать за вами, пока он в отъезде, и я просто хочу убедиться, что вы будете под присмотром.

— Извини меня, Дебра. Я на самом деле ценю твою заботу, — я почувствовала стыд за то, что набросилась на нее. Видимо, Коннор действительно был строг по отношению к сотрудникам и требовал от них исполнения своих обязанностей на высшем уровне. Она просто выполняет свою работу. — Но со мной, правда, все будет хорошо. У меня есть айфон, если мне надо будет вернуться домой, а я вдруг потеряюсь, то всегда смогу посмотреть маршрут на нем или воспользоваться «Убером».

— «Убером»?

— Да, Анна показала мне это новое классное приложение для телефона. Ты можешь его запустить, и таким образом вызвать такси. Оно отслеживает твоё местоположение при помощи GPS и сразу связывается с одним из водителей в данном районе. Он тебя заберет и отвезет, куда надо. Очень удобно.

— Поняла. По-моему, моя дочь когда-то им пользовалась.

— Так что уверена, я смогу вызвать такси, даже если буду находиться в оживленной части города. Вот видишь, тут не о чем беспокоиться. Я не потеряюсь.

— А еще вы можете позвонить Джиму. У вас есть его номер?

Я улыбнулась и напомнила себе, что она всего-навсего за мной приглядывает.

— Есть. Коннор дал мне его по возвращении из больницы. Но все же я предпочитаю «Убер». Он привязан к моей кредитной карте и ну... я предпочитаю делать некоторые вещи самостоятельно, не полагаясь на Коннора.

Я посмотрела на свой телефон и осознала, что не признавалась себе в этом по-настоящему до настоящего времени.

Дебра улыбнулась мне понимающей, теплой и искренней улыбкой. Она перестала быть просто вежливой, какой была до этого.

— Понимаю. Я всегда говорю своей дочери, как важно быть независимой и сильной.

— Спасибо.

— За что?

— За понимание, — на мои глаза навернулись слезы, но я быстро с ними справилась. — Последние несколько недель я живу в постоянном стрессе, и я хочу в себе разобраться, хочу ощутить свою самостоятельность.

После этих слов Дебра раскинула руки и притянула меня в свои объятия, чем очень меня удивила.

— С вами все будет в порядке. С тех пор, как я впервые вас встретила, после того, как вы начали встречаться с мистером Брейди, вы всегда казались мне очень сильной и независимой женщиной.

Я обняла ее в ответ, а затем отстранилась:

— Правда? — всхлипнула я. — Спасибо.

Она молча улыбнулась, расправляя свою униформу.

— Дебра, мы были близки? Как часто мы разговаривали?

— Нет, не очень часто.

— Почему?

— Вы с мистером Брейди были очень заняты. Вы все время проводили в работе.

— О...

Она посмотрела на стоящую перед ней кастрюлю.

— Дайте мне несколько минут, и я приготовлю для вас сэндвич с арахисовым маслом.

Я быстро вскинула на нее удивленный взгляд:

— Откуда вы знаете, что я люблю подобное?

Она засмеялась:

— Вы много раз просили меня его приготовить.

Я нахмурилась:

— Но... Коннор сказал, что никогда не слышал, чтобы я упоминала об этом раньше.

С ее губ сорвался еще один смешок:

— Да. Вы никогда не ели его перед мистером Брейди. Вы говорили, что это запретное, тайное удовольствие из вашего детства. Вы считали, что повзрослев и почти став миссис Брейди, глупо и примитивно есть такую пищу. Поэтому вы попросили меня не упоминать об этом секрете перед другими.

— Ох, — я нахмурилась, пытаясь переварить эту новую информацию. — Дебра, вы можете ответить мне честно на один вопрос?

Она посмотрела на меня и удивленно подняла бровь:

— Постараюсь.

— Как вы думаете, я изменилась с тех пор, как потеряла память?

Она улыбнулась:

— Ну, трудно сказать, — она помолчала, обдумывая свой ответ. — Не думаю. Вы всегда были добры ко мне. Но теперь вы кажетесь более расслабленной, чем были до несчастного случая.

— Расслабленной?

— Да. Вы всегда куда-то спешили и много работали. Мне казалось, что вы боитесь снизить темп и остановиться.

— Понятно.

Дебра только подтвердила то, о чем упоминала несколько недель назад Анна. Я сжигала себя на работе, оплакивая потерю матери. Стоило лишь мне подумать о женщине, которую я видела сегодня утром в своем воспоминании, как у меня заныло сердце. Как бы я хотела вспомнить о ней все!

***

Двадцать минут спустя Джим высадил меня у беговой дорожки. Я настаивала на том, чтобы пройти пешком, но так же, как и Дебра он не принял отказ.

— Спасибо, что подвезли, Джим, — я вышла из автомобиля, поблагодарив придерживающего для меня дверь водителя. — Знаете, вам действительно не стоило ехать.

Он вежливо ответил:

— Это, на самом деле, доставило мне радость, мисс Стюарт. — В отличие от Дебры, он отказывался называть меня Лив, даже когда Коннора не было поблизости. — Когда нагуляетесь, позвоните мне, пожалуйста, и я вас заберу.

— Конечно, — солгала я. — Скорее всего, я побуду здесь подольше, может быть,

пообедаю с Анной. Поэтому не беспокойтесь обо мне. Если мне понадобится машина, я вам позвоню.

Увидев удаляющийся автомобиль, я вздохнула полной грудью, ощущая, что смогла, наконец, расслабиться, впервые за этот день.

Я прогуливалась по Келли-драйв, растянувшуюся вдоль реки, и ощущала, как мою кожу приятно холодит прохладный осенний воздух. Я сразу поняла, почему я так любила этот маршрут. Здесь, вдали от шума и суеты города, было тихо, и я чувствовала себя очень спокойно.

После пятнадцатиминутного спуска по тропе, я вышла к музею искусств Филадельфии. Я сошла с беговой дорожки и направилась к красивому зданию. Села на густой, зеленый газон у подножия лестницы, так называемой «лестницы Рокки» из фильма «Рокки», ведущей ко входу в музей.

Не знаю, сколько времени я просто сидела, наблюдая за людьми, которые проходили вверх и вниз по ступенькам, но в какой-то момент, я, должно быть, задремала.

Меня разбудил знакомый голос.

— Ну привет, незнакомка, — от непонятной интонации в мужском голосе волоски на моих руках встали дыбом, и я раскрыла глаза, чтобы узнать, кто прервал мое уединение.

Я приняла сидячее положение и увидела, что это был тот мужчина, предотвративший мое падение у главного входа в больницу, две недели тому назад.

— Эй, привет, — не скрывая своего удивления ответила я.

— Итан, — напомнил он.

— О, верно, — я помнила, как его зовут, но ему незачем было об этом знать. — А я Оливия, — добавила я.

— Лив, — он улыбнулся и подмигнул. — Я помню.

Мой взгляд тут же остановился на его темных потертых джинсах и изношенной кожаной куртке, облегавшей его мускулистую фигуру.

Должно быть, он заметил, как я осматривала его с головы до ног, и изогнул губы в дикой усмешке, снимая солнцезащитные очки-авиаторы.

— Прекрати раздевать меня глазами... — начал он, присаживаясь рядом со мной на газон, — ...и начинай использовать свои сочные губки. Так мы быстрее получим то, чего оба хотим.

Я почувствовала, как недвусмысленно отреагировало мое тело на его слова, произнесенные глубоким, хриплым голосом.

— Я... Я этого не делала, — наконец выдавила я возмущенно и отвернулась, сосредоточив свой взгляд на «лестнице Рокки».

— Я просто пошутил, — он игриво подтолкнул меня в плечо. — Может же парень подразнить девушку?

Я повернулась обратно и выгнула бровь.

Он рассмеялся:

— Хорошо, возможно, я шутил только наполовину. Но ты не можешь презирать парня за попытку.

— Зачем ты это делаешь? — бросила я вызов.

Но совершила ошибку, посмотрев в его безумно темные, карие глаза, и резко втянула в себя воздух, ощущая чувственную волну, поднимающуюся у меня внутри.

Не отрывая от меня своего взгляда, он наклонялся до тех пор, пока между нами не

осталось всего несколько сантиметров.

— Затем, что ты мне нравишься. Ты дерзкая, — он улыбнулся и, к моему удивлению, это прозвучало неожиданно искренне для его легкомысленной, пофигистической персоны.

— Я помолвлена, — произнесла я наконец и моргнула, разрывая невидимую нить, протянувшуюся между нами.

— Это очень плохо, — ответил он холодно, не пытаясь отодвинуться.

Я молча смотрела, как он убрал от моего лица выбившуюся прядь волос и заправил ее за ухо.

Я знала, что мне надо бы от него отодвинуться, но словно примерзла к месту.

— Итак, как ты себя чувствуешь? — задал он вопрос, изучая меня с теплой улыбкой.

— Что ты имеешь в виду? — перебором смущение, спросила я.

— Ну, когда мы встретились две недели назад, ты только что выписалась из больницы. Поэтому я и предположил, что у тебя было не все в порядке со здоровьем. Так что теперь я просто интересуюсь, как ты сейчас себя чувствуешь.

— О... Уже все нормально.

— Это хорошо. Так ты тоже любишь музеи искусств? — он жестом показал на здание перед нами. — Иногда, по выходным, я сюда приезжаю.

— Полагаю, да, — я не была уверена в своей любви к музеям, но что-то же заставило меня здесь остановиться, стоило мне только подумать о здании, заполненном произведениями искусства.

— Ты только полагаешь? — он поднял голову и недоумевая на меня посмотрел.

Я отвернулась от него:

— Я не помню.

— Да ну?

— Недавно я попала в аварию... — по какой-то причине я чувствовала, что поступаю правильно, скидывая этот груз со своих плеч и смотря правде в глаза. — Когда ты меня встретил, я как раз выписалась из больницы, в которой восстанавливалась после восьмидневной комы. Когда я очнулась, оказалось, что я многое не помню из своей жизни.

Между нами повисло молчание, пока он переваривал мои слова. Но затем он слегка усмехнулся и игриво подтолкнул меня в бок:

— Ну, тогда это объясняет наш странный разговор о твоём имени и о том, знаешь ли ты меня.

Я хихикнула:

— Да.

— Мне жаль, что тебе пришлось такое пережить, — в его голосе прозвучала глубокая искренность, заставшая меня врасплох. Потом он посмотрел на меня и на его лице я прочитала грусть. — Даже не могу представить, как это — утратить все личные воспоминания. Какими бы они не были, хорошими или плохими, они были твоими и делали тебя той, кем ты являешься.

— Да, — я отвернулась, пытаюсь незаметно смахнуть слезы.

Я растрогалась от того, что за прошедшие две недели он был единственным, кто попытался представить себе мою ситуацию и понять, через что я проходила каждый день, признавая важность моей потери.

Затем я прочистила горло, нацепила на лицо улыбку и снова посмотрела на Итана.

— Итак, у тебя выходной? — спросила я, меняя тему.

— Да. А у тебя?

— Я... сейчас я взяла отгулы на работе.

— На восстановление?

Я кивнула:

— А чем занимаешься ты, Итан? — попыталась я увести разговор от себя.

— Я независимый консультант, работающий на различные предприятия.

Я рассмеялась:

— Звучит здорово, но очень туманно.

Он усмехнулся и покачал головой:

— Дерзкая и честная. Лив, ты нравишься мне все больше и больше.

Не знаю почему, но эти слова сделали меня счастливой.

— Так что у нас сегодня на повестке дня, Лив? — он оперся на руки позади себя, выжидая на меня глядя.

— В смысле?

— Сама подумай: сегодня мы оба свободны. Так почему бы нам не провести этот день вместе?

Я уставилась на него, ошарашенная его наглостью.

— Я... — я уже почти начала его отчитывать, но меня что-то остановило.

— Что? — он самодовольно ухмыльнулся. — У тебя есть планы? Или ты одна из тех девушек, которые проводят свои выходные, бегая по магазинам и тратя деньги своего жениха?

— Нет, — возразила я, оскорбленная тем, что он мог подумать такое обо мне.

Он улыбнулся и, поддразнивая, добавил:

— И я так не думаю. По-моему, ты, скорее, авантюристка.

— Нет, не думаю, что ты прав.

— А мне кажется, Лив, так и есть.

Прежде чем я успела запротестовать и опровергнуть его слова, он схватил меня за руку и поднял с газона.

— Пойдем.

Его глаза возбужденно блестели, пока он уводил меня от «лестницы Рокки».

— Куда мы идем? — несмотря на свое сопротивление, я почувствовала охватившее меня волнение.

— Мы собираемся прокатиться, — он посмотрел на меня своими темными, таинственными глазами, и я ощутила, как сердце у меня в груди застучало быстрее.

Не успела я спросить, что конкретно он имел в виду, как он уже остановился. Я шумно вздохнула, понимая, что он подразумевал.

Мы стояли перед блестящим черным мотоциклом «Харли-Дэвидсон».

Я протестующе покачала головой:

— Я... мне следует вернуться домой.

— Хорошо. Тогда позволь мне тебя отвезти. Я буду ехать не слишком быстро, обещаю, — уговаривал он, гипнотизируя меня взглядом.

Я переводила взгляд с него на байк, пытаюсь принять решение.

Внезапно он схватил меня за талию и притянул к своей груди, затем склонился к моей щеке и зашептал хриплым голосом:

— Жизнь коротка, Лив.

Я сама себе удивлялась, но предвкушение запретного, сквозившее в его словах и взгляде, не дало мне продолжать возражения. Вопреки всем рациональным доводам я почувствовала, как кивнула, соглашаясь. В его порывистости было что-то такое, заставлявшее меня чувствовать себя более живой, чем я была за все прошедшее время, с тех пор как очнулась две недели назад. Вместо того, чтобы как все остальные ходить вокруг меня на цыпочках и носиться со мной как с хрупкой хрустальной вазой или с предметом, готовым сломаться в любой момент, Итан был единственным, кто, казалось, не действовал по этой схеме. Он не относился ко мне как к раненной птице, требующей заботы. Вместо этого он подталкивал меня к допустимым границам и воспринимал меня как сильную и бесстрашную личность.

— Дерзкая и честная авантюристка, — его обезоруживающая, кривая улыбка послала дрожь по моей спине, и я почувствовала, как мое тело напряглось в ожидании неизвестного.

Он похлопал по сиденью мотоцикла, жестом приглашая меня садиться.

Я нерешительно посмотрела на небольшое сиденье и сразу же занервничала. Оно слишком мало для нас обоих.

— Давай, Лив. Жизнь ждать не будет, — сверкнул он опасной улыбкой.

Я, тяжело сглотнув, осторожно перекинула свою ногу на другую сторону байка.

— Везет же некоторым, — он поднял брови и оглядел мои ноги, обхватившие сиденье.

Я с отвращением на него посмотрела:

— Ты такой...

— ...потрясающий? — закончил он за меня, с хитрым выражением лица. — Ты абсолютный лютно права.

Я со злостью на него зыркнула и уже собралась слезть с мотоцикла, но он остановил меня и сказал уже нормальным тоном:

— Пожалуйста, не воспринимай все всерьез. Я просто тебя дразню.

Он надел мне на голову мотоциклетный шлем и застегнул ремешок под подбородком. Мы встретились взглядами, и я поразились, какими теплыми и добрыми были пристально смотрящие на меня глаза.

Он осторожно отвел выбившуюся прядь с моего лица:

— Готова?

На меня нахлынула паника. Я никогда не ездила на мотоцикле и меня пугала только одна мысль об этом.

Он подбодрил меня:

— Не беспокойся. Ты будешь в безопасности, обещаю.

Почему-то я сразу ему поверила и расслабилась, услышав рев ожившего двигателя.

Мы мчались на огромной скорости, и яростные порывы ветра били мне в лицо, набрасываясь на мои замерзшие щеки. На протяжении всей этой бешеной поездки мой желудок сжимался при каждом изгибе или повороте дороги.

Я, зажмурившись, сжимала своими миниатюрными руками холодный металл и мечтала, чтобы мы, наконец, остановились и благополучно возвратились на твердую землю. Я кричала, во рту пересохло от бившего в лицо ветра. Зачем я согласилась прокатиться на этих американских горках? Недоумевая, я спрашивала себя, как долго продлится этот кошмар. Мне всего девять. Я не хочу умирать!

Я знала, что так или иначе, должна открыть глаза и встретиться со своими страхами лицом к лицу. Еще сильнее обхватив металлические прутья, я волевым усилием открыла глаза. И тут же ахнула, увидев, что мы только что достигли вершины петли. На этот раз, заставив себя держать глаза открытыми, я подготовила себя к тому, что вагонетки должны стремительно сорваться вниз по крутой траектории.

Как только вагончик ринулся вниз по петле, мое тело резко прижалось к брусам, удерживающим меня на сиденье. Я снова закричала, но теперь это были крики восторга и смеха от того, что я летела по воздуху. В этот раз, вместо болезненных спазмов в желудке я почувствовала сильный всплеск адреналина в своей крови. Невероятное ощущение! Впервые за долгое время я больше не могла думать ни о чем, кроме этого момента: ни о натянутости в родительских отношениях, ни о пьянстве отца, ни о том, как мама плачет тайком за закрытой дверью. В первый раз за несколько месяцев, я чувствовала себя свободной.

— Лив, ты слышишь меня? Открой глаза. Так будет еще лучше! — голос Итана вернул меня в настоящее, отодвигая воспоминание на задний план.

Я почувствовала, как быстро мы мчимся на мотоцикле навстречу ветру. Только сейчас я сообразила, что еду, закрыв глаза и изо всех сил обхватив руками мускулистое тело Итана.

— Открой глаза, — повторил он.

Я ощутила спазм в желудке, такой же, как и в воспоминании, и поняла, что он прав. Распахнув глаза, я обнаружила, что мы едем не так быстро, как мне казалось. Мы двигались по широкой, оживленной улице, без лишних усилий преодолевая ранние пробки часа пик. Но я заметила, что Итан удерживает значительную дистанцию по отношению к другим автомобилям.

— Умница! — он встретил мой взгляд в одном из зеркал заднего вида. — Когда видишь, что делаешь, уже не так страшно.

— Ты прав. Спасибо.

Спазмы в желудке прекратились. Вместо них я почувствовала тот же прилив адреналина, несущийся по моим венам, который ощущала в своем воспоминании об американских горках. Я чувствовала легкость.

Как только мое тело расслабилось, разум сразу отметил другие вещи. Я почувствовала рельефную мускулатуру твердого тела Итана, которое я обнимала поверх его кожаной куртки. Я положила голову к нему на плечо и слышала пьянящую смесь аромата лосьона после бритья вперемешку с мужским запахом. Я чувствовала мощную вибрацию мотоцикла под своими, плотно обхватывающими сиденье, ногами. Я моментально возбудилась и начала гадать: что можно ощутить во время близости с этим опасным, загадочным незнакомцем,

когда его твердое, обнаженное тело сплетется с моим, окажется на мне, внутри меня.

— Ты получаешь удовольствие? — его слова прорвались сквозь мои фантазии, вызывая у меня горячий румянец смущения и стыда за свои мысли.

— Да! — только и смогла ответить я.

Я пребывала в расслабленном состоянии, пока не начала воспринимать окружающую нас местность и не поняла, что мы находимся в районе, совершенно мне незнакомом. Улица, по которой мы двигались, не могла сравниться с окрестностями со старинными, роскошными особняками, где проживали мы с Коннором. Здесь движение было более оживленным, а дома — скромнее. Как долго мы ехали? Я живу в полутора километрах от музея. Возвращение к моему дому должно было занять всего несколько минут.

— По-моему, мы заблудились, — прокричала я сквозь ветер, дующий мне в лицо.

— Нет, не заблудились.

— Но я живу не здесь, — крикнула я.

Я начала паниковать от мысли о том, что легко позволила увезти себя совершенно незнакомому человеку, даже не обратив внимания, куда мы направляемся.

— Доверься мне, — это было все, что он произнес.

Но его слова лишь усилили тревогу, зарождающуюся в каждом нервном окончании моего тела.

Через несколько секунд мой страх достиг апогея.

— Остановись! — потребовала я и встряхнула его, призывая ко мне прислушаться. — Я сказала, остановись!

Но он меня проигнорировал. Мы продолжали ехать, пока не пересекли оживленную, узкую улочку. Тогда он, наконец, сбросил скорость и начал притормаживать. Как только мотоцикл остановился, я соскочила с сиденья, сдернула с головы свой шлем и бросила его Итану.

— Куда ты меня привез? — потребовала я объяснений, пытаюсь скрыть свою тревогу.

Он лишь слегка усмехнулся, медленно снимая собственный шлем. Его явно не тронул мой эмоциональный взрыв.

— Ты сказал, что отвезешь меня домой!

— И это именно то, что я собираюсь сделать.

От его равнодушного ответа, который прошелся ножовкой по моим натянутым нервам, я сделалась еще более бесцеремонной.

— Это не то место, где я живу!

— Расслабься. Я пообещал, что отвезу тебя домой и отвезу. Но я не говорил, что сделаю это немедленно, — он одарил меня коварной улыбкой и слез с мотоцикла. — Я подумал, что ты оценишь пит-стоп.

Он указал на оживленную дорогу, вдоль которой выстроились небольшие частные лавочки, выглядевшие так, словно стояли там долгие-долгие годы.

Продолжая сверлить его взглядом, я скрестила руки и отступила на шаг назад.

— Я согласилась сесть на твой мотоцикл только потому, что думала, что ты повезешь меня домой. Если бы я знала, что твой план был иным, то воспользовалась бы Убер-перевозками.

Он фыркнул и подошел ближе, сокращая дистанцию, которая нас разделяла.

— Да ладно тебе, Лив. Мы оба знаем, что ты говоришь не правду, — его голос был вкрадчивым и глубоким. — Мы оба в курсе, что ты сама хотела взобраться на мой мотоцикл,

потому что мысль о езде на байке, вернее мысль о езде со мной, тебя волнует, — в его глазах мелькало что-то дикое, а губы изгибались в кривой усмешке. Прежде чем у меня появилась возможность запротестовать, сказать ему, что он не прав, убедить саму себя, что он ошибается, он заговорил вновь: — А теперь пойдем, я проведу для тебя экскурсию по округе.

Он протянул мне руку. Я посмотрела сначала на свою руку, потом на его. А затем подняла глаза и наши взгляды встретились. Я почувствовала, что мое раздражение уходит. В его темных, опасных глазах скрывалось нечто, что подтолкнуло меня отринуть все опасения. Я протянула руку и вложила свою ладонь в его. Он повел меня вниз по оживленной улице, по направлению к маленьким магазинчикам.

— Куда ты меня ведешь? — спросила я, вырываясь из его хватки.

Он посмотрел на меня и сверкнул высокомерной улыбкой.

Я знала, он видит меня насквозь. На самом деле, я сопротивлялась лишь для видимости. Меня возбуждало его непредсказуемое, самоуверенное отношение. Мне казалось, будто я очнулась с обостренными любопытством и вожделением: чувствами, вспомнить которые не могла.

— В «У Пайсано». Тебе понравится.

— Что такое «У Пайсано»?

Я нахмурилась, недоуменно поглядывая на разнообразие ларьков: загроможденный магазинчик специй, несколько стендов с фруктами и овощами, магазин сыра, а рядом — мясная лавка.

— Это магазин сэндвичей. Он мог бы запросто стать лучшим магазином сэндвичей во всей Филадельфии.

Я помрачнела:

— Ты привез меня поесть чиз-стейк?

Он засмеялся и посмотрел на меня с жалостью в глазах.

— Он намного лучше, чем магазинный чиз-стейк, — Итан остановился перед дверью «У Пайсано» и начал меня рассматривать. — Неужели ты действительно никогда не слышала об этом месте?

Я скептически на него посмотрела:

— Не-а. А почему ты вообще решил меня сюда привезти? Я не говорила, что голодна.

Он улыбнулся и открыл передо мной дверь:

— Лив, если ты никогда не ела здешний сэндвич, ты никогда не жила по-настоящему. И как я уже говорил: жизнь ждать не будет. Просто я хочу сделать так, чтобы зависая со мной, ты хоть немного почувствовала, что значит — жить по-настоящему.

— Я... — я собиралась сообщить ему, что живу просто замечательно, но мое внимание привлекли насыщенные ароматы, окутавшие меня, стоило лишь войти в небольшой, переполненный людьми, магазинчик.

— Чувствуешь это, да? — он улыбнулся, забавляясь ситуацией.

Я поняла, что больше не хочу сопротивляться. Мои глаза загорелись в предвкушении.

— Да. Пахнет изумительно.

В моем животе заурчало, и я вспомнила, что за весь сегодняшний день съела только утренний бутерброд с арахисовым маслом, беконом и бананом.

— Голодна? — он с интересом на меня посмотрел. Очевидно, что он тоже слышал признание моего желудка.

Я улыбнулась и нетерпеливо кивнула:

— Хорошо, ты выиграл. Итак, что здесь самое вкусное?

Он усмехнулся:

— Ну, это было легко, — я скорчила ему гримасу. — Здесь сплошные лакомства, но больше всего я люблю «Итальянскую говяжью грудинку» с жареным яйцом.

Я нахмурилась:

— Жареное яйцо? В составе горячего бутерброда?

Он засмеялся.

— Не говори о чем-либо плохо, пока сама не попробуешь. Ты ведь даже не догадываешься, что это место показывали в шоу «Состязание с Бобби Флаем», и этот сэндвич побил блюдо Бобби. Можешь себе представить, насколько это трудно?

— О, ух ты! — не знаю, почему мой мозг работает так выборочно, но я знала это шоу. Я не смогла вспомнить хотя бы один эпизод, но у меня было чувство, что я его смотрела несколько раз. — Хорошо. Ты меня убедил. Беру!

Он просиял и закинул руку мне на плечи:

— Лив, если бы я знал, что тебя будет так легко уговорить, то отвез бы тебя в другое место.

Я закатила глаза и игриво толкнула его локтем в бок:

— Не строй планов. Я согласилась остаться здесь только лишь потому, что пытаюсь быть милой.

Я говорила небрежным тоном, но меня заинтриговали его слова, и я спрашивала себя, в какое место он свозил бы меня, если бы знал, что я соглашусь. Я наблюдала, как он делал заказ, становясь все более чувствительной к его прикосновениям. Он удерживал меня рукой за плечи, и эти, казалось бы, невинные касания, посылали волны желания по всему моему телу.

Я не выдержала и шагнула назад, небрежно проводя рукой по своим волосам.

— Итан, складывается впечатление, что ты прекрасно знаешь Филадельфию. Как давно ты здесь живешь?

— Шесть или семь лет. А ты?

— Около двух.

— Хм, да ты все еще новичок, — поддразнил он. — Хорошо, что у тебя есть я, чтобы показать окрестности, — я рассмеялась. — Если тебе когда-нибудь понадобится компания или персональный гид, позвони мне, — подмигнул он.

— Благодарю за твое предложение, но, к сожалению, это неосуществимо. У меня нет твоего номера. Вот досада, — саркастично произнесла я и состроила расстроенную мину.

«Зачем ты это сказала? — ругала я себя, внутренне съежившись. — Зачем ты с ним флиртуешь?»

— Так это просто исправить.

До того, как я успела сказать, что это была лишь шутка и что мне не нужен его номер, он выхватил айфон из моей открытой сумки и вбил в него свой номер. Затем нажал на дозвон, и его телефон начал звонить.

Он мне улыбнулся:

— Знаешь, Лив. Если ты действительно хотела дать мне свой номер, то так бы и сказала. Тебе не нужно было ходить вокруг да около.

Я уставилась на этого нахала с открытым ртом, готовясь высказать все, что о нем думаю. Но не успела: он поднялся, чтобы забрать наш заказ. Уходя, он повернулся и

подмигнул мне с улыбкой.

— Р-р-р, как же он меня бесит, — пробормотала я себе под нос.

Однако немного подумав, я пришла к выводу, что не так уж и раздражена. Он был самоуверенным и дерзким но, как бы сильно я не отрицала этот факт, общение с ним доставляло мне удовольствие.

Он возвратился с нашей едой, сияя.

— Откуда эта счастливая улыбка? — я смотрела на него с подозрением.

— Я здесь, в свой выходной, ем свой любимый сэндвич в компании с красивой, дерзкой и прямолинейной девушкой, которая любит приключения. Почему же мне не быть счастливым?

Я перевела взгляд на потолок с таким видом, будто мне это все безразлично. Но от его слов мое сердце на миг пропустило удар, а потом понеслось с бешеной скоростью.

— Хватит закатывать свои обольстительные глазки. Приступай к бутерброду, пока он не остыл, женщина.

Я рассмеялась и, решив его немного подразнить, впила зубами в большой кусок сэндвича с говяжьей грудинкой и жареным яйцом. Но совершила ошибку: укусив, я надорвала желток и тот начал сочиться из моего рта.

Итан засмеялся:

— Проклятье, вот как должны есть современные девушки!

Я покраснела и скорчила ему рожицу:

— Ты будишь во мне грязнулю.

Он наклонился, ухмыляясь:

— Я люблю, когда грязно, — произнес он низким, хриплым голосом, звучащим в этом переполненном магазине для одной меня.

Затем он обхватил мое лицо рукой и большим пальцем вытер уголок моих губ.

Его шершавое прикосновение будто током ударило по моим губам, распространившись дальше по каждой клеточке тела. Я тяжело сглотнула, наблюдая, как он слизал желток с пальца, удерживая мой взгляд своими глубокими, темными глазами.

— Я... — я пыталась хоть что-нибудь сказать, но никак не могла подобрать слова.

«Лив, это сумасшествие. Как можно вот так запросто идти на поводу у этого мужчины? Можно ли ему доверять?» — взывал к моему разуму внутренний голос.

Но я оттолкнула эти мысли. В моей голове крутились слова Итана: «Жизнь ждать не будет».

— Лив, в своей жизни я совершил много поступков, о которых теперь раскаиваюсь. Поэтому я поклялся себе, что буду говорить только то, что думаю и тогда, когда хочу, — он помолчал, а потом наклонился еще ближе, оставляя между нами всего несколько сантиметров. — Ты мне нравишься. И мне все равно, что ты состоишь с кем-то в отношениях. Меня не волнует, что из-за этого ты можешь чувствовать дискомфорт. Мне плевать, что ты считаешь это признание неожиданным и безумным. Я знаю, ты тоже что-то чувствуешь. И, в конце-концов, я хочу увидеть, к чему это приведет.

Затем он склонился, и я почувствовала тепло его дыхания на своих губах. Но прежде, чем наши губы встретились, я попятилась, осознав смысл его слов. Я состою в отношениях. Коннор!

Итан недоуменно нахмурился:

— В чем дело?

— Я не могу этого сделать.

— Можешь. И я знаю, что хочешь. Я чувствую это.

Я покачала головой, стараясь не думать о том, чего мне хотелось в данную минуту.

— Нет, Итан. Я помолвлена. Поэтому, все это не правильно. Ты хороший парень, Итан. И мне было сегодня весело. Ты помог мне расслабиться и забыть о некоторых вещах, происходящих в моей жизни. Но...

— Что такого, если сегодня ты повеселишься и насладишься жизнью? Я точно знаю, что ты хочешь меня так же сильно, как и я тебя. Что в этом плохого?

— То, что я принадлежу другому...

Я вдруг осознала, что объясняя ему эту истину, пытаюсь урезонить свои чувства.

— Мне все равно, — ответил он. — Меня заботит только то, что чувствуешь ты.

— Но мне не все равно, — я отвернулась от него и закрыла глаза, пытаясь не дать его словам сбить меня с толку. — Я, на самом деле, ничего такого с тобой не хочу, — я сделала паузу и посмотрела на него снова. — Я наслаждалась твоей компанией, Итан, — сказала я ровным голосом. — Это так. Но между нами не может быть чего-то большего, чем дружба. Я помолвлена. Для тебя это может не иметь значения, но для меня этот факт значит многое. Я обручена с добрым, любящим и щедрым человеком, который меня обожает. И я не стану совершать поступки, способные причинить ему боль.

Итан молча смотрел на меня темными глазами, в которых плескалась ярость, крепко сжав челюсти. Видимо, он надеялся услышать совершенно другие слова.

— Так что не мог бы ты отвезти меня домой, пожалуйста?

После нескольких секунд молчания его тело расслабилось, и он выдавил из себя улыбку:

— Хорошо. Если это то, чего ты действительно желаешь.

***

— Ты выглядишь великолепно, детка. — Коннор оглядел меня с ног до головы. — Тебе нравится?

— Оно прекрасно, Коннор, — я заставила себя широко улыбнуться, глядя на элегантное платье из бирюзового шифона, в которое была одета. — Тебе, правда, не стоило его покупать.

— Лив, весь вчерашний день и большую часть сегодняшнего, я чувствовал себя ужасно. Ведь я оставил тебя здесь одну, в то время как сам был в Нью-Йорке. Это меньшее, что я мог сделать. И поскольку мы собираемся на наше первое свидание после твоего возвращения, то мне бы хотелось, чтобы этот вечер стал особенным.

— Ах, Коннор, — я была тронута его предусмотрительностью. — Я посмотрела меню «Сада Талулы» онлайн и нашла его потрясающим и экстравагантным. Обычного ужина там будет более чем достаточно.

На его лице появилась улыбка:

— Будущая миссис Брейди достойна чего-то большего.

— Что ты имеешь в виду? — я была озадачена его репликой.

Оставив мой вопрос без ответа, он достал из своего портфеля прямоугольный бархатный футляр для драгоценностей. Его лицо лучилось гордостью. Он посмотрел в мои изумленные глаза и передал коробочку мне.

— Давай же, открой ее, — попросил он с легкой улыбкой.

Я задержала дыхание, поглаживая пальцами мягкий бархат. Когда я открыла футляр, у меня вырвался громкий вздох. Внутри лежала великолепная цепочка с кулоном из изумруда в окружении бриллиантов.

— О, Коннор... — выдохнула я.

— Оно смоделировано и выполнено специально для тебя, Лив. Ты понятия не имеешь, как я был счастлив, когда ты наконец вышла из комы. Я был так напуган вероятностью навсегда тебя потерять, — проговорил он взволнованно, а затем остановился, чтобы вернуть себе самообладание. — Я хотел подарить тебе что-то, способное передать, насколько ты для меня важна.

Я смотрела на ожерелье, ошеломленная его сюрпризом. Я на мгновение потеряла дар речи.

Я достала украшение из коробочки, и Коннор помог мне его застегнуть на шею.

— Однажды ты сказала, что изумруд — твой любимый драгоценный камень, потому что он является талисманом твоей матери. Я знаю, как много она для тебя значила, поэтому мне захотелось, чтобы у тебя было что-то особенное, что напоминало бы тебе о ней и обо мне одновременно. О двух самых дорогих для тебя людях.

Он смотрел на меня с теплой улыбкой, ожидая, когда я что-нибудь произнесу.

На мои глаза навернулись слезы. Какой он милый и внимательный, я такого не заслуживала.

— Оно прекрасно, Коннор. — Я обхватила его за шею и страстно поцеловала. — Ты слишком хорош для меня, — прошептала я между поцелуями.

Я уткнулась лицом ему в грудь. Меня буквально разъедала вина за то, что я почти поддалась Итану.

— Значит, оно тебе понравилось? — он посмотрел на меня с надеждой.

Я покачала головой, поражаясь безупречности этого мужчины.

— Конечно, да. Я влюбилась в него, Коннор.

— Я рад, — просиял он. — Я беспокоился, что оно тебе не понравится и ты не захочешь его надевать.

— Я буду носить его все время. Обещаю, — я обняла его и глубоко вдохнула знакомый запах, расслабляясь в его руках. — Спасибо тебе за то, что ты такой удивительный.

— Ты этого заслуживаешь, детка, — он отстранился и посмотрел на свои часы. — Если мы не хотим упустить зарезервированный нами столик, то нам пора идти.

Я кивнула и улыбнулась. Я чувствовала себя счастливой от того, что он был в моей жизни, и хотела помнить о нем как можно больше.

***

— Боже мой, это изумительно, — простонала я, пробуя еще один кусочек своего скерт-стейка.

— Рад, что твои вкусы не изменились, — произнес со смехом Коннор, смакуя красное вино и глядя, как я наслаждаюсь своим блюдом.

Я нахмурилась:

— С твоим стейком что-то не так? — я оглядела его скерт-стейк, который он едва надрезал и удивилась, зачем он сделал заказ, если не хотел есть.

— Нет, он, как всегда, великолепен. У меня был поздний обед, поэтому я не слишком

голоден. Но не волнуйся, он не пропадет, Скутер любит здешние стейки.

Я захихикала и наморщила нос:

— Знаешь что? Ты балуешь всех, включая свою собаку.

Он усмехнулся:

— Я балую только тех, кого люблю, — он потянулся к моей руке через стол. — Я, действительно, безумно рад быть здесь с тобой. Как будто и не было аварии.

Я выдавила улыбку:

— Я, правда, хотела бы вспомнить все, чтобы вернуться к своей прежней жизни.

Он пожал мою руку:

— Ты вспоминала что-нибудь в последнее время? Ты упоминала, что собиралась изучить свои фотоальбомы. Они тебе помогли?

Я покачала головой:

— Они оказались бесполезны, но у меня проскочило несколько случайных воспоминаний.

— Да? Отлично, детка. Обо мне что-то было? — он с надеждой на меня посмотрел.

Я покраснела и, наклонившись к нему, ответила приглушенным голосом:

— Ну, в тот день, когда я вышла из комы — было.

В этот момент его телефон, завибрировав, ожил. Я не успела рассказать Коннору о том, что вспомнила его оральные ласки.

— Извини, Лив. Я должен принять вызов, — он виновато на меня посмотрел и ответил на звонок.

— Коннор, слушаю, — проговорил он в трубку своим четким, профессиональным тоном.

Я заметила, что пара за соседним столиком бросила на моего жениха быстрый взгляд и недовольно нахмурились. Но Коннор либо не заметил этого, либо ему было все равно.

Он посмотрел на меня и одними губами произнес:

— Извини.

Я улыбнулась, покачала головой и так же беззвучно произнесла в ответ:

— Ничего страшного.

Я сделала глоток вина, чтобы чем-то себя занять, пока Коннор, не прерывая, слушал своего абонента.

— Понятно, — он нахмурил лоб. — Да, конечно. Я без проблем пересмотрю для вас цифры. Просто отправьте мне документы.

Коннор повесил трубку и снова сосредоточил свое внимание на мне.

— Извини, Лив. Это тот клиент, из-за которого я ездил в Нью-Йорк. Наша сделка ограничена временными рамками. Надеюсь, ты не возражаешь.

— Конечно же нет, — я успокаивающе покачала головой.

— Благодарю. Ты всегда понимала, как важна для меня компания. Так на чем мы остановились?

— Эм, — я попыталась вспомнить, о чем мы говорили перед тем, как нас прервали. — Я не помню.

— Ну и бог с ним, — он опустил взгляд на свой телефон. Я видела, что он был рассеян. — Так как прошел твой вчерашний день? Чем ты, в итоге, занялась?

Я прикусила губу, раздумывая об ответе. Я знала, что для того, чтобы ответить честно на его вопрос, избавиться от поселившегося внутри меня чувства вины и быть невестой,

которую он заслуживает, мне следовало рассказать ему об Итане. Я посмотрела на свое обручальное кольцо, дотрагиваясь второй рукой до кулона на шее, который будто бы прожигал мою кожу. Да, я обязана ему рассказать.

— Я пошла к музею искусств Филадельфии и... — я избегала его взгляда, — ...как ни странно, наткнулась там на парня, предотвратившего мое падение перед больницей две недели тому назад.

— О, это же здорово, любимая. Ты всегда любила музеи, — сказал Коннор безразличным голосом.

Смущенная его ответом, я снова на него посмотрела. И поняла, что он, занятый чтением сообщения на своем телефоне, не слышал, что я говорила об Итане.

— Коннор?

— Да, любимая, — отозвался он, не поднимая глаз от экрана.

— Все в порядке?

Наконец он, как будто, вышел из транса и посмотрел на меня.

— О, да. Извини, Лив. Тот клиент прислал мне документы, — он жестом указал на свой телефон, как будто этого было достаточно, для объяснения. — Ты же знаешь, как это бывает. Еще одно срочное дело, клиент прежде всего.

— Я... — я хотела сказать, что не знаю «как это бывает», но прикусила язык.

Мне не хотелось портить особенный вечер, который он для нас запланировал.

— Лив, — прервал Коннор мои мысли. — Мне невыносимо это делать, но ты не возражаешь, если мы сократим вечер?

— Что? — услышала я как будто со стороны свой голос. Я была чрезмерно удивлена просьбой жениха.

Он нахмурился:

— Мне так жаль, любимая. Я совершенно не предполагал, что так получится, но мне нужно на несколько часов заехать в офис. Клиент хочет завершить сделку этим вечером, или все отменяется.

Я даже не успела ответить, а Коннор уже попросил счет у нашей официантки.

— Не расстраивайся, Лив, — сказал он, заметив мое потрясение и разочарование.

— Ничего страшного, — попыталась успокоить я его, выдавив улыбку.

Пятнадцать минут спустя мы стояли перед рестораном, ожидая, пока парковщик подаст автомобиль Коннора.

— Мне нужно ехать прямо в офис, поэтому я не могу подвезти тебя до дома. Давай я позвоню Джиму, чтобы он тебя забрал.

— Нет, все нормально, правда, — настаивала я на своем. — Сейчас довольно рано, и магазины все еще открыты. Я хочу пройтись и сделать некоторые покупки, — солгала я.

На самом деле я не планировала ничего подобного. Я хотела прогуляться до дома в одиночестве, чтобы прояснить свои мысли.

— Любимая, ты уверена? Джим мог бы покатать тебя по району.

— Не беспокойся. Мы живем менее чем в полутора километрах отсюда, и на протяжении всего пути есть магазины, — я заставила себя еще раз улыбнуться. — Со мной все будет в порядке.

Возле нас остановился автомобиль Коннора, прерывая наш разговор.

— Хорошо. Я люблю тебя, Лив, — он крепко меня обнял и поцеловал в щеку. — Я буду дома прежде, чем ты успеешь соскучиться.

— Хорошо. Не работай слишком усердно.

— Ах да, ты не против покормить Скутера остатками моего стейка, когда вернешься? — он протянул мне пакет с едой.

— Да, конечно. Без проблем.

— Получи удовольствие от покупок, красавица. Скоро увидимся, — сказал он, скользнул в «Астон», и машина тронулась с места.

— Пока, — прошептала я, глядя на исчезающий за углом автомобиль.

По пути домой я прокручивала в голове события сегодняшнего вечера. Я знала, что у Коннора была ответственная работа: он был исполнительным директором компании с многомиллионным оборотом. Но я не могла сделать вид, будто не разочарована окончанием этого вечера. Я не могла притвориться, что не огорчена тем, насколько быстро он завершил наш ужин ради этой работы. А еще, эгоистка внутри меня обиделась на то, что он не услышал моих слов об Итане. Я упустила свою возможность избавиться от отягощающей меня вины.

Я поневоле начала сомневаться в своих отношениях с Коннором и сразу же вспомнила то, что сказала мне Анна несколько недель назад.

«Ты — одна из самых трудолюбивых сотрудников в «Брейди Глобал»... Вообще-то, практически каждый считает, что вы идеальная пара. Вы оба сексуальны, умны и упорно работаете. На самом деле, ты привлекла внимание Коннора, в первую очередь, своим упорным трудом и преданностью компании».

«Насколько права Анна? Неужели до амнезии я была таким же трудоголиком как и Коннор? Заботилась ли я о «Брейди Глобал» так же сильно как и он? Может, нас свела фанатичная увлеченность работой? Если допустить, что Анна права, то могу ли я сейчас винить Коннора, если сама была такой же. Мы были. Как же мы смогли влюбиться?»

Возвращаясь домой я была полностью поглощена своими мыслями, поэтому поняла, что уже дошла, только обнаружив себя приближающейся к нашему особняку.

У двери меня ожидал Джим:

— Добрый вечер, мисс Стюарт. Мистер Брейди меня проинформировал о том, что этим вечером вы будете заниматься покупками. Я был готов забрать вас где бы вы ни были, если бы вы мне позвонили.

Я выдавила из себя слабую вежливую улыбку:

— Спасибо за ваше рвение, Джим. Но сегодня такая удивительная, прохладная июньская ночь, что мне захотелось пройтись до дома пешком, чтобы насладиться бодрящей свежестью воздуха.

— Да, мисс Стюарт. На улице действительно свежо. По прогнозу погоды сообщили, что надвигается буря.

— Тогда я рада, что добралась до дома вовремя.

Я повернулась к окну и увидела огромные свинцовые тучи, стремительнодвигающиеся на горизонте.

— Безусловно, я тоже. Не думаю, что мистер Брейди был бы мной доволен, если бы вы попали под дождь во время моего дежурства.

«Его дежурства?». Эти слова заставили меня насторожиться.

— Не волнуйтесь, Джим. Я могу о себе позаботиться. Я не стала бы говорить Коннору ничего, что могло бы негативно на вас отразиться.

— Благодарю, мисс Стюарт. Я рад, что вы благополучно добрались до дома. Потребуется ли вам моя помощь на оставшуюся часть вечера?

Я покачала головой:

— Нет. Спасибо, Джим. Хорошего вечера.

Он кивнул, а затем удалился в свою комнату, расположенную в конце коридора, на противоположной стороне особняка. Услышав звук закрывающейся двери, я облегченно вздохнула.

Убрав остатки стейка в холодильник, я пошла, чтобы переодеться в удобную футболку и спортивные штаны. Я вернулась в гостиную и вновь начала думать о своем женихе и о событиях этого вечера. Я была расстроена и сбита с толку, меня раздирали на части противоречивые чувства. Я была разочарована тем, как Коннор сократил наш ужин-свидание из-за работы, и не могла этого отрицать. Но еще я знала, что нужно учитывать и другие факты, от которых нельзя отмахнуться. Даже после всего, что со мной произошло за последние несколько недель, Коннор оставался на моей стороне. Пока я была в коме, он каждый день приходил в больницу, и после того, как я пришла в себя, он навещал меня так же часто. Когда я относилась к нему как к незнакомцу, вздрагивая от его прикосновений, он оставался понимающим и терпеливым. Он был щедрым и любящим, показывая мне вновь и вновь, что я по-прежнему ему дорога.

Я непроизвольно потянулась рукой к изумрудному кулону и решила для себя, что мне нужно ответить Коннору таким же пониманием и терпением в этот нелегкий для нас период. Для него вся эта ситуация была не менее трудной. Меня не покидало ощущение, что если бы не моя амнезия, то, вероятно, в этот самый момент я была бы на работе вместе с

Коннором, стояла бы рядом с ним и помогала преодолеть этот кризис.

Но меня сегодня там не было, и я не была его партнером по разрешению проблемы. Вместо этого я была той, о ком он был вынужден беспокоиться и заботиться. Я живу в этом вычурном особняке, оплачиваемом благодаря его тяжкому труду, и расстроилась из-за того, что в наши планы на ужин вмешался кризис на работе. Он не изменился. Это я стала другой. Я забыла все, что было для меня когда-то важно.

Мое внимание привлек стук маленьких лапок по деревянному полу. В следующую секунду Скутер атаковал мою ногу, требуя, чтобы я уделила ему внимание.

— Привет, Скутер.

Он залаял, будто спрашивая, почему его хозяин не вернулся вместе со мной.

— Коннору пришлось ненадолго уехать на работу. Но угадай, что он тебе сегодня купил? — я прошла на кухню и открыла холодильник.

Скутер возбужденно вился вокруг меня, чувствуя, что для него было припасено кое-что особенное. Я вытащила стейк из коробки и положила его на тарелку, смеясь над тем, как пёсик кружил вокруг меня, нетерпеливо лая.

— Вот, держи, приятель, — я присела на корточки и положила тарелку на пол перед ним, наблюдая, как он набрасывается на еду. — Ты так избалован, Скутер. Ты это знаешь? — он меня проигнорировал, направив все свое внимание на мясо.

Этот проглот менее чем за две минуты отполировал тарелку дочиста, не оставив ни единого следа от того, что лежало там всего несколько минут назад.

— Было вкусно, а? — я почесала лоб Скутера, задыхающегося от волнения. Он облизал мой нос, словно благодаря за угощение, которым только что наслаждался, и я захихикала. — Фу, слюни, Скутер, — смеялась я, вытирая лицо тыльной стороной ладони.

— Добрый вечер, мисс Стюарт, — услышала я голос Дебры.

Я подняла глаза и увидела, как она входит в комнату.

— Привет, Дебра. Помните о чем мы договаривались? — я приветливо ей улыбнулась.

— Добрый вечер, Лив, — сказала она мягко и неуверенно, оглядывая комнату, чтобы убедиться, что Коннор не прячется в каком-нибудь темном углу. — Пора выгулять Скутера, — она подошла к собаке с поводком в руке.

— Я бы хотела прогуляться с ним сама, — я протянула руку к поводку. — Я знаю, как сильно Коннор любит эту собаку и мне кажется, что Скутер наконец-то начинает привязываться и ко мне тоже.

— Вы уверены, что справитесь?

Я послала ей уверенную улыбку:

— Безусловно. Может быть, вы возьмете отгул на оставшуюся часть дня?

— Я могу пойти на прогулку вместе с вами, — предложила она.

— Нет, не глупите. В последнее время вы так тяжело работали, да еще я слонялась по всему дому. Почему бы вам хоть немного не отдохнуть сегодня вечером?

Ее лицо осветила теплая улыбка:

— Спасибо, Лив. Это так мило с вашей стороны. Если вам сегодня еще что-нибудь понадобится, то просто меня позовите.

— Со мной все будет в порядке. Спокойной ночи, Дебра.

— Спокойной ночи.

Я прикрепила поводок к ошейнику Скутера и погладила его по мордочке:

— Хочешь на прогулку, приятель?

Пёс завилял хвостом и в нетерпении побежал к входной двери. Мы шагнули в темноту улицы и на нас тут же обрушился порыв ветра, заставив меня задрожать. Тяжелые тучи, недавно маячившие на горизонте, теперь двигались прямо над нами.

— Пошли, Скутер. Давай прогуляемся по-быстрому, чтобы успеть вернуться до дождя.

Пёс повел меня вниз по улице, разыскивая по округе свои излюбленные местечки. Я обхватила себя руками, спасаясь от ночной прохлады, и глубоко вздохнула. Воздух насыщали испарения от пыли, поднявшейся с тротуара. Я почувствовала на своем лице легкие капли дождя. Посмотрев на Скутера, занятого обнюхиванием участка травы, я поняла, что он еще не хочет возвращаться.

— Это всего лишь небольшой дождь, — внушала я себе.

Вдруг Скутер вскинул голову и увидел кошку, перебегающую дорогу. Прежде чем я успела среагировать, пес яростно залаял и помчался через пустынную улицу, выдернув поводок у меня из рук.

— Скутер, стой! — закричала я, выходя на тротуар.

Не успела я пересечь улицу, как меня парализовал слепящий свет фар приближающегося автомобиля, вывернувшего из-за угла. Мысленно я вернулась к аварии.

Я оказалась в холодном мраке ночи. Я изо всех сил бежала прочь от смеха и болтовни, в своих украшенных стразами босоножках от Yves Saint Laurent. Мне бы не стоило все время носить обувь на высоком каблуке. Сейчас я мечтала о единственной паре теннисных туфель, которая пылилась у меня в гардеробной.

Но неудобная обувь не замедлила мой бег. Я стремилась убраться отсюда по-дальше. Это было последнее место, где я хотела быть.

— Лив! — окликнул меня знакомый мужской голос.

Этот звук побудил меня двигаться еще быстрее. Я подтянула вверх отягощающее мое тело и сковывающее движения розовое вечернее платье, украшенное стразами. Воздух морозный и колючий, но кажется, будто адреналин, бегущий по моим венам, защищает меня от холода, словно теплое одеяло.

Внезапно меня ослепил яркий свет автомобильных фар, приближающийся ко мне на огромной скорости. Раздался резкий визг тормозов, заглушая все остальные шумы. Я ощутила толчок холодного металла, а затем меня отбросило на обочину дороги.

— Мисс? — доносился сквозь дымку воспоминаний настойчивый женский голос.

Я почувствовала чью-то руку на своем плече, которая меня осторожно потряхивала. Я открыла глаза и увидела, склонившуюся надо мной испуганную женщину средних лет.

— Что случилось? — я огляделась и поняла, что сижу на середине тротуара. — Кто меня звал по имени? — в поисках ответа я посмотрела на женщину.

Нахмурившись, она осмотрелась вокруг, а затем, в замешательстве, перевела свой взгляд на меня.

— Эм... я не знаю, что вы имеете в виду. Кроме нас здесь никого нет, а я не знаю вашего имени. Я повернула из-за угла и увидела, как вы бежите, насколько я поняла, за собакой. Но увидев мой автомобиль, вы остановились и просто осели на землю.

— Скутер! — я вспомнила о собаке и развернулась в сторону того места, где видела его в последний раз. Но его там не оказалось.

Я быстро встала и огляделась.

— Мисс, с вами все в порядке? — женщина выглядела взволнованной.

— Да, я в порядке, но вы случайно не видели тут собаку?

— Я видела ее несколько секунд назад, когда впервые вас заметила. Но когда вы упали, я остановила машину и поспешила к вам. Я не знаю, куда она делась. Мне очень жаль.

— Вот дерьмо, мне нужно его найти.

Я повернулась, чтобы уйти, но женщина меня остановила:

— Мисс! Вы уверены, что с вами все будет хорошо?

Я встретила ее заботливый взгляд:

— Да. Так и есть. Извините, что я вас напугала, но мне нужно идти. Спасибо за помощь.

Не дав ей возможности ответить, я побежала вниз по улице, выискивая какие-либо признаки Скутера.

Пятнадцать минут спустя, так и не найдя собаку, я почувствовала, как на меня начинают накатывать волны паники. Я выхватила телефон, нашла номер Коннора и, сделав глубокий вдох, позвонила.

— Коннор. Слушаю.

Его голос был отрывисто-грубый, и по его тону я поняла, что он пребывал не в лучшем расположении духа.

— Коннор, это Лив, — произнесла я нерешительно, продолжая идти по улице и выискивая глазами Скутера.

— Ох. Лив, — его тон смягчился, похоже, он удивился, услышав мой голос. — Прости, детка. Я не посмотрел, кто звонит, когда брал трубку. — Он говорил рассеяно. Я слышала спорящие на заднем фоне голоса. — Все в порядке?

Я напряглась и затаила дыхание:

— Эм-м. Ты занят?

— Да. Очень. Я сейчас в самом центре чертового шторма. Клиент только что сбросил нам кое-какую информацию, которая могла погубить эту сделку. Мне нужно все исправить, для того, чтобы она состоялась. Что-то случилось?

Я помолчала, решая, стоит ли ему сообщать неприятную новость.

— Эм-м, я пришла домой и покормила Скутера остатками скерт-стейка и...

— И? — вмешался он нетерпеливо, пытаясь подтолкнуть меня к продолжению.

— Ну, я в курсе, что обычно его выгуливает Дебра, но после того, как я его накормила, он выглядел таким счастливым, что я решила погулять с ним сама, чтобы он смог быстрее ко мне привыкнуть.

— Хорошо. Извини меня, Лив. Пожалуйста, не пойми меня неправильно, но мне действительно нужно вернуться к работе. Не могли бы мы поговорить, когда я вернусь домой? Или ты хочешь сказать что-то важное?

Я знала, что затягиваю с ответом, меня саму вся эта ситуация выбивала из колеи. Но я сумела не поддаться на его гневную отповедь.

Я с трудом сглотнула, чувствуя, словно в мои легкие перестал поступать кислород.

— Я потеряла Скутера, — проговорила я еле слышно, как будто если бы я говорила громче, это сделало бы исчезновение собаки более реальным и необратимым.

— Ты — что? Что значит потеряла? — в его голосе прорезалась сталь, заставившая меня почувствовать боль в животе от разрастающегося беспокойства.

— Он побежал за кошкой и вырвал поводок у меня из рук.

— Дерьмо! Не могу в это поверить, — воскликнул он с досадой. — Так, ладно, прямо сейчас я не могу отсюда уйти, чтобы начать поиски. Дерьмо! — я услышала, как он ударил стену, судя по всему, он был очень расстроен.

— Мне жаль. Все произошло так быстро.

— Черт, Лив. Ты же знаешь, что он — это единственное, что у меня осталось от Синди. Как ты могла такое допустить?

От его резких слов я мгновенно насторожилась.

— Кто такая Синди? — требовательно спросила я, сбитая с толку тем, что не слышала этого имени прежде. — Даже если я и знала о ней и о ее связи со Скутером, то еще не вспомнила об этом, — добавила я встревожено.

На том конце провода наступила тишина.

Затем Коннор сказал на выдохе:

— Прости меня, Лив. Синди — это моя бывшая девушка.

Его признание меня шокировало, оставив после себя больше вопросов чем ответов.

— Единственное, что у тебя осталось от Синди, — повторила я его комментарий. — Так значит, ты завел Скутера в то время, когда встречался с Синди? И я знала об этом раньше?

— Да, я рассказывал тебе о том, что с ней случилось. Это долгая история, так что этот разговор может подождать, пока я не вернусь из офиса.

Я потеряла дар речи, не зная, что сказать. Неужели я могла знать о бывшей девушке Коннора и о том, какое большое значение имеет для него Скутер, и хорошо ко всему этому относиться? В замешательстве я пыталась примириться с этими фактами, чувствуя головокружение.

— Лив, детка, извини, что я на тебя набросился. Просто сейчас у меня безумно много дел. Слушай, мне действительно нужно идти. Скажи Джиму и Дебре отправиться на его поиски. Он не мог убежать слишком далеко. Я постараюсь приехать домой как можно скорее. Мне действительно жаль, но мне нужно вернуться к работе.

И прежде чем я успела ответить, линия отключилась.

Я хотела ему перезвонить, но когда отыскала номер вновь, поняла, что не знаю, о чем нам еще говорить.

«Если раньше я знала о Синди и Скутере и относилась к этому нормально, то, судя по всему, мне не о чем беспокоиться», — попыталась я себя убедить.

Дождь припустил сильнее, влага пропитала рубашку, а мои мысли опять устремились к Скутеру.

Я поняла — чтобы найти собаку, мне необходима чья-то помощь. Часы на моем телефоне показывали 21:36. Я не хотела беспокоить Джима и Дебру, особенно после того, как отпустила их на весь оставшийся вечер. Поэтому я нашла номер Анны и позвонила ей.

— Привет, Лив! — закричала она, перекрикивая громкую танцевальную музыку.

— Анна? Ты где?

— Я в «Молве». Если ты свободна, то должна приехать! Это не далеко от твоего дома. Диджей сегодня просто изумительный!

Я нахмурилась, догадавшись, что застала ее в неподходящее время.

— Нет, все в порядке. Давай споемся как-нибудь потом, хорошо?

— Хорошо! — захихикала она сквозь музыку. — Люблю тебя, Лив! Пообщаемся позже!

Повесив трубку я уставилась на свой телефон. В этот момент я чувствовала себя более потерянной и запутавшейся, чем когда вышла из комы. Мой взгляд остановился на имени, зафиксированном в истории моих звонков. Итан Джеймс.

— Итан Джеймс, — произнесла я вслух, вспоминая, как он прозванивал мой номер день назад в «У Пайсано». Какая-то необъяснимая сила подтолкнула меня набрать его номер.

Он поднял трубку после первого же гудка.

— Какой приятный сюрприз. — На заднем фоне я услышала джазовую музыку и негромкий говор. — Интересно, что сподвигло девушку, еще вчера разыгрывающую из себя недотрогу, мне позвонить?

Быть может, свою роль сыграл переход от холодной отталкивающей беседы с Коннором к неприкрытому заигрыванию Итана, но я невольно улыбнулась, хотя сейчас мне было не до смеха.

— Извини, что беспокою тебя. Судя по доносящимся звукам, ты сейчас не дома.

— Ничего серьезного. Я просто выпиваю с несколькими друзьями. Вообще-то, мы сидим в «Кафе у Монаха», неподалеку от твоего дома. Хочешь присоединиться? — даже не видя его, я догадалась, что у него на лице расцвела хитрая улыбка.

— Нет. Извини, наверное, мне не стоило звонить. Я просто не знала, к кому мне еще обратиться.

— Что случилось? Ты в порядке? — игривая самонадеянность в его голосе моментально сменилась на беспокойство.

— Да, со мной все в порядке, но я потеряла собаку Коннора, Скутера, и не знаю, что мне теперь делать.

— А где Коннор?

— На работе. Я ему звонила, но прямо сейчас он разрешает возникшие проблемы и поэтому не может уйти.

— Хорошо, я сейчас же рассчитываюсь. Буду в течение нескольких минут.

— Нет, ты не обязан, — проговорила я быстро, чувствуя вину за то, что помешала его вечернему отдыху. — Ты встречаешься с друзьями. Мне действительно не следовало звонить...

— Прекрати, Лив. Я приеду, чтобы помочь тебе найти собаку твоего жениха и ты не сможешь меня остановить. Понятно?

Я кивнула, но поняла, что он меня не видит и ответила:

— Понятно. Я двигаюсь по двадцать первой улице и в данный момент прохожу мимо «Саранчи». Я буду крутиться поблизости от этого здания, так что дай мне знать, когда будешь подъезжать.

— Конечно. О, и для протокола, я делаю это потому, что ты мне нравишься, а не из-за того, что я в восторге от твоего жениха или его собаки, — произнес он шутливо.

Я не смогла не рассмеяться. Даже в такую минуту он сумел меня развеселить.

Пять минут спустя рядом со мной притормозило такси, из которого выпрыгнул Итан.

Я подбежала, чтобы его поприветствовать.

— Ты не за рулем? — спросила я, глядя на отъезжающий автомобиль.

— Нет. Моя машина в ремонте, и, трудно в это поверить, но мой байк на самом деле не любит дождь, — он приветственно меня обнял, тепло улыбаясь. Затем раскрыл свой зонт и поднял его надо мной. — Где твой зонт?

Я помрачнела:

— Я не думала, что он мне понадобится, когда выходила из дому. Но даже если бы мне в голову пришла подобная мысль, то я не знаю, где именно в доме они находятся.

— Ах, верно. Амнезия.

Я кивнула, ощущая свою беспомощность.

Итан улыбнулся:

— Ну, если это тебя утешит, то если бы я жил в таком огромном особняке, возле которого вчера тебя высадил, то, скорее всего, тоже не знал бы, где хранятся зонты.

Я встретила с ним взглядом и почувствовала облегчение от того, что он сейчас рядом.

— Итак, его кличка Скутер. Порода — джек-рассел-терьер.

В течение следующих пятнадцати минут мы ходили по окрестностям, прячась от дождя под его зонтом, выкрикивая кличку пса и выискивая любые признаки его присутствия.

— Спасибо, что пришел на помощь, — посмотрела я на него с благодарностью, когда мы завернули за угол очередной улицы.

— Без проблем, — подмигнул он и улыбнулся. — Но не думай, что ты какая-то особенная, — добавил он в своей обычной шутливой манере. — У меня комплекс супергероя, поэтому я ничего не мог с собой поделывать.

Я подавила смех и спросила:

— Что за комплекс?

— Обыкновенный комплекс супергероя. Когда я вижу, что красивая женщина нуждается в помощи, то не могу пройти мимо и не помочь. Я приду на выручку, даже если она будет отказываться, — он усмехнулся, игриво подтолкнув меня в предплечье.

— Понятно, — хихикнула я, забавляясь. — И какой именно супергеройской силой ты обладаешь?

— Я довольно могуществен, чтоб ты знала, — саркастически ответил он, имитируя доверительную беседу. — Я обладатель молодецкой внешности и неприкрытого обаяния. А еще я способен заставить тебя смеяться даже в такую минуту.

Подтверждая его слова, я рассмеялась и закатила глаза:

— Никогда не думала, что кто-то, на самом деле, может быть настолько самоуверенным.

Он пожал плечами:

— Я приму это как комплимент.

Несколько минут мы шли молча, продолжая искать Скутера.

Нарушил тишину Итан:

— Могу я кое о чем спросить?

— Конечно.

— Простой ночью, когда я тебя высадил, разве ты не упоминала, что у вас есть дворецкий и экономка?

— Да, Джим и Дебра.

— Допустим, Коннор не смог уйти с работы, но почему же они не помогли тебе искать собаку?

— Я отпустила их на остаток сегодняшнего вечера и поэтому не захотела беспокоить.

— Понятно, — он помолчал, раздумывая над моим ответом. — Но ты позвонила и побеспокоила меня.

— Я имела в виду не... — начала было защищаться я, но меня перебил его смех.

— Лив, я пошутил. Мне действительно не составило труда к тебе приехать, — сказал он с такой же теплотой в голосе как и во взгляде. Он смотрел на меня своими невероятными, темными глазами. — Я наслаждаюсь временем, проведенным с тобой.

— Спасибо тебе, — я послала ему слабую улыбку, не имея ни малейшего понятия, что сказать еще. Меня раздирали изнутри противоречивые ощущения.

— Так как давно у вас эта собака? — спросил он, сворачивая на следующую улицу.

Я нахмурилась:

— Скутер не мой пес, — я помолчала. — Коннор завел его восемь лет назад, во время своих предыдущих отношений.

Он запнулся на полпути и пристально на меня посмотрел:

— Ты мне вешаешь лапшу на уши, верно?

— Что? — я попыталась скрыть свои чувства.

— Как ты можешь так спокойно об этом говорить? Раз это пес Коннора, то почему он сейчас не ищет его вместе с тобой? Тем более, если он остался у него на память от предыдущих отношений, — Итан смотрел на меня предельно недоверчиво.

— Он застрял на работе. Там произошла чрезвычайная ситуация, и он не смог уйти.

Лицо моего спутника помрачнело, и я увидела, как он сильнее стиснул ручку зонта.

— У меня все это не укладывается в голове. Как может Коннор позволять своей невесте, которая только недавно вышла из комы и потеряла память, бродить по улицам одной посреди ночи, под проливным дождем, разыскивая его собаку? Что он за человек? — он замолчал, с каждым вздохом все яростнее сжимая челюсти.

По непонятной для себя самой причине, я начала защищать своего жениха:

— Он не в курсе, что я сейчас ищу Скутера. Коннор отличный парень, и он всегда ведет себя просто изумительно по отношению ко мне.

— Лив, мне трудно в это поверить. Я считаю, что ты заслуживаешь лучшего.

Он невольно озвучил мои мысли, пришедшие ко мне после произошедшего сегодня вечером между мной и Коннором. И от этого я еще больше настроилась защищаться.

— Хорошо, ты не обязан мне верить. Но правда есть правда. Коннор поддерживал меня на протяжении недель после несчастного случая. Все это время он был безмерно понимающим, любящим и терпеливым. Хотя для него, должно быть, нелегко любить того, кто даже его не помнит. Возможно, прямо сейчас он и не здесь, но он значит для меня намного больше, чем ты, — произнесла я и тут же пожалела о злых словах, сорвавшихся с моих губ.

Итан переменился в лице и отвел от меня свой пристальный взгляд. Когда он снова ко мне повернулся, его поведение изменилось.

— Я знаю, что для тебя он значит намного больше, чем я. Я признаю этот факт, насколько бы сложно это ни было. Но я не хочу видеть, как тебе причиняют боль. Прости, если мои слова тебя огорчили. Временами моя прямоота выходит мне боком.

— Итан, почему ты обо мне заботишься? Не хочу показаться грубой, но ты едва меня знаешь. Вначале я думала, что ты один из парней, ищущих, с кем бы позабавиться, и что ты принял меня за легкую добычу. Но в эту теорию никак не вписывается твой сегодняшний приезд. Я не понимаю, почему ты сейчас здесь, помогаешь мне и говоришь подобные вещи о Конноре. Ответь, почему ты обо мне беспокоишься?

К моему удивлению, он улыбнулся и покачал головой:

— Весь секрет в том, что я не могу этого объяснить. Я, действительно, не понимаю почему, но чем больше мы с тобой общаемся, тем сильнее мне хочется быть с тобой рядом, — он сделал паузу, изогнув губы в улыбке. — Ты правда не знаешь, как ты отличаешься от других?

Я нахмурилась, сбитая с толку его вопросом:

— Что ты имеешь в виду?

Он встретился со мной взглядом, и его заразительная улыбка стала еще шире.

— Ты по-настоящему заботаешься об окружающих тебя людях и ставишь их интересы выше своих. Ты и не думаешь жалеть себя из-за потери памяти или сосредоточиться на своих переживаниях, все твои мысли только о том, насколько сильно твоя амнезия повлияла на жизнь Коннора. Вместо того, чтобы поручить своим экономке и дворецкому розыск собаки или, как минимум, попросить помочь тебе в этом деле, ты не хочешь их беспокоить и оставляешь дома наслаждаться свободным вечером. Таким образом, пока они отдыхают дома, ты находишься снаружи, под проливным дождем, без зонта, посреди ночи и ищешь собаку, которую твой жених завел со своей бывшей девушкой.

— Многие на моем месте поступили бы так же. Это не является чем-то невероятным, — попыталась я опровергнуть его высказывания, чувствуя, как запылали мои щеки от его искренних слов.

Он недоуменно покачал головой:

— Это именно невероятно, Лив. Так поступить могла только ты. Твоя забота об окружающих естественна и бескорытна. Твоя душа по-настоящему добра. Ты не похожа ни на одну женщину, которых я встречал в своей жизни.

Я уставилась на Итана, не зная, как реагировать на его слова.

Он неловко засмеялся, нарушив молчание:

— Прости, наверное, я был не прав. Тебя устроит такой ответ на вопрос, почему я о тебе забочусь и хочу находиться рядом? — На его лице появилась смущенная улыбка. Он посмотрел на меня, ожидая моих дальнейших слов.

— Ты совсем не похож на мужчину из моих грез, Итан.

Мы встретились глазами и обменялись улыбками. В этот момент я почувствовала, как в моем отношении к нему что-то изменилось. Это было непонятное, новое ощущение, и оно меня пугало. Но я никак не могла от него отгородиться. Было в этом мужчине что-то такое, что меня заинтриговало. И, как бы сильно я не пыталась отрицать этот факт, я понимала, что хотела бы узнать о нем больше.

***

После почти двухчасового хождения по залитым дождем улицам, Скутера мы так и не обнаружили. Перед тем, как поймать себе такси, Итан проводил меня до дома.

Подойдя ко входной двери, я ощутила, как на меня снова наваливается тяжесть тревоги, сжимая каждое нервное окончание моего тела.

Но как только я переступила порог, то увидела бегущего по коридору Скутера, тут же на меня запрыгнувшего.

— Ты дома! — выкрикнула я, не веря своим глазам. От облегчения по моим щекам катились слезы.

— Привет, детка, — обрадовался Коннор, спеша мне на встречу. — Где ты была? Я уже начал беспокоиться.

Я пристально на него смотрела, не уверенная в своих чувствах после нашего последнего разговора.

— Я была на улице, искала Скутера.

— Боже мой, Лив, — он бросился к шкафу и достал полотенце. — Ты вся промокла. Почему ты ходила там сама? Почему с тобой не пошли Джим и Дебра?

Я безучастно стояла, глядя на пса, а затем подняла глаза на Коннора:

— Когда ты вернулся домой, он уже был здесь?

— Да. Когда я приехал около получаса тому назад, он ожидал у двери. Что с тобой случилось? Все хорошо? Я пытался дозвониться, но твой телефон был отключен.

Я посмотрела на свой телефон и поняла, что он разрядился.

— Наверное, батарея села, когда я блуждала по улицам.

Коннор попытался завернуть меня в полотенце, но я отодвинулась. На его лице промелькнула боль от моего отказа принять его заботу.

— Лив, я действительно сожалею обо всем, что случилось раньше. Я так сильно нервничал из-за того, что сделка находилась на грани срыва, что сорвался на тебе. Мне очень жаль, что я на тебя набросился. Я вел себя как мудака.

Я встретила с ним взглядом и на мгновение почувствовала, как испаряется мой гнев.

Но я тут же вспомнила о тревожащем меня вопросе:

— Кто такая Синди?

— О, — на его лице появилось понимание. — Извини, что вывалил все это на тебя без каких-либо объяснений. О чем я только думал? В тот момент я совершенно забыл о твоей амнезии, — проговорил он виновато.

— Так почему ты ее упомянул?

Коннор вздохнул:

— Синди была моей девушкой в колледже. Мы были вместе три года. Она скончалась от рака, — заговорил он дрожащим голосом. — Все время, пока мы встречались, она говорила о том, как было бы здорово завести собаку. Поэтому, когда ей поставили диагноз, я повел ее в приют для животных, и там мы взяли Скутера. Она скончалась через пять месяцев после этого.

Я пропускала рассказ Коннора через себя, не сдерживая слез. Теперь я по-другому смотрела на Скутера, понимая, от чего он был так важен для моего жениха.

— Коннор, я сожалею о Синди. Я не знала этой истории, когда мы общались по телефону.

— Нет, не стоит, — он бросился ко мне и все-таки завернул в полотенце. — Во время телефонного разговора я повел себя как мудака. Мне приходится быть таким, когда я имею дело с бизнесменами, но мне не следует относиться таким образом к тебе. Я безумно сожалею.

— Все нормально. Знаю, это был сумасшедший день, — наши глаза встретились, и я заставила себя слабо улыбнуться. — Я просто рада, что со Скутером ничего не случилось.

Коннор притянул меня к себе и крепко обнял:

— Ты удивительная, Лив. Не знаю, что бы я без тебя делал.

Оказавшись в его руках, я закрыла глаза, пытаюсь привести свои чувства в порядок.

— Я действительно устала от сегодняшнего вечера. Так что собираюсь быстро принять душ и пойти в постель.

Он кивнул, но в его глазах я увидела затаённое беспокойство.

— Хорошо. Перед тем как лечь, я хочу еще немного поработать, — он наклонился и поцеловал меня в лоб. — Сладких снов, детка. Увидимся утром.

— Спокойной ночи.

Я направилась в ванную, и меня тотчас же захлестнул хоровод мыслей.

Не смотря на все, что произошло сегодня, я знала, что все еще забочусь о Конноре. Осознавала, что все хорошее, сделанное им для меня за последний месяц, не может быть

перечеркнуто событиями одного-единственного вечера. Когда Коннор сегодня впервые упомянул о Синди, я почувствовала себя обманутой. Мне показалось, что человек, которого, по моему мнению, я знала, единственный, кто проявлял обо мне заботу и любивший меня, лгал мне абсолютно во всем. Но выслушав историю его бывшей девушки и то, как она умерла, я от всего сердца посочувствовала Коннору за то, что ему пришлось пережить. Это еще больше утвердило меня в мысли, что Коннор невероятно хороший человек. Безусловно, то, что случилось с Синди не могло оправдать его хамского поведения этим вечером. Однако я понимала, что он был обычным человеком, со своими слабостями и недостатками. В конце концов, он извинился. Это тоже много значит, верно?

От мыслей о Конноре и попыток оправдать его поведение, я переметнулась к Итану, заново осмысливая то, что он мне сегодня сказал. После сегодняшней череды печальных событий, я ощущала себя стоящей на перепутье, но выбрать можно было только одну дорогу. По итогам сегодняшнего вечера, я обнаружила, что разрываюсь между двумя мужчинами: заботливым и оберегающим женихом, о котором у меня не было ни единого воспоминания, и мятежным, но таким удивительно-сладким незнакомцем, заставившим меня задаться вопросом: каким же человеком я когда-то была?

Глава 6

Я толкнула стеклянные двери, ведущие в темноту улицы. По моему лицу текли слезы. Как же быстро сегодняшний вечер перевернулся вверх тормашками! Я еще слышала звуки беззаботного гомона, доносящиеся из главного зала, где проходила вечеринка в честь нашей помолвки. Но как только за моей спиной захлопнулась дверь, их поглотила ночная тишина.

Я изо всех сил бежала прочь от смеха и болтовни, в своих украшенных стразами босоножках от Yves Saint Laurent. Мне бы не стоило все время носить обувь на высоком каблуке. Сейчас я мечтала о единственной паре теннисных туфель, которая пылилась у меня в гардеробной.

Но неудобная обувь не замедлила мой бег. Я стремилась убраться отсюда по-дальше. Это было последнее место, где я хотела быть.

— Лив! — окликнул меня знакомый мужской голос.

Этот звук побудил меня двигаться еще быстрее. Я подтянула вверх отягощающее мое тело и сковывающее движения розовое вечернее платье, украшенное стразами. Воздух морозный и колючий, но кажется, будто адреналин, бегущий по моим венам, защищает меня от холода, словно теплое одеяло. Я продолжала движение, полностью сосредоточившись на ускорении темпа.

— Лив! — позвал он меня снова, на этот раз ближе.

Я резко остановилась и, развернувшись, увидела зовущего меня человека приблизительно в сорока метрах от входа в здание.

Его широко раскрытые глаза, наполненные чувством вины и тревоги, четко выделялись на совершенно белом лице.

Это был Коннор.

Я подскочила на постели в холодном поту. Мокрый топик неприятно лип к телу. Я тяжело дышала, пытаюсь справиться с волнением и напряженно осматривала комнату, чтобы определить, где я нахожусь. Через несколько секунд я поняла, что лежу в теплой огромной постели, а не стою на улице посреди ночи. По солнечным лучам, пробивающимся сквозь кипенно-белые занавески, я догадалась, что было раннее утро.

— Ты проснулась, — спокойный, мягкий голос Коннора заставил меня подпрыгнуть.

В дверном проеме нашей спальни с подносом в руке стоял Коннор. Наши взгляды встретились, от чего мое тело будто заледенело.

— Привет, — промолвила я с трудом, поскольку образы из моего последнего воспоминания были еще слишком свежи.

— Детка, я еще раз хочу извиниться за прошлый вечер. Я был говнюком. И, чтобы показать, насколько я сожалею, я приготовил твой любимый завтрак: французский тост, слегка прожаренные с двух сторон яйца, бекон и клубнику, — он указал жестом на поднос.

— Ох...

Я совершенно запуталась. Я не могла совместить образ Коннора из моего воспоминания и Коннора, проснувшегося сегодня рано утром, чтобы приготовить мне завтрак в постель.

Он разместил поднос передо мной.

— Еще я выжал для тебя апельсиновый сок. Ты ведь его так любишь.

— Спасибо, — я посмотрела ему в глаза и увидела лишь милого, любящего мужчину, который был рядом со мной с тех пор, как я пришла в себя после комы.

— Не надо меня благодарить. Просто прими этот завтрак в качестве моих извинений. Обещаю, вчерашнего больше не повторится.

Я кивнула и послала ему слабую, неуверенную улыбку. Однако меня продолжал мучить вопрос: что же случилось в тот вечер, до аварии. Почему Коннор мне не сказал, что был там непосредственно перед тем, как меня сбила машина? По какой причине я от него убегала? Я все еще ощущала бурлящее во мне непреодолимое желание быть от него так далеко, как только это возможно.

Он присел на кровать рядом со мной:

— Ты же знаешь, как сильно я тебя люблю, правда?

Он пальцами приласкал мое лицо и наклонился для поцелуя. Я замерла. А Коннор целовал меня, сперва нежно, но с каждой секундой распаяясь все больше. Он требовал от меня ответной пылкости своим влажным жаждущим ртом, становясь все более ненасытным. Но как только он раздвинул языком мои губы, я резко отвернулась, прервав контакт.

Коннор сразу же остановился и немного отодвинулся.

— Лив, в чем дело? Ты побледнела, — он потянулся к моей руке, но я отстранилась от его прикосновения и встала с кровати.

— Я в порядке, — проговорила я быстро. Внутри меня с новой силой завоились чувства, которые я испытывала к нему в воспоминании.

— В чем дело? Что случилось? — спросил он тревожно, будто чувствуя мою неуверенность. — Тебе приснился дурной сон?

Я повернулась и взглянула на него:

— Это был не сон. Это было воспоминание, — я была точно уверена, что я именно вспоминала, а не спала.

— Ну это же хорошо, не так ли? — он поднял голову и изучающе на меня посмотрел.

Я отвернулась, пытаюсь разобраться в своем видении.

Его глаза расширились, он сел ровнее:

— И о чем оно было?

— Я видела в нем тебя, — сказала я обвиняющим шепотом. Он был явно заинтригован. — Ты ведь был там, непосредственно перед аварией. Я видела, как ты за мной гнался. И слышала, что ты пытался меня остановить, но я тебя не послушалась. Я была расстроена и хотела просто уйти. И именно в этот момент меня сбила машина...

— Мне жаль, Лив, — его лицо было искажено от боли. — Как я хотел бы остановить тебя вовремя. Хотел бы получить этот удар вместо тебя.

— Так почему же ты не сказал мне раньше, что был там рядом со мной?

— Разве? — он в замешательстве нахмурился. — Я думал, что упоминал об этом.

Он подошел ко мне с мольбой в глазах и обнял, и я расслабилась в его теплых объятиях. Я словно тонула в море сумбурных эмоций, бурлящих внутри меня.

Коннор провел рукой по моим волосам, убирая несколько выбившихся прядей за ухо, а после приподнял мою голову за подбородок, заставляя меня встретиться с ним взглядом.

— Мне очень жаль, если я забыл тебе об этом сообщить, Лив, — сказал он извиняющимся, почти что раскаивающимся тоном. — Возможно, подсознательно, я чувствовал себя слишком виноватым, чтобы рассказать тебе все детали той ночи, — он помрачнел. — Случившееся — моя вина.

Я удивленно на него посмотрела, чувствуя, как от тревоги мучительно сжимается мой желудок.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что это была твоя вина? Ты же не был за рулем того автомобиля.

— Нет, но... — он склонил голову. — Я... просто чувствую за тебя ответственность.

Я нахмурилась, догадываясь, что он хочет сказать что-то еще, но не решается.

— Ты знаешь, как именно произошла авария? Знаешь, почему я сбежала с вечеринки в честь нашей помолвки?

Он кивнул и отвернулся:

— Хотел бы я вернуть все назад. Как бы я хотел...

— Так что же там произошло? Скажи мне, пожалуйста, — я сделала шаг назад и задержала дыхание, подготавливая себя к наихудшему сценарию.

Коннор посмотрел на меня, и на его лице я увидела сожаление.

— Как ты уже знаешь, тем вечером мы праздновали нашу помолвку в музее наук института имени Франклина, — он помолчал, мрачней все больше. — Ближе к концу вечера мы поссорились, и ты выбежала из зала приемов... Я поспешил за тобой, но когда вышел наружу, то увидел, как ты перебежала улицу. Именно в этот момент тебя и сбила машина.

Я ощутила, как по моей спине пробежал холодок, а горло перехватило. Но все же спросила:

— Из-за чего мы поссорились?

Он с сожалением покачал головой:

— Это произошло из-за полнейшей глупости. Мы оба долгое время как проклятые работали ради интересов компании, но ты хотела, чтобы на нашей вечеринке не было и намека на работу. Поэтому я пообещал тебе еще до начала праздника, что так и будет, — он сделал паузу.

— Продолжай, — поторопила я его.

— Тогда наша компания была в самом разгаре огромной сделки по слиянию, и на вечеринке присутствовал один из моих бизнес-партнеров. Мы начали разговаривать о сделке, и во время беседы ему пришла в голову одна великолепная идея. А я захотел проверить, будет ли работать эта его задумка в рамках наших финансовых прогнозов. Закончилось все тем, что мы стали разбирать все «за» и «против» в одном из административных кабинетов здания, воспользовавшись моим ноутбуком, в котором была вбита вся информация по клиенту. Ты вошла, когда мы проверяли цифры, и догадавшись, что я нарушил свое обещание, очень расстроилась.

— И я из-за этого сбежала?

Я пыталась понять, что могло вызвать те сильные чувства, которые я испытывала в своем воспоминании.

— Ну, мы поссорились и сгоряча наговорили друг другу разные гадости... и мои слова, должно быть, действительно тебя обидели, потому что ты убежала.

— Что же ты сказал?

Я не знала, почему меня это так волновало, но я хотела знать, что мною двигало. Как бы я не пыталась отогнать от себя подобные мысли, но я невольно вновь возвращалась к нашему вчерашнему телефонному разговору.

— Если честно, то я даже не могу вспомнить точно. Ты была огорчена и накричала на меня, а я стал защищаться и ответил не менее грубо, — он вздохнул. — Мне очень жаль, Лив. Знаю, что во всем виноват только я, и ненавижу себя за это. Если бы в ту ночь я не нарушил данное тебе обещание, мы бы не поругались так глупо и ты не убежала бы... и не пострадала

бы в аварии, — его голос надломился, а лицо покраснело от страданий. — Прости меня, пожалуйста, Лив.

Чувствуя комок в горле, я пыталась осмыслить его рассказ.

— Как часто подобное происходило? — спросила я.

— Что ты имеешь в виду?

Я встретила с его полными боли глазами.

— Как часто мы ругались из-за работы?

— Нет, ты не правильно поняла. На самом деле, мы ссорились редко. Именно работа свела нас вместе. Мы влюбились друг в друга во время поздних вечеров в офисе.

— О.

— Лив, — он взял меня за руку. — Я знаю, что не идеален. Знаю, что я совершил кучу ошибок. Но пожалуйста, не отказывайся от меня. Прошу тебя, позволь мне хотя бы попытаться стать для тебя идеальным мужчиной, даже если будут дни, когда я буду спотыкаться и проваливаться в своих попытках, — он притянул меня в свои объятия. — Я люблю тебя и нуждаюсь в тебе больше, чем ты себе представляешь, — прошептал он мне на ухо и начал целовать, сначала в одну щечку, затем в другую, потом в лоб, в нос, и, наконец, в губы. После он отстранился и посмотрел на меня. — Надеюсь, что ты это знаешь.

Тронутая его словами, я кивнула:

— Знаю.

Мои слова звучали немного приглушенно, так как я спрянула свое лицо на его твердой груди.

«Прекрати так остро реагировать», — шикнула я на себя.

Я пыталась сосредоточиться на всех изумительных поступках, которые Коннор совершил ради меня и не заострять внимание на нескольких, сделанных им ошибках.

Мы отстранились друг от друга, и я решила попробовать отодвинуть сомнения, которые, казалось, разъедали мои чувства к Коннору. Решила попытаться быть такой же понимающей и любящей по отношению к нему, каким он был ко мне. Я в долгу перед ним хотя бы за это. Я посмотрела на завтрак, заботливо приготовленный им для меня.

«Лив, сосредоточься на этих моментах».

Я встретила его взгляд и радостно улыбнулась:

— Умираю от голода. А ты уже поел?

Он рассмеялся:

— Еще нет, но я не голоден, — он игриво скривился и поддразнил меня. — Не пытайся спихнуть свой завтрак мне, даже его не попробовав. Я знаю, тебе нравится, как я готовлю. И не забывай, что я специально проснулся очень рано и словно твой раб готовил все эти блюда сам. Дебра мне даже не помогала.

Я захихикала. Я окунулась в теплоту в его глазах и расслабилась.

— И еще кое-что, — добавил он, но замолчал, выдерживая драматическую паузу.

— Что? — не выдержала я наконец.

— В следующую субботу — твой день рождения.

— Разве? — Я была потрясена этой новостью, напомнившей мне о том, как много всего о себе я еще не знала. Например... — И сколько мне исполняется?

— Двадцать один, конечно же, — усмехнулся Коннор, игриво тронув кончик моего носа пальцем.

Я бросила на него скептический взгляд и скрестила руки, показывая свое недовольство.

— Хорошо, хорошо. Для меня ты всегда выглядишь не более, чем на двадцать один. Но-о, если нам так уж необходимо соблюдать формальности, то тебе исполнится двадцать девять.

— Двадцать девять, — повторила я, вбирая в себя эту новую информацию.

— Как бы там ни было, ты — малявка, — он улыбнулся. — Я подумал, что мы могли бы провести твой день рождения в «Мельбурн очардс»^[2].

— В «Мельбурн очардс»?

— Да, ты как-то упоминала об этом месте, еще до аварии, и сказала, что хочешь побывать на их фестивале. Тебя по-настоящему захватила возможность покататься на телеге с сеном и собрать яблоки в садах. А еще ты безумно хотела попробовать их знаменитые пончики из яблочного сидра, о которых ты много чего вычитала. Ну так как, звучит заманчиво?

Его слова меня обрадовали:

— Да! Это должно быть очень весело, — я не смогла скрыть волнения в голосе.

Кроме того, что мне по-настоящему понравилась идея прокатиться на телеге, собирая яблоки, я была рада узнать, что все это так же восхищало меня до амнезии. За месяц, прошедший с тех пор, как я вышла из комы, я снова и снова задавалась вопросом: каким же человеком я была до аварии? А еще: осталась ли я той же самой личностью, была ли я по-прежнему той девушкой, которую любил Коннор или я все же изменилась? Эти вопросы постоянно всплывали на фоне моих противоречивых чувств к Коннору.

Поэтому, стоило только мне представить, как мы будем веселиться по-простому, на лоне природы, внутри меня будто стали взрываться пузырьки надежды на лучшее, мгновенно поднимая мое настроение.

Полная оптимизма, я с аппетитом съела восхитительный завтрак, приготовленный Коннором. Я поймала себя на мысли, что на протяжении часа, не меньше, радовалась и заливалась смехом, пока Коннор развлекал меня историями о периоде, когда он за мной ухаживал. Впервые за долгое время я не чувствовала, что проживаю жизнь другого человека. Я нашла свое место в объятиях любимого, тая от силы наших взаимных чувств. Слушая эмоциональные рассказы Коннора о том, как мы проводили поздние вечера в офисе, о наших совместных шутках, обо всем на свете, я наконец сумела разглядеть в нем то, из-за чего я в него влюбилась. Он обладал неоспоримым шармом, невольно притягивающим к себе, от чего я чувствовала себя рядом с ним комфортно и непринужденно.

Но, тем не менее, не смотря на мое всевозрастающее влечение к Коннору, я никак не могла избавиться от мучительного чувства, будто мне чего-то не хватает, словно что-то было не так, как будто что-то действительно изменилось. Неужели все дело во мне? Да, у меня теперешней было много общего со мной из прошлого, но я все равно стала другой. И если это так, то смогу ли я когда-нибудь вернуться к той личности, которой была до комы? Точнее, захочу ли я быть тем человеком вновь?

***

— Эй, милая!

Я посмотрела на Коннора и улыбнулась:

— Привет.

Он взглянул на раскрытый дневник и ручку в моей руке:

— Не знал, что ты продолжаешь его вести.

— До недавнего времени я тоже об этом не подозревала, но у меня было воспоминание, в котором я вела записи, когда была подростком. И я подумала, что было бы неплохо документировать мои теперешние чувства.

— Это действительно хорошая мысль.

Тепло его улыбки отразилось и в голосе.

— Ты куда-то уезжаешь? — спросила я, посмотрев на его портфель и небольшую дорожную сумку, стоящие в коридоре.

— Да, — его губы недовольно скривились. — Мне жаль, что приходится снова ехать в Нью-Йорк. Во время нынешней поездки мы должны будем завершить эту сделку. По идее, как только это произойдет, все немного устаканится.

— Не беспокойся, Коннор. Я все понимаю. К тому же, прошла уже неделя с тех пор, как ты в последний раз видел этого клиента. Уверена, что рискуя такими большими деньгами, он имеет право требовать твоего личного участия, пока вы все не завершите.

— Ты знаешь, что ты совершенно необыкновенная?

Он подошел и поцеловал меня, нарочито медленно и обольстительно. Я знала, что он желал большего, но меня всегда что-то удерживало от того, чтобы открыться ему до конца. Как будто между нами стояла неподдающаяся, резиновая преграда, отодвигающая все его попытки перевести наши отношения на сексуальный уровень.

— Безопасного тебе путешествия, — я выдавила из себя улыбку, пытаюсь не заикливаться на неловкости, всплывающей каждый раз после очередного поединка по перетягиванию чувственного каната. — Надеюсь, с клиентом все пройдет гладко.

На его лице вспыхнула теплая улыбка, которая удивительно подходила его точенному лицу.

— Я вернусь даже раньше, чем ты начнешь по мне скучать, — поддразнил он.

— Сомневаюсь в этом, — парировала я с усмешкой.

Меня немного раздражало затруднительное положение, в которое меня поставил Коннор, исподволь пытаюсь выведать мои чувства по поводу его отъезда.

— Хорошо, зато я уже начинаю по тебе скучать, так что я выиграл, — сказал он между двумя быстрыми поцелуями в губы.

Моя досада усилилась и я попыталась скрыть свои чувства.

— Я не думала, что мы соревнуемся, — бросила я саркастично.

Он усмехнулся, обнял меня на прощание и направился к двери. По-видимому, он посчитал, что я включилась в игру и ответила таким же игривым поддразниванием. Хотя я сама позволила ему так думать. Но на самом деле, моя реплика была невольным протестом против того, чтобы мои эмоции, тоска по ком-то, рассматривались как соревнование или деловая сделка, где должны быть победители и проигравшие.

«Ты накручиваешь себя, Лив, — попыталась я себя урезонить. — Он просто с тобой заигрывал, пытаюсь разморозить твою холодность».

Я отмела голос разума, не желая к нему прислушиваться, пока в ситуацию были вовлечены мои эмоции. После предыдущей поездки Коннора в Нью-Йорк прошла всего неделя. Но я радовалась новой передышке от его неустанного внимания, восхищения и, как бы странно это ни звучало, контроля.

«Лив, какая же ты неблагодарная сучка. Как ты можешь так думать?» — запротестовал тихий голосок разума у меня внутри.

— Что есть, то есть, — произнесла я вслух, и слова эхом отразились в пустой гостиной.

Как бы сильно я не хотела почувствовать себя иначе, но в последние несколько дней я просто задыхалась от удушающего приторного внимания и покровительства Коннора. Я, правда, пыталась относиться к нему с такой же любовью и пониманием, как и он ко мне. Но для меня это оказалось невыполнимой задачей, и я дошла до такого состояния, когда ощутила, что перестаю быть самой собой.

Я глубоко вздохнула, осознавая, что сейчас я была растеряна и сбита с толку больше, чем когда-либо ранее.

За день до моего дня рождения Джим высадил меня у паба «Варга», в котором подавали изысканные блюда, натуральное пиво и коктейли.

Как только я вошла в помещение с интерьером, отделанным под старину, то услышала как из дальнего конца бара меня зовет Анна:

— Я здесь, дорогая, — чтобы привлечь мое внимание, она подняла руку вверх.

Я с улыбкой помахала ей в ответ, направляясь туда, где она сидела. Повсюду на стенах были развешаны старинные картины, по стилю напоминающие творения Альберто Варгаса — известного перуанского художника, рисовавшего девушек в стиле пинап^[3].

— Привет, Анна!

Она поприветствовала меня теплыми объятиями и заразительной улыбкой:

— Ты долго искала это место?

— Извини, я немного опоздала. Джим настоял на том, чтобы меня отвезти. Мы не заблудились, но застряли в пробке, — я закатила глаза и покачала головой, показывая свое недовольство сложившейся ситуацией.

Анна рассмеялась:

— Похоже, к тебе приставили соглядатая.

— Ты тоже это заметила? — я была рада, что Анна понимала мои чувства. — Из-за этого я чувствую себя так, словно мне исполняется девять, а не двадцать девять.

— Да, должно быть, это безумно раздражает. Кстати, давай выпьем за твой день рождения, — она жестом попросила бармена сделать мне то же, что и у нее. Я заметила, что она пьет коктейль.

Я приподняла бровь, решив над ней подшутить, и скептически посмотрела на ее напиток:

— Я думала, что мы встречаемся для позднего завтрака.

Подруга хихикнула:

— Милая, это же «Кровавая Мэри». Томатный сок, оливки, сельдерей и бекон, плюс немного водки, — она пожала плечами. — Как по мне, так это вполне питательный завтрак.

Я рассмеялась и покачала головой:

— Анна, ты просто чудо.

Мне нравилось то, как беззаботно, весело и энергично шла Анна по жизни, хотела бы я быть на нее похожей хоть немного.

— Думаю, помимо этого, здесь подают и еду, — делая большой глоток из своего стакана, она небрежно указала рукой на меню. Затем просияла хитрой улыбкой. — Но, как кое-кто однажды заметил, нет ничего плохого в том, чтобы заменить ее жидким завтраком.

— Я такое говорила? — я была удивлена ее намеком.

Подошел бармен и поставил передо мной стакан с «Кровавой Мэри».

— Ага, — произнесла она, хихикая. — Раньше мы много веселились. Ты была душой компании.

В ее глазах я увидела отблеск ностальгии по тем временам.

— Я сильно изменилась после аварии?

Я опасалась услышать ее ответ, но из всех вопросов, которые начали меня мучить после выхода из комы, этот преследовал неизменно и, казалось, затмевал все остальные.

— Нет, не совсем, — она подняла голову и посмотрела на мое лицо, на котором застыло растерянное выражение. — Когда мы с тобой познакомились, ты только переехала в Филадельфию. Тогда ты упорно заваливала себя работой, но с таким же рвением отмечала праздники и наслаждалась жизнью. Не знаю, было ли дело в смерти твоей матери или же ты всегда была такой, но ты на самом деле была страстно увлечена идеей прожить свою жизнь по полной. Ты часто говорила, что поставила себе цель ежедневно делать что-то, что вызывает у тебя страх. Это не должно было быть чем-то значительным, но каждый день ты совершала поступок, выталкивающий тебя из зоны комфорта.

— И Коннору во мне это нравилось?

Личность, описанная Анной не была похожа на девушку, в которую, по моим представлениям, он мог бы влюбиться.

Она пожала плечами:

— В действительности, я не уверена. После того, как ты начала встречаться с Коннором, ты стала относиться к некоторым вещам серьезнее. Коннор создал свою компанию с нуля, за собственные средства, поэтому она — его гордость и отрада. По моему мнению, как только ваши отношения перешли на более серьезный уровень, ты переключила практически весь свой пыл и энергию на то, что заботило Коннора больше всего — на «Брейди Глобал».

Я нахмурилась, не зная, как относиться к подобным изменениям в моем стиле жизни, которым, по словам Анны, я подверглась.

— Значит, после встречи с Коннором я изменилась?

Она заметила мое беспокойство и тепло мне улыбнулась:

— Ну, я бы не сказала, что ты изменилась существенно, Лив. скорее, ты стала немного более деловой. Ты была счастливо влюблена в Коннора, и не забывай, что вас сблизили именно поздние вечера в офисе. Поэтому нет ничего плохого в том, что ты начала ответственнее относиться к работе и отдавать себя компании полностью, если все это было очень важно для твоего любимого человека.

— Это многое объясняет, — озвучила я свои мысли.

В ее словах была определенная логика. Этот рассказ помог мне еще кое-что понять.

— Что именно?

Я смущенно на нее посмотрела и почувствовала вину за свои мысли:

— Можно я тебе кое-что расскажу?

Она улыбнулась, глядя на меня с подозрением:

— Узнаю этот взгляд, — она наклонилась ко мне и захихикала. — Что ты хотела мне рассказать?

Я рассмеялась, вновь получив подтверждение тому, что Анна знала меня очень хорошо.

— Ну... ты говорила о том, как страстно я проживала жизнь и стремилась делать вещи, которые меня пугали... Так вот, в тот день, когда я выписалась из больницы, я столкнулась с одним парнем...

— О...

Я поняла, что она ожидала чего угодно, только не этих слов.

— Ну, он был дерзким, уверенным, и сразу же начал строить в отношении меня большие планы. И даже когда я сообщила ему о том, что помолвлена, его ничуть не смутил этот факт.

— И что было дальше? — на лице Анны появилась смесь волнения и удивления.

Я поведала подруге о своих встречах с Итаном, почувствовав облегчение от того, что рассказала об этом загадочном мужчине, о котором Коннор не имел ни малейшего понятия, кому-то еще.

— Ты общалась с ним после того, как он помогал тебе искать Скутера?

Я покачала головой:

— Нет. Он написал мне несколько сообщений, чтобы убедиться, все ли у меня в порядке. Я ответила ему, дав знать, что Скутер дома и в безопасности. И больше я с ним не контактировала, — я помолчала, чувствуя себя не в своей тарелке из-за того, в чем была вынуждена признаться. — Я пыталась держаться от него подальше, но...

— Но тебе кажется, что ты не можешь перестать о нем думать, — с проблеском волнения в глазах, закончила за меня Анна.

— Боже, Анна, я ужасный человек. Как я могу думать о другом мужчине, когда у меня есть Коннор? Он такой понимающий и внимательный. Мало того, что я не давала ему меня коснуться, так еще в тайне думала о ком-то другом. Кто так делает? — от стыда я спрятала лицо в ладонях.

— Лив, ты не плохая, — сказала она мягким сочувствующим голосом, нежно поглаживая меня по плечу в утешении. — Возможно, ты просто запуталась в своих ощущениях. Я имею в виду, что даже представить себе не могу, как бы я себя чувствовала, если бы однажды очнулась и мне сообщили, что я с кем-то помолвлена, а я даже не могу вспомнить этого человека. Тебе говорят, что ты его любишь, а у тебя нет этих чувств и в помине. Должно быть, эта ситуация очень сильно на тебя давит.

— Спасибо, — сказала я с признательностью.

— За что? — она слабо мне улыбнулась.

— За то, что выслушала меня без осуждения, за твою поддержку и понимание.

— Лив, дорогая, я люблю тебя. Ты можешь не помнить о нашей дружбе, но поверь, ты мне как сестра, которой у меня никогда не было, и я более чем уверена, что ты испытывала ко мне то же самое, — похвасталась она нашей дружбой, широко улыбаясь.

Я улыбнулась в ответ, благодарная своей подруге за ее готовность всегда меня поддержать.

— Уверена, все будет так, как и должно. В конце концов, поступай так, как считаешь правильным, а я все время буду рядом.

— Спасибо, Анна. Думаю, мне действительно нужно было это услышать. В последнее время я была сбита с толку тем, что чувствовала совсем не то, что должна бы, и это заставляло меня спрашивать себя раз за разом: «Насколько сильно я изменилась?».

— Лив, пусть ты этого и не помнишь, но ты нисколько не поменялась как личность, — она потянулась к моей руке и успокаивающе ее пожала. — Ты все еще та, прежняя заботливая, бескорыстная и верная девушка.

— Думаешь?

— Знаю, — она мне лучезарно улыбнулась. — Ну что, ты решила, что будешь делать?

Раздумывая над ее вопросом, я сделала большой глоток «Кровавой Мэри».

— Коннор удивительный человек, и я не собираюсь разрушать наши отношения. Полагаю, ты совершенно права. Сейчас я испытываю большое давление по отношению к тому, какие чувства должна к нему испытывать. Для меня он по-прежнему — незнакомец. А еще он так занят на работе, что у меня действительно было не так уж и много возможностей, чтобы узнать его по-настоящему. Но я знаю, что он меня любит, и я его тоже любила. Меня

пугает сама мысль о том, что теперь я не в состоянии испытывать к нему те чувства. С Итаном, безусловно, очень весело, но, возможно, он является просто отвлечением или предлогом, чтобы сбежать от моих чувств к Коннору, только потому, что я боюсь им противостоять.

— В этом есть смысл, — она одарила меня сочувствующей улыбкой.

— Так что, выходит, мне всего-навсего необходимо сосредоточиться на своих отношениях с Коннором. Мне и так достаточно сложно даются попытки прояснить свои к нему чувства, поэтому, абсолютно точно, не стоит примешивать туда еще и Итана.

— Это хорошая идея, — она подняла свой почти пустой стакан с коктейлем вверх. — Тост! За твой день рождения! Надеюсь, ты получишь огромное удовольствие, проведя его с любовью всей твоей жизни.

— За это я выпью, — усмехнувшись, я поднесла свой стакан к ее.

— Кстати, об этом. Интересно, что такого необычного приготовил для тебя Коннор, что мы вынуждены отмечать твой день рождения на день раньше?

— Сначала мы поедem в «Мельбурн очардс», а затем — на романтический ужин в ресторане, который он выберет.

— О, как же это здорово звучит! Я люблю ездить туда на сбор яблок. Похоже, Коннор запланировал для тебя отличный праздник.

Возбуждение Анны передалось и мне. Поэтому, когда она начала рассказывать мне о своей последней поездке в «Мельбурн очардс», я улыбалась и представляла себе, как завтра будет весело. К окончанию завтрака я поняла, что немного разобралась в своих чувствах и успокоилась по поводу наших с Коннором отношений. Анна права. Все будет так, как и должно.

***

В тот же день, позже, когда я добралась до дома, я заметила, что пропустила несколько звонков и голосовых сообщений от Коннора.

Я проверила голосовую почту.

«Привет, детка. Я бегу на следующую встречу, но у меня появилось желание перед этим позвонить тебе. Похоже на то, что мне не удастся вернуться сегодня вечером, как я планировал. У нас остались кое-какие хвосты, которые нужно подчистить до того, как мы завершим эту сделку. Сожалею, что это занимает больше времени, чем я думал. Но не беспокойся на счет завтрашнего дня. Обещаю, что завтра буду обязательно. Я приеду на самом первом поезде «Эсэла Экспресс» компании «Амтрак», выезжающим из Нью-Йорка рано утром и, вероятно, буду дома еще до твоего пробуждения. Не могу дождаться, момента когда буду собирать с тобой яблоки! Увидимся завтра, именинница. Я люблю тебя».

Дослушав голосовое сообщение Коннора, часть надежды, приобретенной мною после разговора с Анной, испарилась. Вместо нее появилось не предвещающее ничего хорошего ощущение, что завтрашний день пройдет не так, как планировался. Когда Коннор уезжал в Нью-Йорк несколько дней тому назад, он сказал, что будет отсутствовать всего один день. Но сегодня вечером он позвонил, чтобы сказать, что должен остаться еще на день. Эти отсрочки повторялись последние три вечера и вот, очередная задержка. Как бы мне не хотелось это признавать, но я начинала ощущать, что в списке приоритетов Коннора его компания всегда будет стоять на первом месте, а я буду идти за ней.

Я дотронулась до изумрудно-бриллиантового ожерелья, обвивающего мою шею, и тотчас же почувствовала себя ужасно из-за того, что поставила любовь Коннора под сомнение.

«Лив, прекрати! Почему ты продолжаешь думать о Конноре только худшее? Поверь в него хоть раз, для разнообразия».

Я тяжело выдохнула и попыталась вернуть хотя бы часть надежды, которая появилась у меня сегодня утром.

Я знала, что для того, чтобы наши отношения развивались нормально, мне необходимо выказывать к Коннору такое же понимание, терпение и доверие, которые он демонстрировал мне все прошедшие полтора месяца. Я должна верить, что он сдержит обещание. Должна верить, что завтра утром он будет дома и разбудит меня для того, чтобы мы могли провести мой день рождения вместе.

***

На следующее утро Коннор действительно меня разбудил.

Но не лично.

Он мне позвонил. Будильник на моей прикроватной тумбочке показывал 6:56. Я села на кровати и зевнула. Нажимая на кнопку принятия вызова, я продолжала цепляться за надежду, что он звонит мне для того, чтобы сообщить, что направляется домой.

— Алло? — осторожно сказала я, опасаясь его последующих слов.

— С днем рождения, Лив, — его голос звучал настолько утрировано жизнерадостно, что меня тут же накрыло волной опасений и разочарования.

— Привет. Ты еще едешь?

Я никак не хотела терять веру в то, что он все же сегодня приедет.

— Детка, я... — он замолчал, и наступившая тишина поглотила малейшую крупицу все еще остававшейся у меня надежды.

— Ты сегодня не вернешься, да? — спросила я ровным тоном.

Он немного помолчал и ответил:

— Лив, мне так жаль, милая. Мне невыносимо так с тобой поступать, но клиент хочет завершить сделку до завтра. Думаю, мы пробудем здесь до следующей недели. Я ужасно сожалею. Не расстраивайся, пожалуйста.

Я была слишком разочарована, чтобы найтись с ответом.

— Лив, обещаю, мы отпразднуем твой день рождения, как только я вернусь, — продолжал оправдываться он.

«Ты точно так же обещал, что приедешь сегодня», — хотела сказать я.

— Скажи что-нибудь, пожалуйста, — в его голосе слышалось отчаяние, и я ощутила, как меня начинают обуревать противоречивые чувства.

Я была расстроена из-за того, что он нарушил свое обещание. И хотела, чтобы он знал, насколько сильно. Но еще я понимала, что если сейчас что-нибудь скажу в сердцах, то позже об этом пожалею.

— Я не знаю, что сказать, Коннор. Я солгу, если скажу, что все в порядке и что я не огорчена твоим сегодняшним отсутствием. Я действительно с нетерпением ждала того, что ты запланировал на мой день рождения.

— Знаю, детка. И я с неменьшим нетерпением хотел бы быть сейчас с тобой. Поверь, я

куда с большей охотой провел бы сегодняшний день с тобой в «Мельбурн очардс» и поприисутствовал бы на миллом, романтическом ужине, чем в течение следующих пятнадцати часов находился бы здесь, в душном зале, с дюжиной сотрудников, работая без остановки и перехватывая еду на вынос. Лив, если бы я имел хоть шанс перенести все это на другой раз и провести этот день с тобой, я бы это сделал.

Я ему верила. Знала, что он очень много работал в последнее время, и что компания была для него очень важна. Я не забывала о том, что с помощью этого клиента они могли сорвать большой куш. Но понимание ситуации не могло уменьшить моего огромного разочарования. Всего этого было не достаточно для того, чтобы вернуть веру в будущее наших взаимоотношений, теплившуюся во мне до его звонка.

— Лив, я знаю, что это не идеальная ситуация.

От слов, которые он подобрал для описания его нарушенного обещания, я нахмурилась.

Но не успела я что-либо возразить, как он продолжил:

— Так как я не могу присутствовать на праздновании твоего дня рождения, я поручил Биллу спланировать для тебя особенный день, который ты заполнишь процедурами в спа-салонах и шоппингом. Он вышлет тебе все детали по электронной почте, а Джим будет тебя возить.

По неизвестной для меня самой причине, после этого заявления я еще больше расстроилась. Помимо того, что сложившаяся ситуация мало походила на идеальную, я находила особенно неприятным то, что Коннор придумал вспомогательный план, по которому я должна провести день в беготне по магазинам и посещении спа-салонов, и при этом он посчитал это достойной заменой своему отсутствию. Я не знала, какой была прежде, и какими были наши отношения, но сейчас ощущала себя не комфортно. Допустим, Анна была права, и наши отношения в основном вращались вокруг «Брейди Глобал». Тогда, как бы они развивались дальше, если бы я там не работала или не выкладывалась бы по полной программе? Неужели бы мы практически друг друга не видели, и любые возникающие между нами проблемы Коннор старался бы решать с помощью денег?

— Не беспокойся, Коннор, — произнесла я решительно. — Сегодня со мной все будет хорошо. Я не в настроении для спа и шоппинга.

— Лив, детка, ты огорчена?

Глупый вопрос.

— Давай поговорим об этом, когда ты вернешься.

Не дав ему ответить, я повесила трубку, демонстрируя, что я расстроилась, и что я не воспринимаю его поступки как само собой разумеющееся.

Какая-то часть меня ожидала, что он перезвонит для того, чтобы извиниться и убедиться, что я в порядке. Но он этого не сделал. Зато, несколько минут спустя, я получила электронное письмо от Билла, к которому прилагался разработанный им маршрут моего планируемого дня спа-процедур и шоппинга.

Текст сообщения был следующим:

«Дорогая мисс Стюарт,

Мистер Брейди приносит свои глубочайшие извинения из-за своего отсутствия сегодня на Вашем дне рождения. Он поручил мне сообщить Вам следующее: он понимает, что, возможно, Вы немного расстроились, но он обещает загладить свою вину после того, как вернется в Филадельфию.

Желаю Вам хорошего дня рождения. Я позволил себе запланировать для Вас день

расслабляющих спа-процедур и шоппинга в том случае, если Вы еще ничего не наметили. Ниже, вместе с маршрутом, расписаны все виды массажа и возможные мероприятия. Также в Вашем распоряжении будет находиться Джим. Он с радостью отвезет Вас туда, куда Вы захотите пойти.

Если у Вас возникнут какие-либо дополнительные пожелания, пожалуйста, обращайтесь ко мне без колебаний.

Всего хорошего,

Билл».

Я сразу же удалила это письмо, ни секунды не желая мириться с его существованием.

Я откинулась обратно на постель и залезла под простыни, чувствуя, как на сердце тяжким грузом опустилось разочарование. Я хотела верить, что из-за этого требовательного клиента и срочной сделки Коннор работал на пределе своих возможностей, и его поведение по отношению ко мне на этой неделе было просто случайностью. Но после очередного разочарования уверенности оставалось все меньше и меньше.

Мой телефон зазвонил снова, и я сразу же подумала, что Коннор решил перезвонить, чтобы объяснить. Но как только я посмотрела на экран, появившаяся у меня малюсенькая надежда рухнула. Это была Анна.

— Анна, привет, — заставила я себя поприветствовать ее веселым голосом.

— С днем рождения, Лив!

— Спасибо.

— Знаю, ты сейчас собираешься, чтобы провести замечательный день со своим любящим женихом. Но я хотела поймать тебя, пока вы не уехали, и пожелать счастливого дня рождения!

Я выслушивала теплые пожелания счастья от Анны, ощущая, как соленая слеза прочертила дорожку по моей щеке.

— Спасибо тебе, — смогла я выдавить.

Я хотела было рассказать ей о том, что случилось пару минут назад, но меня что-то остановило. Гордость. Я чувствовала себя неловко и глупо, и просто не могла рассказать своей подруге, что день, запланированный Коннором, отменился.

— Ну хорошо, не буду тебя задерживать. Позвони мне завтра. Жду всех подробностей об этом невероятном дне.

— Конечно. Созвонимся завтра. Спасибо, что позвонила, Анна.

Я быстро повесила трубку, опасаясь выдать свое разочарование голосом. Я опустила голову, невероятно себя жалея. Я была измучена взлетами и падениями эмоциональных американских горок, через которые меня провел Коннор за последние несколько дней. У меня больше не было сил притворяться, будто со мной все в порядке и что я была счастлива тем, как развиваются события.

Я схватила свой дневник с прикроватной тумбочки и раскрыла его. Ручка будто сама запорхала по странице. Я поразилась, как легко мне было изливать свои мысли на бумагу.

«...Сегодня мой день рождения, и я еще никогда в жизни не чувствовала себя настолько одинокой и напуганной...».

И в этот момент мое сознание погрузилось в новое воспоминание.

— Я дома, — донеслись до меня невнятно произнесенные слова. Затем я услышала, как он споткнулся, входя через парадную дверь.

Я оторвалась от своего дневника и увидела, как он заходит в гостиную.

— Привет, пап. Ты в порядке?

Я знала ответ на этот вопрос. По тому, как он покачивался, стоя на месте, и по запаху, исходящему от его одежды, я догадалась, что он выпил.

— Привет, лапуля. Как дела в школе? Чему вас сегодня учил мистер Стайн? — он упал на спину поперек дивана и включил телевизор.

— Папа, мистер Стайн был моим учителем в пятом классе. А я сейчас в шестом. Мою учительницу зовут мисс Боткинс.

Он посмотрел на меня остекленевшим взглядом:

— Верно, — и вернул свое внимание к телевизору.

— Лив? Я слышала, как хлопнула входная дверь, — в гостиную вошла мама, держа перед собой корзину с аккуратно сложенным свежевывстиранным бельем.

— Привет, детка. Я голоден. Можешь мне что-нибудь приготовить?

— Том, где ты был всю ночь? — спросила она гневно.

— Вчера на работе выдался тяжелый день. И мне нужно было отдохнуть.

— Ты сказал, что направишься прямо домой. Ты обещал, что не пойдешь в бар. — Ее тон отражал неодобрение, написанное на лице.

— Я целыми днями разбираюсь со всяким дерьмом, Лаура. И не собираюсь выслушивать подобное дерьмо и от тебя тоже.

— Том, следи за языком! — мама кивком указала на меня.

— Она уже не ребенок. И, вероятно, слышит такие слова в школе.

— Том, тебе необходимо протрезветь, — она повернулась ко мне: — Лив, иди наверх.

Я встала, собираясь уйти. Но когда проходила мимо отца, он крепко схватил меня своей грубой рукой, поднимаясь с дивана.

— Я только что пришел домой. И еще ни минуты с ней не провел.

— Том, ты не будешь проводить с ней время, пока пьян! — мама решительно подошла и попыталась встать между нами.

— Черта с два, — он оттолкнул мать в сторону, опрокинув корзину с одеждой.

Я в ужасе смотрела, как половина сложенного белья, пролетев по воздуху, приземлилась на полу.

— Папа, ты делаешь мне больно, — пожаловалась я, пытаюсь вырваться из его стальной хватки.

Но вместо того, чтобы меня отпустить, он усилил свой захват:

— Лив, не слушай свою мать. Я в порядке. Я всего лишь хочу послушать о том, как прошел твой день.

— Прекрати, Том. Убери от нее свои руки! — закричала мама, хватая отца за руку и пытаюсь оттащить его от меня.

— Не указывай мне, что делать, — парировал он.

Внезапно, в пылу борьбы, отец случайно ударил меня рукой по лицу. От удара перед моими глазами замелькали черные мушки. Я вскрикнула от боли, и отец тотчас же отпустил меня.

Он моргнул, будто очнувшись ото сна, на его лице промелькнула искра осознанности:

— Боже, Лив, прости меня, — он обхватил меня и притянул к себе, не обращая внимания на мое сопротивление. — Это произошло нечаянно. Я не хотел сделать тебе больно.

— Том, отойди от нее. Ты причиняешь ей боль, — мама наконец вытянула меня из его

объятий и встала между нами, осматривая мою руку. — Ты в порядке, милая?

Я покачала головой, по моим щекам стекали слезы.

— Лив, детка. Ты же знаешь, что я этого не хотел, — отец двинулся ко мне.

— Ненавижу, когда ты пьян!

Я прошла мимо матери и побежала по лестнице наверх, в свою спальню. Захлопнула за собой дверь, бросилась на кровать, и меня сотрясли неудержимые рыдания. На руке, в том месте, где только что меня держал отец, пульсировала тупая боль.

В тот день впервые отец сделал мне больно. Впервые он накричал на меня. Впервые в жизни я была так напугана.

До меня все громче и громче доносился звонок телефона. Он проник в мое воспоминание и вернул меня в настоящее. Я открыла глаза и поняла, что до сих пор лежу в постели. Слегка заторможенно, я потянулась к телефону и ответила, не глядя на номер звонящего.

— Алло?

— Проклятье, ты помнишь, как поднимать телефонную трубку.

Я не могла идентифицировать этот глубокий, хриплый голос.

— Кто это?

— Да уж, мне почти больно. Только не говори, что ты уже удалила номер телефона человека, который сначала спас тебе жизнь, а потом провел с тобой два часа под проливным дождем, разыскивая твою собаку.

— Итан, — по моему лицу расплылась улыбка. — Извини, я не посмотрела, кто звонит.

Он усмехнулся:

— Так вот почему ты ответила? Я застал тебя врасплох?

— Что ты имеешь в виду?

— Сама посуди, с момента нашего последнего разговора прошло уже больше недели, а еще ты игнорировала все мои сообщения и телефонные звонки.

— О... Да. Извини, что так получилось. Я так закрутилась.

Я почувствовала небольшой укол вины за то, что обошлась с Итаном подобным образом.

Я намеренно игнорировала его звонки и сообщения, опасаясь, что он будет отвлекать меня от чувств к Коннору. Но Итан не заслуживал такого пренебрежения. Возможно, иногда он был агрессивен, но в целом он был хорошим парнем, который находился рядом, когда я в этом нуждалась. Он предотвратил мое падение возле больницы. И отнесся ко мне, как к нормальному, сильному человеку, тогда как все остальные обращались со мной как с хрупкой хрустальной вазой. Он помог мне искать собаку, которая не имела для него никакого значения. Зато у моего собственного жениха, который являлся владельцем собаки, не было для этого времени.

— Итак, как у тебя дела?

— Отлично, — солгала я. — А ты как?

— Хорошо, а теперь, когда я разговариваю с тобой, стало еще лучше.

Он флиртовал, но делал это так искренне, что я сразу же почувствовала себя особенной.

— Я рада, что ты позвонил. Мне действительно приятно слышать твой голос.

Не знаю почему, но это было именно так. Один лишь разговор с этим мужчиной наполнял меня счастьем и надеждами. И, к моему собственному удивлению, мрак и одиночество, которые я почувствовала после общения с Коннором, ушли.

— Ничего себе, я не ожидал, что ты это признаешь, — рассмеялся он.

Чувствуя себя немного легкомысленной, я улыбнулась и поглубже зарылась в одеяло.

— В самом деле?

— Я знал, что в тот момент, когда мы встретились, ты тайно влюбилась в меня и в мой голос, — произнес он саркастично, — но считал, что твоя гордость не позволит тебе в этом признаться.

— Эй, придержи коней, — парировала я шутливо. — Я только сказала, что мне приятно слышать твой голос. Я не говорила ни слова о влюбленности, — захихикала я. — Если кто и влюбился, так это ты.

— Ты права. Я влюбился в одну особенную девушку. Она смелая, заботливая, и потрясающая и телом, и душой.

Я слушала его глубокий, соблазнительный голос, и мне казалось, будто между нами не простирался целый мир. Будто он был не на другом конце провода, а лежал здесь, рядом со мной и шептал эти слова мне на ухо.

— Но, — продолжал он, — по-моему, я ясно дал понять, что в моей влюбленности нет никакой тайны.

Я ощутила, как мое лицо покраснело.

— Тогда, это я тайно влюблена, — произнесла я прежде, чем поняла, что именно сказала. И сразу же удивленно застыла.

Я ожидала испытать вину из-за того, что, имея жениха допустила проявление чувств к Итану, но, проанализировав свои ощущения, поняла, что никакого преступления в этом не было. Вместо этого, от того, что я наконец призналась себе в том, что настойчиво отрицала в последнее время, на меня нахлынуло невероятное облегчение.

— О, даже так? — в его вопросе послышались восторг и веселье. — Вот и пришло время раскрыть эту тайну.

Обдумывая его предложение, я почувствовала волнение, но вместе с тем и опасение.

— Чем ты сегодня занимаешься? — услышала я будто издалека свой вопрос.

— Вообще-то, так уж случилось, что сегодня у меня день рождения. Но я ничего не планировал заранее.

— Ты сказал, что у тебя день рождения? — уточнила я, подумав, что ослышалась.

— Да. Седьмого сентября, — легко произнес он.

— Понятно. Послушай, это, наверное, прозвучит безумно, но у меня сегодня тоже день рождения!

— Неужели! — он усмехнулся. — Вот это совпадение.

— Ага, знаю, — я улыбнулась этой новости и задалась вопросом, можно ли считать это знаком.

— Итак... — он сделал паузу, — позволь, я догадаюсь. Вероятно, Коннор запланировал что-то особенное на сегодняшний день? — сказал он сухо, с намеком на разочарование.

При упоминании имени моего жениха, я нахмурилась. На меня снова навалился груз случившегося сегодня утром.

— Нет, Коннор сейчас не в городе, — сказала я четко.

— Серьезно? — недоуменно спросил Итан. — И ты это нормально воспринимаешь?

— Нет, — ответила я правдиво. — Он планировал приехать и отправиться со мной в «Мельбурн очардс». Но задержался в Нью-Йорке по работе.

— Да это просто смешно, — сказал он оскорбленно, и я улыбнулась.

Из-за того, что кто-то еще, помимо меня, ощутил точно такое же чувство потери, я

почувствовала, что имела право негодовать.

— Да.

— Ты все еще хочешь поехать в Мельбурн?

Я раздумывала над его вопросом несколько секунд.

— Нет.

Мысль о сборе яблок не вызывала у меня былой радости. Коннор испортил эту задумку. И теперь «Мельбурн очардс» будет ассоциироваться у меня только с негативными воспоминаниями.

— Хорошо, значит это отпадает.

— А чем ты хочешь заниматься в свой день рождения? — спросила я для пробы.

— Конечно же, быть с тобой, — ответил он тоном, полным обожания.

Я улыбнулась тому, как легко он мог найти для меня время и как ненавязчиво заставлял меня чувствовать себя особенной.

— Хорошо, что ты хочешь делать сегодня?

— Как тебе такой план? Я заеду за тобой через полчаса, и мы отпразднуем наши дни рождения каким-нибудь захватывающим способом.

— Что ты задумал? — я задалась вопросом, что было у него на уме, и почувствовала возбуждение.

— Думаю, будет веселее, если это будет сюрприз, — сказал он удовлетворенно.

— Даже не знаю, — нерешительно протянула я.

Он рассмеялся:

— Просто доверься мне. Обещаю, это будет лучший день рождения в твоей жизни.

Я скорчила гримасу:

— Но как я смогу сравнить, если не помню ни одного из моих предыдущих дней рождения, — напомнила я.

— Вот именно. Значит, он однозначно будет лучшим, — он усмехнулся. — Я же говорил, что я человек слова. Так я хорош или безумно хорош?

Не сумев сдержать своих эмоций, я рассмеялась над его игривой характеристикой. Теперь я поняла, почему я никогда не отшивала его по-настоящему, не смотря на то, что всячески сопротивлялась его обаянию. В нем было что-то успокаивающее и искреннее. Он был простым и честным, и я никогда не спрашивала себя, что он чувствует ко мне. Возможно, прямо сейчас, он был именно тем, кто мне нужен.

Я глубоко вздохнула и улыбнулась:

— Хорошо. Заезжай за мной через полчаса.

Глава 8

Тридцать минут спустя я вышла из дома, чтобы встретиться с Итаном и увидела, что он стоит, прислонившись к своему «Харлею». Одетый в поношенную кожаную куртку, простую белую футболку и темные джинсы, он выглядел чертовски сексуально. Казалось, что вокруг него буквально витала сексуальная привлекательность, от чего он выглядел очень самоуверенным.

Как только он увидел меня, его темно-карие глаза загорелись. Пока я приближалась, он успел медленно пройти взглядом сверху вниз по моему телу, и от этого у меня перехватило дыхание.

— Готова повеселиться, девочка?

Его теплая, соблазнительная улыбка, губительная для меня, казалась более интимной, чем поцелуй.

— Привет, — я кивнула, потому что сказать что-то еще для меня оказалось слишком сложным.

Он протянул ко мне руку и привлек к своей твердой груди. Попав в оберегающие объятия, я уловила его аромат и расслабилась в комфорте его близости.

Он глубоко и шумно вздохнул:

— Ты потрясающе пахнешь.

Кожу шеи, где я ощущала его дыхание, покалывало.

Через несколько минут, я почувствовала себя неловко и отстранилась. Затем прочистила горло и встретила с его взглядом.

— Так что мы собираемся сегодня делать?

— Ну, если я расскажу тебе это сейчас, то это уже не будет сюрпризом, — усмехнулся он.

Я преувеличенно нахмурилась:

— И когда именно я это выясню? — я прикусила губу и спросила себя: не слишком ли заметна моя нервозность?

— Запрыгивай, — он жестом указал на мотоцикл. — Ты все узнаешь, как только мы доберемся.

Я взобралась на байк, а он взял запасной шлем и поднял его над моей головой. Затем помолчал, сосредоточенно на меня глядя. Он делал это с необъяснимой нежностью, как будто пытался запомнить каждую черточку моего лица, пока была такая возможность.

— Готов? — спросила я, поерзав на сиденье и притворяясь, будто не замечаю его пристального взгляда.

На его лице растянулась теплая улыбка.

— Знаешь ли ты, как мило смотришься на байке? — он заправил мне за уши свободные пряди моих волос.

— Благодарю, — мое лицо запылало и я заставила себя улыбнуться.

Не знаю, почему я так нервничала. Я поймала себя на мысли, что изучаю глазами движение его губ при разговоре.

Итан сел на мотоцикл впереди меня и наклонился назад, чтобы проверить меня в последний раз.

— Готова?

Я кивнула:

— Думаю, да.

— Держись крепко. Я не против.

Я обхватила его руками, почувствовав под пальцами сильное, мускулистое тело. Взревел двигатель.

Примерно двадцать минут спустя, мы свернули на небольшую гравийную дорожку, ведущую к широкому, открытому полю.

Я нахмурилась, не зная для чего мы сюда приехали. Но как только мои глаза остановились на вывеске возле здания в конце стоянки, я ощутила, как перехватило мое дыхание от парализующей тело волны паники. «Школа приключений по свободному падению с парашютом».

— Сюрприз! — Итан припарковался и слез с мотоцикла. Он снял свой шлем и обернулся, чтобы посмотреть на меня.

Я тупо уставилась на него широко открытыми глазами, а потом перевела взгляд обратно на вывеску. Должно быть, мое лицо мертвецки побледнело, потому что, когда Итан помог мне снять шлем, его улыбка слегка угасла.

— Знаю, что это не имеет ничего общего со сбором яблок в «Мельбурн очардс», но я подумал, что ты должна сделать в свой день рождения что-то запоминающееся и увлекательное.

— Поэтому... мы будем прыгать с парашютом? — спросила я неуверенно.

— Да, идея выглядит немного сумасшедшей, но будет весело! — подстрекал он с воодушевлением. — Ты сможешь исключить этот пункт из своего предсмертного списка дел.

— Моего предсмертного списка дел? — переспросила я, все еще ошеломленная сюрпризом.

Он тепло рассмеялся:

— Да, прыжки с парашютом обычно включают в список дел, которые люди хотят сделать прежде, чем умрут.

Услышав о том, как он говорит о смерти, я почувствовала слабость. Я пыталась с ней справиться, тяжело дыша.

— Итан, я не уверена, — я посмотрела на него с сожалением во взгляде. — Не знаю, смогу ли это сделать.

Он положил свои руки мне на плечи и мягко их сжал:

— Лив, не волнуйся, — успокоил он меня. — Я никогда не стану заставлять тебя делать то, чего тебе не хочется. Это один из вариантов. Мне показалось, что это станет тем, от чего ты действительно получишь наслаждение. Я прыгал здесь несколько раз, это совершенно безопасно, и я доверяю здешним инструкторам. Ты будешь прыгать не одна, а в тандеме. Тебя привяжут к опытному парашютисту, исключая таким образом любые ошибки. Я даже лично подготовлю и проверю парашют, которым вы вдвоем будете пользоваться.

— Ты это сделаешь? — я встретилась с его нежным взглядом и попыталась думать рассудительно сквозь парализующий волю страх.

— Можешь мне довериться. Я обещаю, — он обнадеживающе мне кивнул. — К тому же, у меня есть сертификат. И я регулярно приезжаю в это место с тех пор, как переехал сюда пять лет тому назад.

— Я...

Размышляя о прыжках с парашютом, я почувствовала легкую тошноту. Я хотела ему

сказать, что вряд ли это хорошая идея. Все это было слишком неожиданно, а я не была настолько авантюрной, как ему казалось. Я почти сообщила ему, что не была к этому готова.

Но не успела я это сделать, как мое внимание привлекло какое-то движение у нас над головами.

Там наверху, в чистом голубом небе, в различных направлениях передвигались около десятка крошечных разноцветных точек. Я ахнула от страха, когда догадалась, что эти точки были людьми, которые медленно планировали вниз под красочными парашютами.

— Что, красиво, м-м? — спросил Итан с улыбкой, проследив за моим взглядом. — Нет ничего более волнующего, чем находиться там, в небе. Стремительное движение. Адреналин. Это действительно заставляет чувствовать себя живым.

Я лишь кивнула, наблюдая, как парашютисты, постепенно увеличиваясь в размерах, один за другим приземлялись на широком, открытом поле. Они опускались на землю и снимали очки, и на их лицах читались явный восторг и удивление. Одни смеялись, другие громко кричали и улюлюкали, а некоторые давали друг другу пять. Их объединял одинаковый блеск в глазах. Они выглядели так, словно побывали на вершине мира.

— Так что ты думаешь, Лив? — Итан посмотрел на меня с надеждой. — Жизни коротка, — добавил он, сопроводив слова легким, игривым толчком.

«Чего я боюсь?» — задала я себе вопрос.

Мне не казалось, что я боюсь высоты. Однако в Итане было что-то такое, что заставляло меня ему довериться. На уровне подсознания я понимала, что он не допустит, чтобы я каким-либо образом подверглась опасности. Затем я подумала о воспоминании из детства, когда я каталась на американских горках. Я словно заново ощутила восторг и радость, испытанные мною во время этого. Вспомнила, как меня с головой захлестнул поток адреналина, и как было здорово находиться в том месте, где, казалось, исчезли все мои тревоги. Вспомнила, как свободно я себя чувствовала.

— Давай это сделаем, — наконец сказала я, встретив его взгляд с улыбкой.

— Правда?

Стоило мне произнести эти три слова, как его глаза засверкали, а я почувствовала разливающееся внутри себя тепло, из-за того, что это я оказывала на него подобное действие.

Я кивнула:

— Думаю, это именно то, что мне нужно.

— Отлично. Пошли, — его улыбка стала еще шире.

Тридцать минут спустя после краткого учебного курса наша группа, состоящая из двух десятков человек, была готова. Мы ожидали прибытия самолета, который должен был нас забрать.

— Готова? — он обнадеживающе мне улыбнулся, производя финальную проверку ремней моего снаряжения.

Я глубоко вздохнула и кивнула, выдав ему уверенную улыбку, хотя в глубине души все равно пребывала в шоке.

Итан наклонился и нежно обхватил мое лицо:

— Будет весело. Доверься мне, — он улыбнулся. — Поскольку я опытный парашютист, то буду прыгать один, но во время прыжка постараюсь быть рядом с тобой.

— Обещаешь? — я нервно на него посмотрела.

— Если я нарушу обещание... — он помолчал и усмехнулся, — ...то, как только мы

приземлимся, можешь делать со мной все, что захочешь.

Я рассмеялась и шутливо ударила его в грудь.

В этот момент к нам подошел Карлос, мой инструктор и напарник по тандемному прыжку.

— Готова?

— Не очень, — призналась я, слабо улыбаясь.

— Карлос, позаботься там о моей девушке, — сказал Итан, по-дружески ударив его по руке.

Мне удалось не проявить своих эмоций, но сердце пропустило удар, когда я услышала, как мужчина назвал меня своей девушкой.

— Будет сделано, брат, — затем Карлос повернулся ко мне: — Когда мы достигнем высоты в сто пятьдесят метров, я подам тебе сигнал, и ты потянешь за шнур, чтобы выпустить парашют.

— А что, если я забуду? — я в панике на него посмотрела.

— Не беспокойся, все будет в порядке. Если ты не сможешь этого сделать, то его вытяну я. К тому же, если что-нибудь пойдет не так, тебя подстрахует Итан.

Оба рассмеялись.

Я помрачнела, но посмотрев на Итана, почувствовала себя немного лучше.

— Сколько раз ты это проделывал?

— Сбился со счета, — признался он с улыбкой. — Иногда по выходным я работаю здесь инструктором ради развлечения.

Наконец прибыл самолет, и я почувствовала, как мое сердце забилося быстрее. Карлос прикрепил ремни наших снаряжений друг к другу и поднял вверх два больших пальца. Я ответила ему тем же, но не чувствовала себя слишком уверенной. Вместе с дюжиной других пар ученик / инструктор, мы сели в самолет. Уже через несколько минут мы поднимались в воздух. Я ощущала, как усиливается моя нервозность.

Итан, сидевший через ряд от меня, потянулся, чтобы схватить мою дрожащую руку. Наши глаза встретились, и спокойствие в его взгляде передалось и мне тоже.

— С днем рождения, Лив! Не волнуйся. Я буду рядом все время. Сделай этот решительный шаг, — он усмехнулся. — Получился каламбур^[4].

Я свирепо на него посмотрела, недовольная, что он шутит в такой момент.

Он рассмеялся:

— Серьезно, получай удовольствие, не смотря ни на что. Лив, все это для тебя, — он пожал мою руку.

— Я знаю, что в последнее время ты часто волновалась о своем прошлом и о том, чтобы вернуть свои воспоминания. Ты должна немного расслабиться и отпустить свою тревогу. Не трать свое время на бесполезное беспокойство, а наслаждайся, живя настоящим. Жизнь ждать не будет.

Я ответила ему улыбкой, благодаря за ободряющие слова. Он был прав. Мне было необходимо прекратить бесконечно раздумывать о своем прошлом и будущем. Это было тем, что я не могла контролировать. Мне нужно было жить настоящим и наслаждаться всем, что могла предложить мне жизнь.

Один из членов экипажа, сидящий в передней части самолета, сообщил нам, что мы достигли нужной высоты в четыре тысячи сто метров. Дверь самолета тут же отъехала в сторону.

Ощувив, как поток воздуха ударил мне в лицо, я с широко распахнутыми от ужаса глазами уставилась в дверной проем.

— Мы прыгаем первыми, — напомнил мне Карлос.

Наша пара находилась впереди двух рядов парашютистов. Когда Карлос поднялся и потянул меня за собой, я почувствовала, как на меня нахлынули страх и волнение.

— О, Боже, — резко выдохнула я.

Я пошла к двери, ведущей в открытое небо, на дрожащих от слабости ногах.

— Лив, — я обернулась и встретила с ободряющим взглядом Итана. — Запомни, просто отпусти все и живи моментом, — он улыбнулся. — Я найду вас в воздухе, по пути вниз.

Я слегка кивнула и, повернувшись обратно к дверному проему, оглядела пустоту, которая находилась на высоте более чем в четыре тысячи метров, и землю, растилающуюся далеко внизу.

«Во что я себя втянула?» — подумала я, замерев при виде пространства перед глазами.

— Хорошо, на счет «три» прыгаем, — услышала я голос Карлоса за своей спиной.

Я кивнула, заставляя себя держать глаза открытыми и напоминая себе, как сильно это помогло мне на американских горках в детстве. Я перекрестила руки и прижала их к груди так, как учили на обучающем занятии.

— Один... Два... Три!

Выпрыгивая из самолета, я задержала дыхание. Но как только моя вторая нога оторвалась от платформы, я начала кричать во всю силу своих легких.

Я ожидала, что желудок сожмется, как при спуске на американских горках, но с гораздо большей силой.

Однако, к собственному удивлению, ничего подобного не произошло. Вместо этого я почувствовала мощнейший прилив адреналина, чего не испытывала никогда раньше. Ощутила, как в лицо бьет сильный ветер. Мы приближались к земле, паря в свободном падении.

В этот момент я увидела Итана, парящего в нескольких метрах от себя. Подобно нам с Карлосом, он находился в горизонтальном положении, словно лежал на животе, подтянув руки и ноги перпендикулярно поверхности земли. Я пошевелила руками, преодолевая сопротивление воздуха, чтобы ему помахать. Но вот он заметил меня, и я с изумлением увидела, как он начал грациозно перемещаться по направлению ко мне. Он будто летел по небу.

Я попыталась заговорить, но в мой открытый рот залетел такой мощный порыв ветра, будто мне в лицо подул фен. Я вспомнила слова Итана, что мы не сможем ничего услышать во время полета, потому что будем падать на очень высокой скорости.

Итан улыбнулся, показав мне два поднятых вверх больших пальца.

Я ответила ему таким же жестом, и почувствовала, как на смену нервозности пришло головокружение. Сердце в моей груди пустилось вскачь. Но я знала, что это было не от того, что я летела навстречу земле со скоростью около двести километров в час, а от того, что я увидела Итана.

Внезапно он устремился вперед и схватил меня за руки так, что мы с ним образовали круг в небе. Затем он притянул меня ближе, и прежде, чем я поняла, что должно произойти, наши губы слились в страстном поцелуе, который потряс меня до основания и послал через меня очередную волну адреналина. Его губы, нежные и твердые, мягкие и требовательные, с

нетерпением впивались в мой рот. От возбуждения в моей голове стоял звон, а тело начало покалывать в ожидании большего.

Внезапно Карлос напомнил о своем присутствии, протянув свою руку между нами и указав на манометр, закрепленный на запястье. Я в замешательстве уставилась на руку Карлоса, а потом на Итана. Он улыбнулся и отпустил меня. С широко распахнутыми глазами я наблюдала, как он раскрывает свой парашют и принимает вертикальное положение, тогда как мы с Карлосом, продолжали падать.

Это продолжалось до тех пор, пока инструктор не выпустил наш парашют, и тогда я догадалась, о чем именно он пытался мне просигнализировать. Мы также развернулись перпендикулярно и начали плавно опускаться, медленно преодолевая оставшийся до земли путь.

— Тебе было весело? — спросил мой напарник. Теперь мы могли друг друга слышать.

— Это было невероятно, — прокричала я, переполняемая удовольствием.

— Ты была великолепна! И похоже, Итан считает так же, — в его голосе послышалось веселье.

Я рассмеялась и подумала о нашем поцелуе. Несмотря на то, что он был совершенно неожиданным, я поняла, что это было именно то, чего мне хотелось, то, что мне было сегодня необходимо.

Пока я вспоминала об этом поцелуе, в мое сознание ворвалось другое воспоминание.

— Куда мы направляемся? — спросила я, когда он повел меня по покрытому травой холму.

— Это мое особенное место, куда я люблю приходить, когда хочу почувствовать себя счастливым.

Моя рука все еще пульсировала от боли, которая появилась сегодня ранним вечером, когда отец не смог удержать себя в руках.

— Я не могу гулять слишком долго. Они не знают, что я сбежала из дома. Мама может зайти ко мне перед сном, чтобы проверить, как я выполнила домашние задания.

— Не волнуйся. Я просто хочу тебе кое-что показать. Это заставит тебя улыбнуться.

Наконец мы поднялись на холм и очутились на краю ровной, покрытой травой, поляны, которая освещалась лунным светом.

Он побежал к ее середине — туда, где трава была еще мягкой и не примятой.

— Иди сюда! Ложись рядом со мной.

Я оглядела безмятежную картину, открывшуюся передо мной, и поняла, почему он наслаждался пребыванием в этом месте. Половина поляны была окружена деревьями, загораживающими собой окрестности. С другой стороны просматривался небольшой ручеек, который убежал вдаль.

Я подошла и прилегла рядом с ним.

— Почему мы лежим? — спросила я, повернувшись к нему лицом.

Он потянулся и взял меня за руку:

— Посмотри туда, — он указал другой рукой на темное ночное небо.

Когда я увидела то, что он хотел мне показать, то не смогла удержать сорвавшегося с губ вздоха.

Повсюду в небе, так далеко, как только мог охватить глаз, сверкали тысячи ярких, блестящих звезд.

— Это прекрасно.

— Да, так и есть. Я прихожу сюда, когда чем-то расстроен. Это напоминает мне о том, какой волшебный и огромный этот мир.

Я улыбнулась, а потом захихикала:

— Ты говоришь так по-взрослому.

— Это потому, что мне четырнадцать, а тебе всего двенадцать, — поддразнил он.

Я нахмурилась и повернула голову, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Ты собираешься прекратить со мной тусоваться, когда перейдешь этой осенью в старшую школу?

Он отвлекся от звезд и встретился со мной взглядом:

— Нет, конечно же, нет. Кроме того, ты живешь по соседству. И всегда можешь прийти, чтобы пообщаться.

— А что, если там у тебя будет девушка? — спросила я осторожно. — Она может не захотеть, чтобы ты проводил время со мной. Сэнди сказала, что скоро у тебя появится подруга.

— Не слушай мою сестру. Она не знает, о чем говорит.

— Но она ведь на год старше тебя. Она уже старшеклассница.

— У меня не будет девушки в старших классах.

— Правда? — я не поверила ему и почувствовала онемение от тянущей боли, внезапно сжавшей мою грудь.

— Не будет, — он удерживал мое внимание. — Потому что она у меня уже есть.

Он не отводил от меня взгляд, и я увидела, как в его глазах отражался лунный свет. Не знаю почему, но я начала нервничать. Он никогда раньше на меня так не смотрел.

— Кто твоя девушка?

Я боялась узнать ответ. Может быть, это Мэри Джейн из соседнего дома? Или Сьюзи из дома внизу улицы. Или эта красивая девушка из восьмого класса, которая выглядела так, словно могла бы запросто оказаться на обложке журнала «Севентин»^[5].

Внезапно, прежде чем я осознала, что происходит, он приблизил свое лицо и поцеловал меня. Я почувствовала волну счастья, прокатившуюся по моему телу, и пошевелила губами, целуя его в ответ. Он исследовал мой рот своими мягкими губами, такими сладкими и нежными, и мое сердце парило, ликуя от способа, при помощи которого он решил ответить на мой вопрос.

Он был прав — это место было особенным и сделало меня счастливой. Здесь я впервые поцеловалась.

Почувствовав траву под ногами, я вернулась обратно в настоящее. Моргнула, пытаюсь осознать свое последнее воспоминание и дотронулась до губ, наслаждаясь ощущением от двух поцелуев, которые только что получила.

— Тебе было весело? — Итан бежал ко мне, а Карлос отстегивал ремни от своего снаряжения.

Я кивнула, все еще неспособная говорить. Я не могла забыть сладость нашего посреди-свободного-падения поцелуя и украдкой бросила взгляд на его полные губы.

— Итак, ты выжила, — Итан притянул меня в свои объятия, и я с удовольствием позволила себе прильнуть к его теплой, твердой и такой манящей груди. Его руки, казалось, окутали меня полностью.

— Надо запечатлеть этот момент, — сказал он, отстраняясь. — Карлос, ты не против нас сфотографировать? — он вытащил свой телефон и передал его инструктору,

собиравшему снаряжение.

— Без проблем.

— Дурашливое или серьезное фото? — спросил он у меня.

Я рассмеялась:

— Дурашливое.

— Отличный выбор.

Карлос сфотографировал наши смешные рожицы, вручил телефон Итану и подобрал свои вещи.

— Если буду нужен, то я — внутри, — сказал он, уходя.

— Спасибо, Карлос, — произнесли мы с Итаном в унисон, наблюдая за его уходом.

— Ну и как тебе эти пять минут твоей жизни? — спросил Итан, улыбаясь.

— Полет длился всего пять минут?

Он кивнул и засмеялся:

— Ага. Примерно шестьдесят секунд свободного полета и четыре минуты в воздухе, как только раскрылся парашют.

— Это было совершенно изумительно. Не знаю чувствовала ли я себя когда-нибудь такой же живой, как во время свободно падения, — я просияла в ответ и почувствовала, как слегка сжался мой желудок.

— До или после того, как ты меня поцеловала? — он хитро мне улыбнулся.

— Для протокола, это ты меня поцеловал. А не наоборот, — я наморщила нос и состроила ему рожицу.

Он усмехнулся:

— Если это поможет тебе лучше спать по ночам, то, так уж и быть, будем считать так.

Я закатила глаза и покачала головой:

— Давай не будем воевать в наш день рождения.

Он обхватил меня рукой за плечи и наклонился, чтобы чмокнуть в лоб. Я посмотрела на него и улыбнулась, на секунду подумав, что он снова поцелует меня в губы.

Но вместо этого он просто посмотрел на меня с сияющей улыбкой.

— Ты голодна? Я отвезу тебя в один из моих любимых ресторанов в Филадельфии.

— Хорошо. Звучит здорово.

Я встретила с его проникновенным взглядом и поняла, что больше не могу отрицать серьезность своих чувств к этому мужчине. Меня затопило счастье. Мы пошли на стоянку к его мотоциклу. Он положил руку на мое плечо, а я прижалась ближе к его груди, приобнимая его за спину.

Между нами несомненно существовало притяжение. Я ощущала, как с каждой проведенной с ним минутой, мои чувства становились все более глубокими и сильными. Я улыбнулась при мысли, каким интимным для нас был этот обычный момент и задалась вопросом, чувствовал ли он то же самое. Украдкой на него посмотрев, я осознала, что ничего так не хочу больше, только, чтобы он чувствовал себя так же.

***

— Готовься попробовать лучшую пиццу, которую ты когда-либо ела.

Официантка принесла для нас пиццу «Аспарагус», и в глазах Итана загорелся азартный блеск.

Я с любопытством посмотрела на свежеспеченную тонкую пиццу, которую только что вынули из дровяной печи.

Почувствовав мои сомнения, Итан сказал:

— Это место известно именно этой пиццей. В нее входят: белый соус, сделанный по секретному рецепту, стружка спаржи, вяленая свинина, моцарелла и приправленные трюфелями яйца. Зимой и ранней весной меню меняется, и они предлагают пиццу «Вово», точно такую же, но с брюссельской капустой вместо спаржи.

Пока я на него смотрела, поражаясь, как много он знает об этом блюде, мне на ум пришло одно необычное совпадение.

— Так какие отношения у тебя с яйцами? — поинтересовалась я, пытаюсь задушить в себе хихиканье.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он с мальчишеской улыбкой.

— Ну ты возил меня к «У Пайсано», где бредил бутербродом с говяжьей грудинкой и яйцом. А теперь мы здесь, в «Барбуццо», и в твоей любимой пицце снова присутствуют яйца.

Его улыбка превратилась в смех.

— Это довольно забавно. Я никогда не проводил такую параллель. Полагаю, ты намекаешь на то, что я равнодушен к яйцам, да?

Я приподняла бровь, глядя на его нарочито невозмутимое лицо, но в ту же секунду, как наши глаза встретились, мы разразились бурным хохотом.

— Знаешь что? Мое впечатление о тебе очень сильно поменялась с нашей первой встречи.

— Правда? — в его голосе мелькнуло веселье. — Что же во мне изменилось?

— Ну, во-первых, ты больше меня не раздражаешь, — не могла уговориться я.

— Ой! — он притворился, что я сделала ему больно.

— Я пошутила. Но если серьезно, когда я тебя встретила, ты был довольно самоуверенным и агрессивным. Даже когда я тебе сообщила, что у меня есть жених, оказалось, что тебе наплевать на это. Поэтому вначале я думала, что ты эдакий скользкий парень, только и выискивающий благоприятную возможность, которой можно было бы воспользоваться.

Он медленно кивнул, словно соглашаясь с моим наблюдением:

— А теперь?

Я улыбнулась и откусила кусочек пиццы, пытаюсь выиграть время. Я знала, что Итан начинает мне нравиться, но не была уверена до какой степени могу открыть ему свои чувства. А еще я не понимала, относился ли он ко мне серьезно. Покинув парашютную школу, мы оба не заводили речь о том спонтанном, страстном поцелуе в воздухе. Мне даже начало казаться, что то, что произошло в небе, там же и осталось.

Но вторая причина, по которой я колебалась — это боязнь открыться в своих чувствах первой. Я взглянула вниз на обручальное кольцо, которое будто оттягивало мой безымянный палец на левой руке, и желудок скрутило от чувства вины. Я обманула Коннора. Не стоило отрицать этот факт. Решив провести сегодняшний день с Итаном, я в глубине души понимала, что в наших отношениях нет ничего платонического. Пусть я не была инициатором поцелуя, но я ведь не остановила его. Вместо этого я наслаждалась и целовала его в ответ. А самое ужасное, что мне хотелось большего, чем простого поцелуя.

Я понимала, что отношения с Коннором двигались в неправильном направлении, и

также была почти уверена, что разорву нашу помолвку, как только у меня появится возможность поговорить с ним один на один. Но проблема состояла в том, что я этого еще не сделала. Я все еще была его невестой и позволила себе связаться с Итаном прежде, чем рассталась с Коннором.

— Земля вызывает Лив, — в мои мысли ворвался голос Итана.

Я посмотрела на него:

— Ох. Прости меня. Что ты сказал?

Он несколько секунд задумчиво на меня смотрел, а потом ответил на вопрос:

— Я лишь спросил у тебя, как именно изменилось твое первое впечатление обо мне?

— А, верно, — я встретила его взгляд со слабой улыбкой на лице. — Ну я больше не думаю, что ты эдакий самоуверенный плохищ, которым казался поначалу. На самом деле, ты довольно рассудительный и милый. Под твоей жесткой внешностью скрывается мягкость, которую ты пытаешься не показывать.

— Ничего себе, ты заставила меня почувствовать себя каким-то слабаком, — он нахмурился, а затем засмеялся.

Я присоединилась к его смеху и пожала плечами:

— В этом нет ничего плохого. Я считаю, что это мило.

Он усмехнулся:

— Думаю, я смогу с этим жить.

— Могу я кое-что у тебя спросить?

Он наклонился над столом и улыбнулся:

— Спрашивай.

— Почему ты все еще один?

— Потому что обучаюсь на священника, — он начал смеяться, даже не закончив фразы.

— Ха-ха-ха, очень смешно, — произнесла я саркастично. — Seriously, ты когда-нибудь был влюблен прежде?

Я знала, что проявляю излишнее любопытство, но ничего не могла с собой поделать. Мне хотелось знать о нем больше.

Он встретился со мной взглядом, и я увидела теплоту в его темных глазах, контрастирующую с серьезным выражением лица.

— Был.

Его ответ заинтересовал меня еще больше:

— Расскажи мне о ней.

— Хорошо, однажды в моей жизни присутствовала одна девушка. Она была моим солнечным светом, маяком для всего, что было хорошего в моей жизни. Она была моим лучшим другом, девушкой, которую я впервые поцеловал, моей первой любовью.

— Что с ней случилось?

Он рассказывал о ней с легкой задумчивой улыбкой, и я почувствовала легкий укол ревности.

— Она уехала прежде, чем у меня появился шанс рассказать ей о своих чувствах. Мы пообещали друг другу, что будем писать и поддерживать связь, но когда недели превратились в месяцы, а месяцы — в года, ее электронные письма, звонки и сообщения все уменьшались в количестве, пока вовсе не прекратились. Со временем она обо мне забыла.

На его лице появилась боль, и я почувствовала, как рванулось к нему мое сердце. Увидев печаль, искажившую его лицо, я поняла, что он действительно ее потерял. Я

прочитала в его глазах сожаление, а на лице — страдание. Я буквально ощущала его тоску по ней.

— Мне жаль это слышать.

Не успела я задать ему еще вопросы, как к нашему столику подошла официантка с именинным тортом в руках. Она поставила его между мной и Итаном, и я разглядела несколько десятков зажженных свечей на нем.

— Это сделал ты? — удивленно спросила я.

— С днем рождения, Лив, — он улыбнулся мне такой милой улыбкой, что на моих глазах выступили слезы.

— Когда ты успел?

— Я заказал торт сегодня утром, до того, как заехал за тобой, а потом отправил его в «Барбуццо» перед тем, как ты приземлилась.

— Это так мило с твоей стороны, — я широко ему улыбнулась.

— Не забудь загадать желание перед тем, как задуть свечи, — напомнил он.

— Но сегодня мы оба именинники. Поэтому мы должны загадывать желание и задувать свечи вместе.

Он улыбнулся:

— Я отдаю свое желание тебе.

Я нахмурилась:

— Так оно не сбудется.

Он рассмеялся:

— Хорошо. Я желаю тебе счастья. Желаю, чтобы ты как можно скорее восстановила свои воспоминания.

От его слов мое сердце растаяло, и пока мы задували свечи я поняла, что он был именно тем мужчиной, с которым я хотела бы быть вместе. Он был человеком, без которого я не хотела жить.

***

Два часа спустя мы подъехали к моему дому и остановились. Он приглашал меня остаться сегодня вечером с ним, но как бы сильно я не хотела согласиться на его предложение, подобное не казалось мне возможным, пока я носила кольцо Коннора.

— Уверена, что хочешь остаться здесь сегодня? — спросил Итан еще раз, когда сошел с мотоцикла и помог мне снять шлем.

Я кивнула, но посмотрев в его глубокие, соблазнительные глаза, почувствовала, как поколебалось мое самообладание.

Прежде чем я успела слезть с байка, он наклонился и прижал мое тело к сиденью мотоцикла, а затем припал к моим губам в безумно сильном, голодном поцелуе. У меня перехватило дыхание.

— Боже, я весь вечер хотел это сделать, — простонал он, отодвинувшись, чтобы перевести дыхание.

До того, как я ответила, его губы снова захватили мои, на этот раз более требовательно и нетерпеливо. Его язык очертил мои губы и погрузился в глубины моего рта, исследуя их. Наш поцелуй углубился, и мир вокруг нас будто исчез. Единственное, о чем я могла думать в тот момент — это о том, как его губы, соблазняя, ласкают мои, посылая дрожь желания по

телу, напряженно концентрирующуюся между ног.

Затем я почувствовала, как его сильная, шероховатая ладонь скользнула вниз по моему телу. Кожу тут же защипало от ожидания его дальнейших прикосновений. Когда его губы покинули мои, чтобы начать покусывать мочку моего уха, я задохнулась от удовольствия.

Мою шею защекотало его горячее дыхание, когда он прошептал низким, срывающимся голосом:

— Позволь мне напомнить тебе одну вещь, которую ты, возможно, забыла.

Его слова послали дрожь по моей спине, а он запустил руку мне под юбку и поднялся вверх, остановившись у меня между ног.

Я пыталась думать сквозь почти невыносимую потребность в том, чтобы он был внутри меня.

— Я... прямо сейчас я не должна этого делать, — простонала я, но не смотря на свои слова, выгнула спину навстречу его руке. — Я все еще помолвлена.

— С человеком, которого даже не помнишь и который отсутствовал на праздновании твоего дня рождения, — напомнил он. — Поэтому, по моему гребаному мнению, это не имеет значения. Он тебя не заслуживает, — его пальцы отодвинули мои трусики и прошлись по входу в центр моего наслаждения. — А вот что *действительно* имеет значение... — он вошел в меня двумя пальцами, заставляя задыхаться от блаженства. — ...Это насколько влажной я делаю тебя прямо сейчас.

Где-то глубоко внутри я хотела начать сопротивляться этому вторжению и оттолкнуть его, но мое тело отказывалось слушать разум. На меня нахлынуло интенсивное удовольствие, я откинула голову назад, покачивая бедрами в такт с его пальцами. Они погружались и выходили из моей влажности, и каждый следующий раз был глубже и быстрее предыдущего.

Наши взгляды встретились, и когда я увидела в его глазах неприкрытое желание, то все, чего мне хотелось, это почувствовать его внутри себя.

— Я хочу, чтобы ты меня трахнул, — сказал я задыхаясь.

— Сегодня все только для тебя, малышка, — судя по дрожащему голосу, он с трудом держал себя в руках, наблюдая, как я корчусь в сладких муках экстаза. — Я хочу, чтобы ты кончила так, как никогда ранее.

Внезапно я закричала, освобождаясь, и почувствовала, как его пальцы внутри меня, согнулись и дотронулись до точки G.

— О, боже...

Я подошла к своей кульминации. Меня затрясло, глаза непроизвольно распахнулись.

— Вот так, малышка. Кончай для меня. Кончай сильно, — простонал он скрипучим голосом. — Я хочу почувствовать, как твоя киска отчаянно сжимает мои пальцы.

Наконец я ощутила, как по моему телу прошлись освободительные спазмы оргазма, и мои внутренние мышцы начали непроизвольно крепче сжиматься, вторя пальцам Итана.

— Боже, как же, блядь, ты сексуальна, Лив, — простонал он, медленно облизывая свои влажные пальцы, смакуя каждую каплю.

— Я передумала. Хочу, чтобы ты отвез меня к себе домой. Хочу, чтобы сегодня ночью ты занимался со мной любовью.

Его лицо осветила задумчивая улыбка, а глаза стали темными от желания.

— Нет, не сегодня, — после паузы произнес он сквозь стиснутые зубы.

— Почему? — я посмотрела на него в смущении.

— Потому что ты права. Ты все еще с ним помолвлена. Ты и понятия не имеешь, как

сильно мне хочется оттрахать тебя прямо сейчас, — он схватил меня за руку и прижал ее к своим джинсам. — Но когда я тебя трахну, когда я займусь с тобой любовью, я хочу, чтобы ты была только моей, целиком и полностью.

Итан выпрямился. Меня удивила его сдержанность, которая, как я думала, не свойственна мужчинам.

— Я собираюсь поговорить с Коннором, как только он вернется домой, — заверила я его. Я слезла с мотоцикла и взяла его за руку. — Я собираюсь расторгнуть нашу помолвку.

Мы целовались, чтобы пожелать друг другу спокойной ночи, а мое сердце разрывалось на части от мысли, что я его покидаю. Я не понимала, каким образом так быстро провалилась в эту кроличью нору, но знала, что достигла точки невозврата. В этом мужчине было что-то, заставляющее каждый волосок на моем теле вставать по стойке смирно, стоило лишь мне оказаться с ним рядом. Он смог вытащить меня из тяготившего меня густого тумана забвения и заставил почувствовать себя более живой и свободной, чем я когда либо была. Он был ключом к моему прошлому. Не знаю, с чего я это взяла, но когда я подумала об этом, поняла, что права.

Я толкнула стеклянные двери, ведущие в темноту улицы. По моему лицу текли слезы. Как же быстро сегодняшний вечер перевернулся вверх тормашками! Я еще слышала звуки беззаботного гомона, доносящиеся из главного зала, где проходила вечеринка в честь нашей помолвки. Но как только за моей спиной захлопнулась дверь, их поглотила ночная тишина.

Я изо всех сил бежала прочь от смеха и болтовни, в своих украшенных стразами босоножках от Yves Saint Laurent. Мне бы не стоило все время носить обувь на высоком каблуке. Сейчас я мечтала о единственной паре теннисных туфель, которая пылилась у меня в гардеробной.

Но неудобная обувь не замедлила мой бег. Я стремилась убраться отсюда по-дальше. Это было последнее место, где я хотела быть.

— Лив! — окликнул меня знакомый мужской голос.

Этот звук побудил меня двигаться еще быстрее. Я подтянула вверх отягощающее мое тело и сковывающее движения розовое вечернее платье, украшенное стразами. Воздух морозный и колючий, но кажется, будто адреналин, бегущий по моим венам, защищает меня от холода, словно теплое одеяло. Я продолжила движение, полностью сосредоточившись на ускорении темпа.

— Лив! — позвал он меня снова, на этот раз ближе.

Я резко остановилась и, развернувшись, увидела зовущего меня человека приблизительно в сорока пяти метрах от входа в здание.

Его широко раскрытые глаза, наполненные чувством вины и тревоги, четко выделялись на совершенно белом лице.

Это был Коннор в смокинге от Tom Ford, который я купила ему специально для сегодняшнего события.

— Лив! Остановись, пожалуйста!

Он бежал ко мне, стремительно сокращая между нами дистанцию. Но когда наши глаза на краткий миг встретились, я поняла, что передо мной был абсолютно чужой мужчина — не тот, которого я полюбила. Этот человек был для меня незнакомцем, о котором я совершенно ничего не знала.

— Держись от меня подальше, Коннор! — закричала я, отворачиваясь от него и снова переходя на бег.

— Осторожно! — услышала я его вопль.

Но было слишком поздно. Внезапно меня ослепил яркий свет автомобильных фар, приближающийся ко мне на огромной скорости. Раздался резкий визг тормозов, заглушая все остальные шумы. Я ощутила толчок холодного металла, а затем меня отбросило на обочину дороги.

Я пыталась подняться с земли, но лишь поморщилась от острой боли, бьющей, казалось, по каждому нервному окончанию моего тела. Я посмотрела на свои руки, покрытые кровью, и почувствовала, как тяжело мне держать глаза открытыми. Потом я перестала различать освещенную огнями улицу, и меня поглотило черное забвение.

Я проснулась в холодном поту. Посмотрела на ту сторону кровати, где обычно спал Коннор и с облегчением выдохнула, осознав, что его там нет. Несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь унять расшалившиеся нервы. Почему в моем воспоминании Коннор

казался мне незнакомцем? Почему я думала, что он не тот мужчина, которого я полюбила?

Размышляя над этим вопросом, я пришла к выводу, что мое решение положить конец нашим с Коннором отношениям — верное. Не знаю, что именно случилось в ночь аварии, но меня не покидало мучительное ощущение, будто Коннор что-то от меня утаивает.

Мои размышления прервал зазвонивший телефон. Анна.

— Анна, привет.

— Привет, именинница! Как ты вчера провела день?

Только после этого вопроса я осознала, как много событий произошло с тех пор, как я последний раз разговаривала с подругой, двадцать четыре часа назад. Я решила поведать ей обо всем, произошедшем в недавнем времени между мной и Коннором, и о дне, проведенном с Итаном. На сколько я была уверена в своем решении разорвать помолвку, на столько же я чувствовала правильным довериться кому-то, кто знал меня еще до того, как я потеряла память, а не только после.

— Ух ты, не могу поверить. Ты серьезно? — выпалила она, выслушав мой рассказ обо всем, в том числе и о моем сегодняшнем воспоминании. — Такое поведение не свойственно Коннору.

— Правда?

Ее сомнения передалась и мне, заставляя забеспокоиться. Я невольно задалась вопросом: не поторопилась ли я со своим решением?

— Вообще-то... честно говоря, я знаю его не так уж и хорошо.

Ее реплика меня удивила:

— Что ты имеешь в виду?

— Понимаешь, я всегда воспринимала его только как босса. А когда мы изредка пересекались за пределами работы, то ты всегда была рядом. Так что, если подумать, то у меня на самом деле было не очень много возможностей побеседовать с ним на темы, выходящие за рамки поверхностных вопросов.

— Откуда тогда ты узнала, что я в него влюбилась? — спросила я, мысленно возвращаясь к нашему с ней первому разговору после выписки из больницы, во время которого она описывала, какими изумительными были наши с Коннором отношения.

— Хм-м-м. Я догадалась об этом, потому что вы проводили практически все время вместе. Вы оба были трудолюбивыми — по-другому и не скажешь. Когда я встретила тебя впервые, то поняла, что ты все еще борешься с горем, снедавшим тебя после утраты матери. В то время ты или проводила долгие вечера в офисе, или шла в какое-нибудь заведение, чтобы потусоваться. Так, будто ты не хотела оставаться одна ни на миг. Но как только ты начала встречаться с Коннором, то ты буквально начала жить только делами «Брейди Глобал». Мы могли встретиться лишь случайно, и уже тогда немного погулять. Мне казалось, что ты проводила все свое время либо с Коннором, либо на работе, либо с Коннором на работе.

— Так ты подумала, что я была влюблена и счастлива только потому, что я посвящала все свое время Коннору и его компании?

— Ну... если говорить такими словами, то согласна, это не очень похоже на идеальные отношения, — она немного помолчала, а потом добавила: — Но ты действительно выглядела счастливой. Иногда я думала, что благодаря Коннору у тебя появилась цель в жизни, отодвинув на задний план чувство потерянности после смерти близкого тебе человека. Ты в некотором роде прониклась его преданностью организации. У меня складывалось

впечатление, что в тот момент тебе это было необходимо.

Я тщательно обдумала слова Анны и снова почувствовала растерянность из-за того, что никто, кроме меня после аварии не изменился. Того единственного связующего звена между мной и Коннором больше не существовало. Сейчас у меня не было никакого желания работать так же рьяно, как это делал он. Я хотела жить на полную катушку и исследовать окружающий мир.

— Анна, как ты считаешь, что мне следует сделать?

— Это зависит от того, что ты сейчас чувствуешь. Расскажи мне, какие именно чувства ты испытываешь к Коннору и Итану. Каковы твои внутренние ощущения?

— Так... Я по-прежнему считаю Коннора заботливым, терпеливым и щедрым по отношению ко мне. Его самый большой недостаток — это чрезмерная преданность компании. Только на прошлой неделе я подумала, что для него я всегда буду на втором месте после его детища. Каждый раз, когда он будет вынужден выбирать между мной и «Брейди Глобал», я буду проигрывать.

— А что на счет Итана?

— Когда я с ним, все совершенно по-другому. Мне кажется, что когда мы проводим время вместе, то он действительно находится со мной, а не витает в облаках. То, как он на меня смотрит, заставляет меня почувствовать, что моя персона — это единственное, что для него имеет значение. Но проблема в том, что Итана я знаю не так уж и долго. Вдруг то, что между нами происходит — это просто слепая страсть, которая умрет через несколько месяцев?

— Лив, по-моему, ты уже знаешь ответ. Следуй за своим сердцем. Оно никогда тебя не обманет. Из твоих размышлений я поняла, что Коннор и Итан совершенно разные люди. И даже если у тебя были действительно хорошие, приносящие внутреннее удовлетворение отношения с Коннором, и в каком-то смысле они казались тебе приемлемыми, не упускай реальный шанс обрести настоящую жить-друг-без-друга-не-могу любовь из-за того, что просто боишься, а также потому, что это кажется тебе менее рассудительным и надежным.

Размышляя над советом Анны, я признала ее правоту. Жизнь не похожа на игру в безопасность. Иногда надо прислушиваться к своей интуиции. А она настойчиво мне подсказывала, что мне нужно разорвать отношения с Коннором.

С моего дня рождения прошли всего лишь сутки, но я чувствовала себя так, словно за последние двадцать четыре часа мой мир изменился окончательно и бесповоротно.

Коннор позвонил мне поздним утром и сообщил, что будет дома около восьми часов вечера. Наш разговор получился коротким и напряженным. Я солгала ему о том, что провела свой день рождения с Анной, а потом придумала повод, чтобы быстрее закончить неприятный телефонный разговор. Я чувствовала себя просто ужасно из-за своего обмана, но не хотела сообщать ему что-либо серьезное по телефону, считая, что правильнее будет сказать о разрыве помолвки ему в лицо. Хотя бы такую малость я могла для него сделать.

В начале восьмого я написала Итану сообщение.

Я: Привет. Он возвращается через час. Я собираюсь ему сказать, что все кончено.

Итан: Что ты будешь ему говорить? Будешь упоминать мое имя?

Я: Нет. Не хочу причинять ему еще больше боли.

Итан: Хорошо, вполне логично. Если хочешь, я буду неподалеку. Подожду снаружи, если тебе понадобится уехать.

Я: Спасибо, но не надо. Он может тебя увидеть, я не хочу рисковать. К тому же, я договорилась с Анной насчет ночлега.

Итан: Напиши, если понадобится. Буду ждать... вместе с яйцами:))

Я: Хорошо, чудик. LOL:)

***

Наконец я услышала, как открылась парадная дверь. Ранее я, извинившись перед Джимом и Деброй, отпустила их на оставшуюся часть вечера, поэтому сразу поняла, что это вернулся Коннор. Я понимала, что он будет опустошен после нашего разговора и вряд ли захочет, чтобы его работники находились рядом и могли увидеть его в наиболее уязвимом состоянии.

— Дорогая? — услышала я как он меня зовет.

— Я здесь, наверху, в библиотеке, — прокричала я.

Услышав, как он поднимается по спиральной лестнице, я почувствовала охвативший меня трепет перед предстоящим разговором и несколько раз глубоко вздохнула, пытаюсь замедлить учатившееся дыхание. Закрыла глаза и мысленно пробежалась по пунктам своей будущей речи.

— Эй, красавица, — Коннор вошел в комнату, все еще одетый в деловой костюм.

Я поднялась с кресла, выдавив легкую улыбку:

— Привет.

— С днем рождения, малышка. Извини, что не смог вернуться вчера, — он протянул мне маленький пакет от Cartier с извиняющей улыбкой на губах. — Открой его. Думаю, тебе понравится.

Я внимательно посмотрела на подарок, но не сдвинулась с места, чтобы его принять.

Будто не замечая моей неподвижности, он улыбнулся и полез в пакетик сам.

— Это часы от Cartier, к которым ты давно присматривалась.

Он вытащил квадратную коробочку красного цвета и открыл ее. Внутри лежали

великолепные золотые часы.

— Коннор, не стоило этого делать, — я помрачнела, понимая, что расставание пройдет тяжелее, чем я ожидала.

Он вздохнул:

— Знаю, возможно, ты все еще на меня обижена, — произнес он ровным, нежным голосом.

Затем подошел ко мне и притянул в свои объятия. Я не сопротивлялась, но и не обняла его в ответ.

— Коннор... — начала я. Он наклонился и попытался меня поцеловать. Я положила обе руки ему на грудь, пытаюсь его остановить, и отступила назад. — Коннор, — произнесла я более настойчиво. — Мне нужно тебе кое-что сказать, — мой голос был спокойным и серьезным.

— Что такое, малышка?

Встретившись с его обеспокоенным взглядом, я испытала чувство вины.

— Мы можем сесть и спокойно поговорить? — я указала рукой на большую кушетку, стоящую в комнате.

— Что-то не так? Не сердись за вчерашнее, пожалуйста. У меня действительно не было выбора. Это многомиллионная сделка, и если все пройдет удачно, то она выведет «Брейди Глобал» на новый уровень.

Я медленно покачала головой:

— Нет, я не сержусь на тебя, — я смотрела на него и чувствовала, как от волнения начинает гореть мое лицо. — Коннор, во-первых, я хочу поблагодарить тебя за все, что ты для меня сделал. Особенно за последние два месяца после аварии. Знаю, что никогда не смогу отплатить тебе за заботу, терпение и любовь, проявленные тобой.

Он потянулся за моей рукой и наверняка ощутил, какой ледяной она была.

— Лив, к чему ты это говоришь?

Я заставила себя посмотреть ему прямо в глаза:

— Коннор, в последнее время я очень много размышляла и поняла, что я значительно изменилась после несчастного случая. Я больше не та женщина, в которую ты влюбился. Я не та женщина, которая целиком и полностью посвящала себя «Брейди Глобал» и с удовольствием внеурочно работала рядом с тобой во благо компании, — по моим щекам скатились несколько слезинок, но я быстро их смахнула. — Я не знаю, куда она делась, и понятия не имею, вернется ли когда-либо. Но... — я пристально посмотрела в его глаза, надеясь, что он увидит, как мне тяжело говорить эти слова. — Я не думаю, что нам нужно жениться.

— Не понимаю, — произнес он поспешно, изучая мое лицо в поисках разъяснений. — Ты хочешь расторгнуть нашу помолвку? Детка, я понимаю, что тебе необходимо больше времени для адаптации. У нас просто может быть долгая помолвка. Нам ни к чему ее отменять. Давай установим временные рамки и обручимся снова позже, когда ты будешь к этому готова.

— Нет, ты не понял, — я нахмурилась, разочарованная тем, что не смогла донести до него свою мысль. — Я имела в виду, что нам вообще не стоит быть вместе. Не думаю, что мы друг другу подходим.

Его лицо исказилось от смеси боли и злости.

— Откуда у тебя взялись подобные идеи? — спросил он намного громче.

— Коннор, с тобой это никак не связано. Все дело во мне, — я поехала от того, насколько избито прозвучала моя фраза. — Это я изменилась, а не ты. Как бы я не надеялась на то, что мы наладим наши отношения и возродим ту любовь, которая у нас была до аварии, я не думаю, что это произойдет. Мне кажется, что мы смотрим на жизнь по-разному.

— И что теперь? Ты так легко сдашься и уйдешь от меня? — его слова прозвучали холодно и требовательно. — Я не опускал рук, когда ты была в коме. Врачи не знали, как скоро ты очнешься, но я упорно не покидал тебя все это время, не усомнившись в своей любви ни разу.

Окутанная чувством вины, я с мучительной болью выслушивала его слова.

— Коннор, мне действительно жаль. Для меня это также не легко. Скажу откровенно, я долго думала о наших отношениях и пыталась убедить себя, что смогу их восстановить. Но после событий последних двух недель я поняла простую истину. Ты никогда не сможешь полюбить меня такой, какой я стала. Ты влюблен в женщину, оставшуюся в прошлом, которая была страстно увлечена «Брейди Глобал» и сгорала на работе. Любовь, возникшая между нами, была продолжением той нашей общей страсти. Но я уже другая. Даже если мои воспоминания вернуться, не думаю, что я снова ею стану.

Я сняла изумрудно-бриллиантовое ожерелье с шеи и обручальное кольцо с безымянного пальца.

— Мне очень жаль, Коннор, — положив украшения на журнальный столик, стоящий перед нами, я поднялась с кушетки. — Повторю еще раз: я безмерно благодарна тебе за все, что ты для меня сделал. Я действительно не желала причинить тебе боль или огорчить. Я хочу быть с тобой честной, и поэтому решила сказать обо всем сейчас, пока не стало слишком поздно, — я сделала несколько шагов по направлению к двери. — Мне лучше уйти. Я уже перевезла свои вещи к Анне и...

— Так ты хочешь быть со мной честной? — разозленно спросил он. Сведя брови вместе и крепко сжав челюсти, он встал с кушетки и угрожающе навис надо мной. — Ты за дурака меня держишь? — ядовито произнес он, яростно сверкая глазами.

Опешив от такого напора, я отшатнулась, чувствуя, как мой разум охватывает паника. Я задавалась вопросом, что же он имеет в виду?

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Ты рассчитывала на то, что я ни о чем не узнаю?

— Я... что ты хочешь сказать?

— Прекрати строить из себя дурочку, Лив. Я знаю об Итане.

По моей спине пробежал холодок страха, и я замерла, не в силах шевельнуться.

— Неужели ты действительно думала, что мимо моего внимания проскользнет такая «мелочь»? Я в курсе, что ты провела день своего рождения не с Анной. Ты все это время была с этим ублюдком.

Я шокированно застыла, не решаясь спросить, откуда он это узнал.

— Желаете знать, что мне известно еще? — от гнева у него ходили желваки. Прищуренные глаза излучали ледяной холод, вытеснивший остатки любви и тепла. — Я знаю, что ты прыгала с этим парнем с парашютом. А также то, что прошлой ночью ты позволила ему поиметь себя пальцем. И то, что разрешила бы ему себя оттрахать, если бы он не смог сказать нет.

Я лихорадочно прокручивала в голове слова Коннора.

— Откуда тебе известны такие подробности? Ты что, преследуешь меня? — обвиняюще

сказала я, глядя на него с недоверием.

— Так ты признаешь, что изменяла мне? — на его лице появилась обиженная ухмылка.

— Коннор, я не планировала произошедшего. Я никогда не хотела, чтобы ты страдал. Просто так вышло.

Какие бы слова я не подобрала, факт останется фактом — я изменила своему жениху с Итаном. Я испытывала почти физическую боль от бессилия сделать эту ситуацию нормальной.

— Ничего не бывает просто так, — он подошел к журнальному столику и поднял изумрудно-бриллиантовое ожерелье. — Тебе интересно, откуда я узнал о твоих делах за моей спиной? — он покачал передо мной цепочкой с кулоном.

— При чем тут твой подарок? — я в замешательстве нахмурилась.

— Дело в том, что когда я тебе о нем рассказывал, я кое-что утаил, — широко улыбаясь, он посмотрел на ожерелье, а затем перевел взгляд меня. — Видишь ли, когда я его заказывал, то попросил внести в его конструкцию несколько дополнительных особенностей. В него встроен GPS-маячок, а также видео- и аудио-передатчики.

Это откровение меня очень удивило, но не напугало.

— Так ты прослушивал мои разговоры и следил за мной все время, что я его носила? — я уставилась на Коннора, не в силах поверить, что он за мной шпионил.

Но меня беспокоил один вопрос, от которого я никак не могла избавиться:

— Но зачем? Зачем тебе понадобилось прилагать столько усилий для того, чтобы отслеживать каждый мой шаг? Мне казалось, что мы друг друга любили. Почему ты мне не доверяешь? — я изучала его неподвижное лицо, словно превратившееся в каменную маску, и не находила ответов.

— Это не важно, — сказал он пренебрежительно. — Главное то, что ты меня обманула.

Внезапно я почувствовала не поддающееся логике сильное желание оказаться от него как можно дальше.

— Ты прав, Коннор. Я обманула тебя, а ты такого не заслужил. Но я не сожалею о том, чем занималась с Итаном. Мне лишь жаль, что я делала это в то время, когда мы были все еще помолвлены. Возможно, ты мне не поверишь, но я говорю правду, когда утверждаю, что ужасно себя чувствую из-за своего поведения. Прости, что причинила тебе боль. Вот о чем я говорила ранее. Я не желаю продолжать свой обман у тебя за спиной. Между мной и Итаном существует притяжение, поэтому наши с тобой отношения не складываются. Идеальным вариантом для нас будет просто остаться друзьями.

— Какими, к черту, друзьями! Я не позволю тебе обращаться со мной таким образом! — прогрохотал он, заставив меня вздрогнуть. — Ты не бросишь меня, как это сделала она!

— Она? — переспросила я тихо.

Я напряглась, чувствуя, как меня охватывает страх.

— Синди. Она тоже меня бросила, но тебя я не отпущу! — я увидела в его карих глазах проблеск безумия, которого я никогда не замечала прежде.

— Но там была другая ситуация, — попыталась я его урезонить. — Она умерла от рака. Это разные вещи.

Он фыркнул, сдерживая смех:

— Она не умерла от рака.

Я резко выдохнула:

— Но почему ты заставил меня в это поверить? — я почему-то опасалась услышать его

ответ.

— У нее действительно был рак, но когда наступила ремиссия, она ушла от меня, оправдав это глупой причиной. По ее мнению я слишком заиклен на контроле. Поэтому для меня она умерла в тот же день, как оставила нас со Скутером.

— Коннор, мне очень жаль, — я посмотрела на него глазами, полными боли. — Я не знала этих подробностей, ты же знаешь. И я на самом деле не хотела тебя обидеть, но... Я не могу оставаться рядом с человеком, к которому не испытываю любви.

Я направилась к двери, но он преградил дорогу, сердито глядя на меня сузившимися глазами. Его левый глаз нервно задергался.

— Ты ни хрена не услышала из того, что я сказал? Ты меня не бросишь!

Он резко схватил меня за запястье и дернул на себя. И меня неожиданно поглотило воспоминание, более яркое, чем все предыдущие.

Анна рассмеялась над моими последними словами:

— Лив, тебе нужно рассказать эту историю Коннору. Возможно, она поможет убедить его провести тематическую свадьбу в сельском стиле на открытом воздухе, так, как хочешь ты. А не скучную церемонию в душном банкетном зале, которую запланировал он.

Я захихикала:

— Это вряд ли. Знаешь, мне иногда кажется, что он формалист до мозга костей, и его не заставишь пойти на малейшие уступки, — я наклонилась к ней ближе и прошептала: — Ты в курсе, что он почти всегда ходит в костюме? Даже по выходным, когда мы работаем дома. Он все равно надевает костюм. Если бы я не видела его гардероб лично, то, клянусь, я бы подумала, что у него нет ни одной пары джинсов.

Анна снова засмеялась, а затем огляделась вокруг и задумчиво проговорила:

— Про волка речь, а он навстречу... Кстати, а где он?

Я обежала взглядом помещение, но, как заметила Анна, Коннора поблизости не было.

— Пойду, поищу его, — я улыбнулась, ставя свой бокал на стол.

Анна, прищурившись, посмотрела на меня и ухмыльнулась:

— Постой-ка, неужели он ждет тебя в одной из частных кабинок, чтобы поиметь побыстрому?

— Ох у тебя и грязные мыслишки, — я засмеялась и закатила глаза. — Я же говорю, Коннор слишком правильный для такого рода вещей. Мы редко занимаемся сексом за пределами спальни.

Она оскорбленно ахнула:

— Боже, звучит ужасно.

Я рассмеялась:

— Ты такая смешная. Ладно, я все же пойду его поищу. Скоро вернусь!

Я обошла весь музей, миновав ряд закрытых офисов. Вдруг за одной из дверей мне послышались какие-то звуки. Я потянулась к дверной ручке, повернула ее и, открыв дверь, задохнулась от ужаса.

Коннор был повернут ко мне спиной, но я знала, что это он. Я смотрела расширившимися глазами, как он склонился над кем-то, лежащим на полу, а от них расплывается лужа густой темно-красной жидкости.

— Коннор, что ты делаешь? — спросила я едва слышным шепотом.

Он резко обернулся, испуганно на меня глядя. Видимо, он не слышал, как я вошла.

— Лив, закрой дверь! — требовательно приказал он, быстро поднимаясь. Я впервые

слышала промелькнувшие в его голосе угрожающие нотки.

Я повиновалась и закрыла дверь. Вновь посмотрев на пол, я обнаружила, что там лежит незнакомый мне мужчина средних лет. На его рубашке краснело большое пятно, из которого торчал нож.

— Ты... ты убил его? — я подбежала к телу и попыталась найти хоть какие-нибудь признаки жизни.

Пульса не было, и дыхание не прослушивалось. Он был мертв.

— Это была самооборона, — пробормотал Коннор с тревогой, вышагивая по комнате туда-обратно.

Вдруг он склонился над телом и вынул нож из раны. Потом вытер его о брюки того мужчины и завернул в полотенце.

— Коннор, что происходит? — потребовала я от него ответа.

Я понимала, что передо мной стоит мой жених, но я как будто видела его впервые.

— Он угрожал мне, — проговорил Коннор жутким голосом, словно разговаривал сам с собой. — Он шантажировал меня обнаружением крупного скандала, который несколько лет назад замяла наша компания, — говорил он с леденящим душу спокойствием. — Он хотел получить половину моей компании... — Коннор яростно покачал головой, не прекращая движения по комнате. — Но я не мог этого допустить. Никто не отберет дело всей моей жизни. Я не позволю.

Он посмотрел на меня гипнотизирующим взглядом, и я застыла, парализованная страхом.

— Лив, детка, — он взял меня за руку. — Ты ведь понимаешь, что мне *пришлось* это сделать? Ты любишь компанию почти так же, как и я. Я вижу, как ты упорно работаешь. Ты как никто другой должна понимать, что я не мог поступить иначе. Я действовал во благо компании. У меня не было другого выбора.

— Что я должна понять? — я уставилась на него в замешательстве. В моей голове не укладывалось, как он может требовать от меня одобрения подобного поступка.

— Что у меня не было иного выбора.

Я автоматически посмотрела на неподвижное тело, лежащее в нескольких метрах от нас.

— Не было выбора, — безжизненно повторила я, с трудом понимая значение слов. Затем я снова повернулась к нему, недоуменно расширив глаза. — Не было выбора? — я повысила голос. — Это не так, Коннор. Ты мог не убивать его!

— Не говори ерунды, малышка.

— Я тебе не малышка! — закричала я и вырвала свою руку из его хватки. Попяtilась назад, качая головой. — Кто ты? — прошептала я, чуть не плача. — Я не знаю тебя.

Я опустила взгляд на свои руки и ошарашенно выдохнула, увидев, что они были выпачканы кровью убитого. Не мешкая больше ни секунды, я распахнула дверь и выбежала из комнаты так быстро, как только могла. Прочь от Коннора.

Воспоминание закончилось так же внезапно, как и началось. Мое сознание вернулось обратно в библиотеку, к Коннору, но я никак не могла сориентироваться в пространстве. Комната перед моими глазами закружилась, я упала на колени, опираясь на пол, чтобы обрести устойчивость. Но все вокруг продолжало вращаться, поэтому я не могла до конца разобраться в своем воспоминании.

— Что ты вспомнила? — спросил Коннор холодным голосом, глядя на меня

прищуренными глазами.

Я заставила себя сконцентрироваться на дыхании, делать хоть что-нибудь, только не поддаваться панике. Наконец я смогла подняться на ноги.

Инстинкт самосохранения подсказал мне не рассказывать ему о том, что теперь я знаю о настоящих событиях той ночи.

— Это было воспоминание из моего детства. Как я боялась кататься на американских горках, и меня тошнило.

Коннор пронзил меня взглядом, и я поняла, что он не поверил ни единому моему слову.

— Ты все вспомнила, верно?

Я покачала головой:

— О чем ты? Я не знаю, что ты имеешь в виду.

— Не вешай мне лапшу, Лив. Возможно, в чем-то ты и изменилась, но я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы распознать, когда ты врешь. Ты не умеешь делать равнодушное лицо. Я знаю, что ты мне лжешь.

Я отступила на шаг:

— Коннор, я действительно не понимаю, о чем ты говоришь.

Посмотрев в его глаза, я почувствовала, как на меня яростно накатываются волны паники.

— Теперь ты понимаешь, почему я повесил на тебя кулон с отслеживающим устройством? Ранее ты интересовалась, зачем я прибег к таким сложностям, если мы любили друг друга, и я тебе доверял, — он усмехнулся. — Но раз уж ты вспомнила, что случилось той ночью, то должна догадаться о причине, по которой мне понадобилось держать тебя под пристальным вниманием.

Мой мир перевернулся с ног на голову, но я наконец смогла сложить разрозненные кусочки паззла воедино. Коннор контролировал меня, опасаясь, что я неожиданно могу вспомнить обличающие его события.

— Почему же ты меня не убил, пока я лежала в коме? Если я была единственным человеком, который знал о произошедшем в той комнате? Почему ты позволил мне жить?

Выражение лица Коннора ненадолго смягчилось:

— Что бы не случилось, я люблю тебя больше, чем любил какую-либо другую женщину в своей жизни. Однако теперь ты, наверное, поняла, что интересы компании для меня превыше всего. Я слишком тяжело работал ради ее процветания, и не могу позволить кому-либо отобрать мое детище. Поэтому, когда врач предупредил меня о том, что у тебя вполне возможно будет амнезия, я понадеялся, что мы будем вместе, не смотря ни на что. То, что случилось с тем мужчиной — это лишь досадный эпизод. Я не хотел этого делать, но, загнав меня в угол, он подписал себе смертный приговор. Ему не следовало шантажировать меня и пытаться разрушить мою с таким трудом построенную империю. А теперь он мертв. Так что в случившемся виноват только он.

— Как ты можешь так говорить? — я смотрела на Коннора и не понимала, почему я думала, что он самый заботливый и сострадательный человек в мире.

— Такова реальность, — произнес он безразлично, просто констатируя факт. Как если бы он сказал: «Потому что клубника сладкая».

— Хорошо, допустим, ты прав, — я сделала шаг по направлению к выходу. Я не знала, что он собирался делать после такого признания, но мой внутренний голос твердил, что я должна убраться от него подальше. — Ты попал в тяжелую ситуацию. Тот парень был

гнусным шантажистом. Ты должен был его наказать.

— Лив, ты что, действительно считаешь меня дураком? Ты думаешь, что теперь я позволю тебе уйти? Я уверен, что ты отправишься прямиком в полицию, как только отсюда выйдешь.

— Нет, — я покачала головой, — я никому ничего не скажу. Клянусь.

Он дернулся в мою сторону и схватил меня за обе руки, прижимая к стене рядом с дверью. Я закричала от неожиданности.

— Ты действительно не умеешь держать лицо.

С этими словами он обхватил мою шею пальцами и надавил на горло. Я стала задыхаться, и через несколько секунд мое сознание заволочла темнота.

Последнее, что я увидела перед тем, как потеряла сознание — это то, как в комнату ввалился Итан. Застигнутый врасплох неожиданным вторжением, Коннор ослабил хватку, и я упала на пол. Итан поднял меня на руки и встал, закрывая от Коннора.

— Не смей к ней прикасаться!

В мои легкие ворвался кислород, от чего я сильно закашлялась. Посмотрев наверх, увидела, что Коннор и Итан стоят лицом к лицу и сверлят друг друга глазами.

— Как это чертовски героично! Итан спешит на помощь! — саркастично прорычал Коннор и сделал шаг назад, не отрывая взгляда от соперника.

Визуально Итан выигрывал перед Коннором. Он был выше, и обладал широкими плечами и отличной мускулатурой, с которыми Коннор со своим телосложением конкурировать не мог.

— Коннор, пожалуйста, — начала умолять я. — Я никому ничего не скажу. Пожалуйста, просто дай нам уйти.

Коннор развернулся ко мне и криво ухмыльнулся:

— Ты действительно думаешь, что все будет так просто? Ты на самом деле считаешь, будто я позволю тебе даже думать, что ты можешь выйти отсюда и уехать с ним в закат?

— Ты не обязан этого делать, Коннор, — вмешался Итан. — Мы оба заботимся о Лив.

— Ты полный идиот, если думаешь, что у тебя с ней было бы общее будущее. Неужели ты действительно рассчитывал на то, что я ни о чем не узнаю? — Коннор повернулся ко мне и на его лице расплылась широкая ухмылка. — Как хорошо ты знаешь Итана, Лив? Хорошо ли ты знаешь мужчину, которому позволила прикоснуться к себе и попробовать себя на вкус?

Услышав этот вопрос, я задохнулась от неожиданности. Развернулась, чтобы посмотреть на Итана и увидела на его лице странное выражение, как будто он страдал, но в то же время чего-то опасался. Он не отрывал глаза от пола.

— О чем ты говоришь? — спросила я нерешительно.

Казалось, Коннор немного опешил от удивления:

— О, так он тебе не сказал? — он самодовольно посмотрел на Итана. — Вот тебе и раз, Итан, как же ты можешь утверждать, что заботишься о ней, если лгал ей все это время? — лицо Коннора растянула торжествующая улыбка.

— Итан? — я уставилась на мужчину, отчаянно желая, чтобы он сказал в свою защиту хоть что-то, опровергая слова Коннора.

— Лив, тебя не удивляло, почему ты постоянно натыкалась на Итана? Тебе не кажется, что это не могло быть случайными совпадениями? Вспомни, сначала возле больницы, а затем рядом с музеем.

Меня захлестнула волна беспокойства, я начала судорожно искать логическое объяснение на вопросы Коннора, которое не причиняло бы мне боли.

Коннор хохотнул совсем как сумасшедший:

— Лив, я открою тебе еще один маленький секрет, — его глаза засветились от радости. — Я нанял Итана, чтобы он познакомился и сблизился с тобой.

От его слов весь мир рухнул, превращаясь в руины. Я отказывалась верить услышанному, но, посмотрев на Итана, на лице которого искала ответы, я поняла, что все — правда. Коннор не врал.

— Зачем? — выдавила я, тяжело и часто дыша.

— Затем, что я хотел, чтобы ты ему доверяла. Мне нужно было знать, действительно ли ты потеряла память после аварии. Убедиться, что ты не притворялась для того, чтобы от

меня защититься. Поэтому и нанял Итана. Его задачей было сблизиться с тобой, узнать тебя, заставить тебя ему довериться.

Я покачала головой, не желая признавать действительность.

— Как я уже сказал, Лив, ничего не происходит просто так. Ты повстречала Итана только потому, что я так хотел, — он помолчал и бросил на Итана грозный взгляд. — А вот чего я не ожидал, что ты решишь меня бросить ради него. Я совсем не хотел, чтобы он тобой увлекся.

— Не слушай его, Лив, — прервал его Итан. Он подошел ко мне и помог подняться с пола. — Пойдем. Я тебе все объясню. Только уйдем отсюда, пожалуйста.

Вдруг я заметила, как за спиной у Итана мой бывший жених чем-то замахивается. Я закричала, Итан обернулся и именно в этот момент Коннор ударил своего соперника по голове большим металлическим держателем для книг.

Я вскрикнула, глядя на то, как Итан оседает на пол. Его лоб был пробит, и из раны текла кровь.

Коннор повернулся ко мне:

— Все, как я и говорил, Лив. Ты меня не покинешь.

— Нет, пожалуйста! Коннор, ты же не хочешь причинять мне боль на самом деле, — я сделала шаг назад и стремительно выскочила из библиотеки.

Но Коннор последовал за мной и, бросившись на меня, толкнул на перила лестницы, ведущей к передней части коридора.

— Прощу тебя, Коннор. Ты не такой, — умоляла я, но судя по его безумному взгляду, он меня не слышал.

Он снова обхватил мою шею и, навалившись на меня, прижал к перилам. Я хватала воздух, борясь с тяжестью его тела и отчаянно пытаюсь оттолкнуть его руки. Мой взгляд невольно опустился на жесткий мраморный пол внизу.

Я совсем выбилась из сил и приготовилась к тому, что упаду, перевалившись через перила. Но вдруг услышала недовольное ворчание Коннора и увидела, как Итан оттаскивает его от меня и бьет по лицу. Коннор отпрянул назад, но быстро оправился. Они начали бороться у самых перил, каждый пытался одолеть другого. Когда же они наконец расцепились, Коннор ударил Итана, который тяжело повалился на перила. Коннор, не теряя времени, широко замахнулся на своего противника. Но промахнулся. Как в страшном сне я смотрела, как ломаются деревянные перила от рухнувшего на них мужчины. Коннор потерял равновесие и начал падать вниз. Все это длилось не больше пары секунд, но я наблюдала за падением как в замедленной съемке.

Услышав громкий, глухой стук, с которым его тело упало на жесткий пол, я закричала. Парализованная и абсолютно шокированная увиденным, я соскользнула на пол и, обхватив руками свои ноги, зашлась в рыданиях.

Следующий час я помню как в тумане. Итан вызвал полицию, и когда они появились, то взяли у нас показания, сделали фотографии и забрали ожерелье и держатель для книг, которым был нанесен удар Итану, в качестве доказательств.

Когда полиция наконец уехала, я почувствовала странное оцепенение, хотя шок от произошедшего и всего, что я узнала, не давал мне расслабиться.

— Лив, ты в порядке? — спросил Итан.

Он стер кровь со своего лица, но открытая рана на его лбу никуда не делась.

— Не прикасайся ко мне! — закричала я, отшатнувшись от его прикосновения.

Он посмотрел на меня с беспокойством и сожалением в глазах:

— Пожалуйста, позволь мне объяснить. Обещаю, Лив. Я хочу все сделать правильно.

Я уставилась на него с недоверием:

— Что бы ты не сделал, ничего не будет правильным.

— Мне так жаль, Лив.

— И это все, что ты можешь сказать? Что тебе жаль? — я почувствовала разгорающуюся внутри меня ярость. — Ты думаешь, этого достаточно?

Он склонил голову, пытаясь не выдать своих переживаний:

— Я должен был рассказать тебе обо всем раньше. Мне следовало это сделать.

— Теперь слишком поздно, Итан.

Я отвернулась от него, не желая, чтобы мужчина, к которому я чувствовала невероятную близость, тот, который в моем представлении мог быть тем самым, единственным, видел, как я плачу.

— Должно быть, ты считаешь меня дурой, — выдохнула я. — Вот так просто поиграл с моими чувствами, заставив поверить, что между нами было что-то реальное. Но все для того, чтобы контролировать меня, словно я была марионеткой в мире, созданном тобой и Коннором.

— Нет, все не так. Позволь мне объяснить, пожалуйста. Все не так, как кажется.

Я бросила на него взгляд:

— Видимо, ты знал Коннора еще до нашей первой встречи возле больницы. Похоже, ты оказался там не просто так, а лишь потому, что Коннор сказал тебе там быть. Все выглядит так, как будто Коннор нанял тебя для того, чтобы ты соблазнил и сблизился со мной, узнал, как много я помню на самом деле. Так *что* именно из мною сказанного не является тем, чем кажется?

Я пыталась смириться с предательством Итана, кипя возмущением.

— Нет, Коннор не думал, что у нас все пойдет настолько далеко. Он планировал только две встречи: возле больницы и в окрестностях музея. После того, как я провел с тобой день, я понял, что ты не помнишь ровным счетом ничего. И когда я отчитался, он сказал мне, что этого достаточно, и наше общение можно прекращать. Он совсем не хотел, чтобы я тебе понравился. Но я не смог тебя оставить. Ты значила для меня слишком много. Поэтому я продолжал искать встреч с тобой, чтобы убедиться, что у тебя все в порядке.

Он взял меня за руку, невзирая на мое сопротивление, и притянул ее к своей груди.

— Лив, чувства, которые мы испытываем друг к другу, мои чувства к тебе... Они настоящие.

Я не успела ничего ответить, увидев, как возле дома припарковался автомобиль Анны. Она приехала за мной.

Я отняла руку и бросила на Итана прощальный взгляд:

— Все это уже не важно, Итан. Я больше никогда не смогу тебе довериться.

Я отвернулась, едва сдерживая слезы, и быстро побежала к автомобилю подруги. Я чувствовала себя абсолютно опустошенной. Как все так быстро поменялось? Ведь еще вчера я была так счастлива. Я думала, что между нами происходит что-то особенное. Но я ошибалась. Все было ложью изначально. С самого момента моего выхода из комы.

Спустя три недели.

Я подпрыгнула от внезапного звонка телефона. Чувствуя, как мою кожу слегка покалывает от страха, я потянулась за ним. И вздохнула с облегчением, увидев на дисплее имя Анны.

— Привет!

— Привет, соседка! Как дела? — ее как всегда жизнерадостный голос заставил меня улыбнуться.

— Неплохо. Я рада, что позвонила именно ты.

— О, ты все еще избегаешь его звонков?

Мне не нужно было уточнять, о ком именно она говорила. Об Итане.

— Да. Он не желает оставить меня в покое. Возможно, мне стоит получить судебный запрет на приближение или что-то в этом роде.

— Хм-м-м. Или может быть тебе стоит просто с ним поговорить. Позволь ему рассказать свою версию произошедшего.

— Я прекрасно знаю, что произошло. Коннор сказал мне, что нанял Итана для знакомства со мной. Итан и не отрицал этого. Мы познакомились по наводке, он использовал меня и играл с моими эмоциями так же, как это делал Коннор. Как я смогу поверить его словам после всего этого?

— Ты права, дорогая. Это нелегко.

— Ты что-то хотела? — спросила я, меняя тему.

— Да, я хотела узнать, дома ли ты. Мне не терпится тебе кое-что передать, — сказала она с непонятной интонацией, заставив меня немного заволноваться и сделать паузу перед тем, как ответить.

— Да, я дома. Что-то случилось?

— Ничего. — Пауза. — Просто мне нужно отдать тебе одну вещь.

— Отдать мне? Хм-м. Мне это не нравится.

Со временем ко мне постепенно возвращались воспоминания. Большинство из них касались последней пары лет, многие — Анны. Так что теперь я знала ее достаточно хорошо, чтобы понимать, когда она что-то от меня скрывает.

— Уф, не будь такой пессимисткой. Ладно, я буду дома через несколько минут.

— Хорошо.

— Супер! Увидимся.

— Пока.

Со дня смерти Коннора у меня было много времени, чтобы осмыслить все, что произошло. К тому же, я начала много чего вспоминать о наших с Коннором отношениях и поняла, как далеки от идеала они были. Даже если бы я каким-то образом проигнорировала его поступок в ночь нашей помолвки и смогла бы закрыть на это глаза, то все равно оставалось еще много настораживающих знаков о том, что наши отношения ведут в никуда. И тем не менее, я не заметила ни одного из них.

Вскоре Анна вошла в нашу квартиру, робко улыбаясь.

— Что происходит? — я посмотрела на нее с подозрением.

— Не расстраивайся, хорошо?

— Анна?

Подруга улыбнулась и вручила мне коробку.

— Сегодня ко мне в офис приходил Итан. Он хотел, чтобы я передала тебе это.

— А больше он ничего не хотел? — я возмущенно на нее посмотрела.

— Ну, ты же не отвечаешь на его телефонные звонки и текстовые сообщения. Он не знал, как до тебя еще добраться. Он сказал, что хотел бы все объяснить. Раз уж ты не готова встретиться и выслушать его лично, то он решил показать тебе одну вещь.

Я нервно осмотрела коробку:

— Что внутри?

Она пожала плечами:

— Не знаю.

Я осмотрела простую белую коробку и нахмурилась:

— Не уверена, что хочу посмотреть, что там внутри. Боюсь, не смогу справиться с очередной порцией лжи.

Анна посмотрела на меня с сочувствием:

— Лив, знаю, ты не горишь желанием выслушивать, что он хочет сказать, но думаю, что тебе все же следует это сделать прежде, чем отвернуться от него навсегда.

— Но...

— Представь, что все его слова правдивы, и после того дня, когда ты встретила его в окрестностях музея, он действительно больше не работал на Коннора. Значит, все остальное время он проводил с тобой по собственной инициативе.

— Ты говоришь ерунду!

— Лив, вспомни, когда ты потеряла Скутера, именно он искал его вместе с тобой под проливным дождем. Ты рассказывала мне, что в ту ночь он вел себя по-другому. Он не был напористым и не пытался на тебя давить. Он прибежал по твоему зову. А когда Коннор, на-тот-момент-твой-жених бросил тебя в твой день рождения и ты осталась одна, Итан был рядом с тобой и сделал все, чтобы твой праздник прошел незабываемо. А в ту ночь, когда ты порвала с Коннором и он попытался тебя убить, Итан пришел тебе на помощь, — Анна вздохнула и положила свою руку поверх моей. — Тебе не кажется, что каждый раз, как ты оставалась одна или нуждалась в помощи, он всегда был рядом. Возможно он и лгал тебе, но у него не было никакой необходимости совершать все эти поступки, если бы он действительно тебя не любил. Поэтому, думаю, что ты должна хотя бы его выслушать.

Я еще раз пристально посмотрела на коробку и поняла, что Анна была права. За эти три недели я изо всех сил пыталась убедить себя в исключительной корыстности отношения Итана ко мне, но обмануть свое сердце не могла.

— Ладно, — наконец произнесла я. — Я выслушаю его.

И, взяв коробку, открыла ее, больше не колеблясь.

Но увидев, что лежит внутри, я оторопела от удивления.

Это был старый дневник с обложкой из розовой кожи. Доставая его, я задержала дыхание. Я касалась его с недоумением. Ощупывая изношенную кожу и глубокие складки, пролегающие вдоль переплета, я поняла, что это был дневник из моего воспоминания. Я знала, что это был именно он.

На дневнике был прикреплен стикер с надписью:

«Не могли бы мы начать все заново?».

— Зачем он попросил меня передать тебе *это*? — лицо Анны удивленно вытянулось. Волнение, мерцавшее в глазах с момента ее прихода, погасло. Но я едва обращала на нее внимание. Мой взгляд замер на потертой розовой коже тетради, которую я держала в руках.

— Это дневник из моего детства, — ответила я мягко, не до конца уверенная в значении этой посылки.

— Это твой дневник? — она недоверчиво на меня посмотрела. — Но как такое возможно?

— Я... я не знаю.

Я осторожно открыла тетрадь и задохнулась от волнения.

Первая запись была сделана седьмого сентября тысяча девятьсот девяносто пятого года. Но вместо обычной надписи «Дорогой дневник» здесь моим почерком было написано: «Дорогой Итан».

Я в шоке уставилась на эти два слова. Я не находила ответа, почему вступительные слова в моем дневнике были обращены к Итану.

Я пролистала дневник и, к собственному удивлению, обнаружила, что все записи начинались словами «Дорогой Итан» вместо слов «Дорогой дневник». От безуспешных попыток разобраться в том, что все это значит, и почему Итан был частью моего прошлого, я почувствовала головокружение.

— Эй, Лив, там еще что-то лежит, — внезапно сказала Анна, отодвинув папиросную бумагу внутри коробки.

Она вытащила папку и DVD-диск.

Открыв папку, я увидела написанную от руки записку и нашу с Итаном совместную дурашливую фотографию, сделанную в Школе приключений по свободному падению. От того, какими счастливыми и оживленными мы оба выглядели на той фотографии, я улыбнулась сквозь слезы.

Я вернулась к записке:

«Дорогая Оливия,

Я не могу выразить, как мне жать, что я не рассказал тебе обо всем, когда у меня была такая возможность. Знаю, что, вероятно, ты не пожелаешь увидеться со мной, но я не могу позволить тебе исчезнуть из моей жизни снова, не попытавшись объяснить тебе некоторые вещи. Надеюсь, что DVD и твой дневник станут хорошим началом. Также надеюсь, что ты сможешь простить меня за то, что я не был с тобой честен.

Когда ты будешь готова поговорить, а я все же надеюсь, что это случится, я буду ждать тебя.

С любовью,

Итан».

Мое сердце колотилось в груди как сумасшедшее, я задыхалась от волнения, неотрывно глядя на эти слова «с любовью, Итан». Неужели он действительно был частью моего прошлого? Но почему же он ничего об этом не сказал?

Я глубоко вздохнула, пытаюсь немного успокоиться, и вернулась к первой записи дневника. Ощувив, как желудок буквально скручивается узлом от переживаний, а кожу покалывают иголки волнения, я начала читать дневник, который почти двадцать лет назад писала Итану.

«7 сентября 1995 года.

Дорогой Итан,

С днем рождения нас! Надеюсь, тебе понравились карточки с Могучими рейнджерами, которые я тебе подарила. Спасибо тебе за этот дневник. Он мне нравится! Это лучший подарок на день рождения. Поверить не могу, что мне уже десять, а тебе двенадцать! Теперь ты не сможешь дразнить меня тем, что я малышка, верно?

Ты мой самый лучший друг. Надеюсь тебе это известно. Я счастлива, что ты здесь. Ты заставляешь меня смеяться, и всегда знаешь, как сделать так, чтобы я почувствовала себя лучше. Например, как сегодня, на вечеринке в честь моего дня рождения, когда мистер Роббинс принес особый пунш и сказал, что он только для взрослых. Моя мама по-настоящему расстроилась, когда мы ели торт, и мой папа вдруг упал на пол. Она винила во

всем пуниш. Она сказала, что он снова «развязался». Я не знаю, что это значит, но после того, как все ушли, они поссорились, и я впервые слышала, чтобы они так громко друг на друга кричали. Я прибежала к тебе домой, и ты сделал так, что я почувствовала себя лучше. Ты даже сделал для меня свои фирменные сэндвичи с бананом, арахисовым маслом и беконом. Ты прав, на вкус они словно рай (но, если честно, я не знаю, на что предположительно похож рай). Эта вкуснотень заставила меня почувствовать себя лучше.

Ладно, пора ложиться спать. Я вижу, что свет в твоей комнате уже погас, так что, должно быть, ты уже спишь. Приятных снов, Итан. Увидимся завтра.

С любовью,
Лив».

Я читала эту запись, еле сдерживая слезы. Оказывается, в детстве Итан был моим лучшим другом. На осознание этой мысли у меня ушло не меньше минуты.

Я вернулась к дневнику и продолжила чтение. Некоторое время спустя я добралась до записи, которая привлекла мое внимание.

«31 августа 1996 года.

Дорогой Итан,

Я попрощалась с тобой всего несколько минут назад. Сегодня на ярмарке мне было так весело! Я до сих пор чувствую себя объевшейся теми хот-догами, которые ты заставил меня съесть на спор. У меня просто не получилось доесть третий. Мой желудок и так чуть не лопнул! Поверить не могу, что ты слопал целых шесть! Сэнди сказала, что если ты будешь так есть, то растолстеешь. Но мне кажется, что она врет, потому что она твоя сестра, а ты говорил, что сестры иногда придираются. Но не волнуйся. Даже если ты растолстеешь, ничего не изменится. Я все равно буду твоим лучшим другом и буду позволять тебе есть столько хот-догов, сколько ты захочешь.

О, и ты был прав, сказав, что если я открою глаза во время езды на американских горках, то мне станет менее страшно. Ты такой умный. Ты гордишься мной? Я все время держала глаза открытыми и совершенно не боялась. И еще я знала, что ты был рядом, чтобы меня защитить, так что это помогло особенно.

Сегодня ночью так жарко! Когда я вернулась домой, оказалось, что кондиционер сломался. Они снова ссорились, и я слышала, как папа хлопнул дверью и уехал. Надеюсь, что с ним все будет в порядке. В последний раз он уехал поздно ночью, а когда вернулся, припарковал машину на газоне. Моя мама сходит из-за этого с ума. Надеюсь, в этот раз он так не сделает.

Ладно, уже почти наступило время ложиться спать. Увидимся завтра:)

С любовью,
Лив».

— Так это он был в том воспоминании об американских горках... он говорил мне открыть глаза.

Вернувшись к чтению, я почувствовала, как мою грудь переполняют эмоции. Чем дальше я читала, тем больше осознавала, какое огромное влияние оказал Итан на мое детство.

Следующая запись заставила меня улыбнуться, потому что я уже вспомнила это событие.

«28 июля 1997 года.

Дорогой Итан,

Спасибо тебе за то, что сделал сегодняшний день лучше. Я была так напугана и расстроена, когда мой папа снова пришел домой пьяным. Моя рука до сих побаливает из-за того, что он схватил меня во время их ссоры. Спасибо тебе, что ты был рядом и отвел меня на свое особое место на лугу. Там было так мило! Я, наверное, могла бы лежать под этими звездами и держать тебя за руку вечно!

И знаешь что???

Сегодня я поцеловалась впервые! Можешь в это поверить?

Ну конечно же, можешь, ведь ты тоже там был:) (Ты всегда говорил мне, что тебе нравится то, какой глупой я могу быть, так что вот, пожалуйста).

Поэтому прямо сейчас я улыбаюсь от одной только мысли о том, как ты меня целовал. Как держал меня за руки и попросил меня быть твоей девушкой:)

Я была так счастлива!

Ладно, пора в постель. Спокойной ночи, Итан. Сладких снов (с моим участием, конечно же):)

С любовью,

Лив».

Мое сердце переполняло тепло, а глаза были полны слез. Я продолжала читать. Вскоре я дошла до конца дневника. Обнаружив, что это последняя запись, я ощутила печаль.

«2 ноября 1997 года.

Дорогой Итан,

Помнишь этот дневник? Ты подарил мне его на мое десятилетие. Это был лучший подарок, который мне когда-либо дарили. Я делала в нем записи почти каждый день на протяжении последних двух лет.

Я так сильно-пресильно огорчена тем, что сегодня переезжаю. Я хочу, чтобы мои мама и папа не разводились. Мне бы хотелось, чтобы не было нужды покидать тебя. А вдруг сегодня я увижу тебя в последний раз? Это так меня расстраивает. А еще пугает. Почему жизнь так несправедлива? Ты будешь скучать по мне?

Итан, ты был моим лучшим другом с тех пор, как я переехала в соседний дом в трехлетнем возрасте. Ты все время был рядом. Защищал меня, когда я боялась, заставлял смеяться, когда я была расстроена и составлял мне компанию, когда было одиноко. Вот почему все записи адресованы тебе. Потому что я чувствую себя более комфортно, рассказывая все свои секреты тебе.

Теперь же, когда я переезжаю, я хочу вернуть тебе этот дневник, потому что мне хочется, чтобы ты его прочел. Я наполнила эти страницы всеми своими самыми глубокими мыслями и хочу, чтобы ты хранил их у себя. Так ты всегда сможешь помнить обо мне. Ты знаешь, почему в каждой записи говорится о тебе? Потому что с тех пор, как мы повстречались, ты был частью каждого счастливого момента моей жизни.

Я так сильно буду по тебе скучать. Лучшие друзья навеки. Не забывай обо мне, пожалуйста. А я обещаю, что не забуду о тебе. Клянусь.

Целую и обнимаю,

Лив».

Когда я закончила читать, по моему лицу наконец полились слезы.

— Он был моим лучшим другом детства, — прошептала я. — Вот почему он постоянно казался таким знакомым. Именно из-за этого я всегда ощущала с ним связь.

— Лив, ты в порядке? — в гостиную заглянула Анна.

Она выходила, чтобы я могла прочитать все в одиночестве.

Я кивнула и стерла слезы со щек. А потом рассказала ей о содержимом папки и дневника.

— С ума сойти, — Анна в изумлении покачала головой. — Ты упоминала о своей детской любви, но никогда не называла его имени.

— Упоминала? — я посмотрела на нее с удивлением. — Что я говорила?

Она попыталась вспомнить:

— Так, это было до того, как ты повстречала Коннора, и мы только начали регулярно тусоваться вместе. Как-то раз я завела разговор о прошлых отношениях, и ты сказала, что влюблялась несколько раз, но это было ничто по сравнению с твоей первой любовью в двенадцатилетнем возрасте. Ты рассказала мне, что вам с мамой пришлось переехать и остаться жить у ее родителей в Нью-Джерси.

— Я рассказывала об Итане, — откликнулась я с улыбкой на лице.

Глаза Анны загадочно загорелись и она посмотрела на меня:

— Я вспомнила кое-что еще.

— Что?

— Ты как-то говорила, что переехала в Филадельфию из-за своей первой любви.

— Что? — я была безмерно удивлена.

— Да. Ты сказала, что после твоего отъезда вы каким-то образом потеряли с друг другом связь. Ты время от времени о нем вспоминала, а после смерти твоей мамы ты стала вспоминать о нем все чаще. Поэтому ты обзвонила общих знакомых и кто-то сообщил, что тот, кого ты ищешь несколько лет назад переехал в Филадельфию. Поэтому ты, недолго думая, упаковала вещи и перебралась сюда, в надежде его отыскать.

— Я пыталась?

Она кивнула:

— Думаю, ты пробовала, но так и не смогла его найти.

— Как бы я хотела все это помнить.

Она с сочувствием мне улыбнулась. Потом заметила DVD-диск.

— Ты уже его посмотрела?

Я покачала головой.

Я наблюдала, как она вытащила диск из кейса и вставила в DVD-проигрыватель. Затем включила телевизор и передала мне пульт.

— Хочешь посмотреть его в одиночестве?

Я улыбнулась, благодарная ей за участие.

— Нет, посмотри его со мной. Сейчас меня разрывают эмоции, путая мои мысли. Так что мне наверняка потребуются твой совет.

Она просияла и обхватила руками меня за плечи:

— Для чего же еще нужны лучшие подруги?

Я нажала на «Play». Экран стал синим, а через секунду на нем появилось лицо Итана. Мое сердце пропустило удар, и меня охватило безумное желание его обнять.

Он улыбнулся в камеру, и я почувствовала, как заныло мое разбитое сердце. Мне был виден слегка подзаживший шрам от глубокой раны на лбу, нанесенной Коннором.

— Привет, Лив.

Он помолчал, глядя прямо в камеру. Я поняла, насколько он нервничал, по тому, как он

прикусил нижнюю губу и нарочито медленно выдохнул, а на его лице внезапно вспыхнул румянец. Я впервые видела его таким растерянным. Я ждала продолжения, чувствуя как мой желудок сжался от неизвестности.

— Сюрприз! К этому времени ты, вероятно, уже прочла мою записку и свой дневник и, возможно, шокирована тем, что узнала. Сожалею, что мне приходится сообщать обо всем таким образом. Я действительно хотел сделать это лично. Лив, мы знакомы друг с другом более двадцати пяти лет, и в течении первых девяти из них мы были лучшими друзьями. Мы потеряли связь, когда вы с мамой переехали из нашего города. Я думал о тебе все эти годы, но никак не мог выяснить, где вы теперь живете. И вдруг, несколько месяцев назад, я увидел тебя, выходящей из кофейни на площади Риттенхауз. Поначалу я подумал, что сошел с ума, и у меня начались видения, ведь я видел тебя в последний раз, когда тебе было всего двенадцать! Но потом я увидел мужчину, как ты понимаешь, это был Коннор, выходящего следом за тобой из машины, и услышал, как он назвал тебя по имени, обнимая. Тогда я понял, что передо мной была именно ты. Я провел небольшое расследование и узнал, что ты помолвлена. Ты не представляешь, в каком состоянии я был, когда об этом узнал. В глубине души я, наверное, мазохист, раз решил пойти на вечеринку в честь вашей помолвки, чтобы увидеть тебя в последний раз перед тем, как ты выйдешь замуж. Но когда я добрался до музея, то увидел, как ты бежишь сломя голову, а Коннор тебя догоняет. Я понял, что что-то случилось... Потом я поехал в больницу, где тебя разместили, и мне сказали, что ты в коме. Я наблюдал за тобой на расстоянии, изредка навещая. Коннор тоже все время крутился возле тебя. Во время одного из своих визитов, в тот день, когда ты вышла из комы, я подслушал его телефонный разговор. Он общался с представителем частной сыскной фирмы и просил найти ему привлекательного мужчину, чтобы тот познакомился с одной его знакомой. Я услышал, как он сказал, что она утверждает, будто потеряла память, но он хотел бы убедиться, что она не врет.

Итан поёрзал на месте, отводя взгляд, а потом снова посмотрел в камеру.

— У меня есть приятель, чей друг работает в этой сыскной фирме. Я смог выпросить у него, не без помощи некоторой суммы наличности, стать тем мужчиной, который требовался Коннору. Вот так мы и встретились. Я не до конца понимал, зачем Коннор вообще кого-то нанял, но хотел это выяснить. Лив, поверь, я несколько раз пытался тебе обо всем рассказать. Но вместе с тем, я не хотел вести себя эгоистично. Ты была помолвлена, и, судя по всему, любила жениха, поэтому я не хотел усложнять для тебя ситуацию. К тому же, ты еще не оправилась от амнезии. Я просто не захотел обременять тебя еще большими размышлениями. Знаю, я должен был рассказать тебе все еще в тот день, день нашего рождения, но... я боялся, что занервничаю и преподнесу все в неверном свете, тем самым отпугнув тебя. В тот день ты была так счастлива. Я не захотел тебя огорчать. Мне действительно жаль. Надеюсь, ты сможешь простить меня за то, что я тебе лгал. Наверное, так я лгал самому себе все эти годы, думая, что в один прекрасный день ты вернешься ко мне, найдешь меня и я произнесу три слова, которые я хотел тебе сказать с тех пор, как ты уехала. Но чтобы их произнести необходимо столько смелости... Тогда я был слишком молод и даже не мог себе вообразить, что потеряю тебя прежде, чем решусь это сказать. Но теперь, по прошествии всех этих лет, после того, как благодаря Коннору я почти тебя потерял, я наконец нашел в себе мужество.

Его глаза заблестели от слез, но он не отрывал пристального взгляда от камеры.

— Лив, я люблю тебя. Люблю с того самого дня, как сделал для тебя первый бутерброд

с бананом, арахисовым маслом и беконом. И даже через столько лет я не забыл все то, что я в тебе любил. То, как ты на меня смотрела, и что я чувствовал в этот момент; то, как ты смеялась от моих глупых шуток... Я сохранил все эти воспоминания здесь, — глядя прямо в камеру, он приложил руку к груди.

— Когда-то давно я смотрел старый черно-белый фильм, в котором пара должна была проститься друг с другом из-за первой мировой войны, и героиня спросила у героя: «Что произойдет, если мы не разыщем друг друга после войны?». На что герой очень уверенно ей ответил: «Если мы не отыщем друг друга после войны, то найдем в следующем году. Если не найдем в следующем году, то найдем в течение следующих пяти, десяти или двадцати лет. Не имеет значения, через какое время, но в конце концов мы найдем друг друга».

Он улыбнулся:

— Лив, когда я впервые, спустя двадцать лет, увидел, как ты выходишь из той кофейни, я понял, что всегда примерял эти слова на нас. Каким-то шестым чувством я понимал, что однажды мы найдем друг друга.

Он сделал паузу.

— Я не знаю, каким будет конец нашей истории. Но как бы то ни было, закончится ли все печально или словами «и жили они долго и счастливо», нам следует, по крайней мере, поговорить обо всем, разобраться, как ты считаешь? — он смотрел, не отводя глаз, и я различила в его напряженном взгляде всю гамму эмоций. Я начала рыдать, больше себя не контролируя.

— Можешь позвонить или написать мне сообщение в любое время. А если... ты не хочешь снова со мной общаться, то все в порядке. Я пойму. Просто попроси Анну, чтобы она позвонила мне и сказала об этом. Не волнуйся, — он слабо улыбнулся, — я не побеспокою тебя вновь. Даже если мы больше никогда не увидимся, ты всегда будешь здесь, — он дотронулся до своей груди, там где билось сердце.

Изображение пропало, и я повернулась к Анне. Ее глаза тоже были полны слез.

— Лив, ты переехала в Филадельфию специально, чтобы найти его. А он сделал это первым. По-моему, судьба дает вам еще один шанс быть вместе. Не упускай его!

Я согласно закивала, вытирая слезы со щек:

— Ты права. Это наш второй шанс.

Оправившись от рыданий, я позвонила Итану. Он поднял трубку сразу же после первого гудка.

— Привет, — сказал он нежно, но слегка настороженно.

— Привет, — ответила я мягко. Я впервые чувствовала нервозность при разговоре с ним.

— Ты виделась с Анной?

— Да, — я помолчала, а потом начала говорить: — Итан, мне очень жаль...

Одновременно со мной Итан произнес:

— Лив, мне очень жаль.

Мы оба нервно захихикали, и я догадалась, что не только я испытывала неловкость.

— Мне очень жаль, Итан, — повторила я. — Мне следовало позволить тебе объясниться еще в ту ночь. Но я была так перегружена всем произошедшим, и была слишком напугана, чтобы услышать что-либо еще.

— Лив, я все понимаю. Ты не должна извиняться. Это я должен был найти способ рассказать тебе все раньше. Своим молчанием я подверг тебя опасности.

— Что было, то прошло, — я сделала паузу. — Спасибо тебе за видео. Оно такое милое. Я плакала на протяжении всего просмотра.

— Ты ведь в курсе, что женские слезы заставляют парней нервничать? — в его поддразнивании ощущалось такое тепло, что на моем лице расплылась широкая улыбка.

— Мне нравится заставлять тебя волноваться. Хотя ты разъезжаешь на «Харлее» и ходишь в кожанке, ты становишься удивительно милым, когда нервничаешь, — подколола я его в ответ, чувствуя, как моя нервозность уходит по мере разговора.

Он рассмеялся:

— Я всегда любил твою дерзость.

Я улыбнулась:

— Мы можем увидеться? — выпалила я.

— Думал, ты уже никогда не спросишь, — произнес он с теплой улыбкой.

— Когда ты свободен?

— Лив, я ждал тебя почти двадцать лет. Поэтому я весь твой в любое удобное для тебя время.

Я захихикала:

— Хорошо, я могу приехать?

Двадцать минут спустя я стучала в дверь Итана, чувствуя, как заснувшие было переживания вновь поднимают голову. Но как только он открыл дверь, и наши глаза встретились, я поняла, что больше ни о чем не беспокоюсь.

— Привет, — сказала я охрипшим голосом, глядя на него.

Он выглядел еще более красивым, чем я его запомнила. А как он на меня смотрел! От его взгляда я почувствовала себя на седьмом небе от счастья!

— Привет, Лив. Я так рад тебя видеть.

В его голосе слышалась трогательная уязвимость и безумная нежность, которых я никогда не слышала прежде. Он притянул меня к себе и крепко обнял.

— Я принесла несколько яиц в знак мира, — сказала я, пытаюсь сдержать смех, и

передала корзинку с дарами.

Он рассмеялся:

— Клянусь, что у меня нет одержимости яйцами. Сэндвич из «У Пайсано» и пицца из «Барбуццо» были просто совпадениями.

— Ага, как же. Ты просто извращенец, — дразнилась я.

Мы присели на диван в гостиной с одинаковыми глупыми улыбками на лицах.

— Итан, я не помню тебя, но где-то в глубине души точно знаю, что ты всегда был для меня важен.

— Правда? — он ждал продолжения, в его глазах я видела надежду.

— Да. Анна сказала мне, что два года назад я переехала в Филадельфию только из-за тебя. Кто-то мне сообщил, что ты живешь здесь, поэтому я захотела тебя найти, — я нахмурилась. — Но не сумев это сделать, потеряла надежду. Наверное, решила, что было глупо верить в детское увлечение.

Он приласкал мое лицо руками и прошептал:

— Лив, это было не просто детское увлечение. То, что я к тебе чувствовал — истинное, настоящее.

Я тонула в его темно-карих омутках, и все мое тело переполняло ощущение тоски. Я поняла, что отчаянно желаю ощутить ласки этого мужчины прямо сейчас. Мы пристально, напряженно друг на друга смотрели, сидя в полной тишине.

— Итан, люби меня, — наконец прошептала я.

Наши губы встретились в обжигающем, всепоглощающем поцелуе, мы стали нетерпеливо изучать друг друга языками. Одежда была сброшена в рекордные сроки, мы не прекращали целоваться, страдая от неуголимого голода.

Итан окинул взглядом мое обнаженное тело, нависнув надо мной на диване.

Я потрясенно приоткрыла рот, увидев его эрекцию:

— О, боже, Итан. Мне просто необходимо, чтобы ты был во мне прямо сейчас, — молила я, приподняв свои бедра и пытаясь потереться своей самой чувствительной частью о его твердую плоть.

— Скоро, малышка, — простонал он, медленно лаская мое тело своим взглядом.

Я почувствовала, как он целеустремленно прошелся ладонями вниз по моей обнаженной коже, и когда прикоснулся одной рукой ко внутренней части бедра, по моему позвоночнику пробежалась сладкая дрожь. Он мучительно неторопливо погладил мои ноги по всей длине, пока наконец снова не достиг нежной кожи внутренней стороны бедер, где и задержался. Я ахнула, ощутив, как его палец, не погружаясь, плавно скользит по средоточию моей женственности.

— Черт, какая же ты влажная, — простонал он.

Итан развел мои колени в стороны и вдруг неожиданно опустил свое лицо между моих ног. Я закричала от удовольствия, чувствуя его язык на моих складочках. Он стал посасывать мою горошинку, посылая волны сильнейшего удовольствия, которые проходили рябью по моему телу. С моих губ сорвалось хныканье. Отчаянно желая большего, я прижималась бедрами к его рту, призывая войти в меня еще глубже.

Он услышал мои мольбы и погрузил свой язык глубоко в центр моего наслаждения. Мое тело захлестнули волны умопомрачительного удовольствия, и я закричала.

— О, боже, Итан. Я уже... уже... почти, — простонала я.

— Еще нет, малышка, — прорычал он подрагивающим голосом, оторвавшись от моей

киски. — Я хочу быть внутри тебя, когда ты кончишь в первый раз.

Он нависал надо мной, пронзая пылающим страстью взглядом. Его член, не погружаясь, упирался во внутреннюю часть моего бедра. Обхватив мое лицо ладонями, он застонал и прижался своими губами к моему рту. Наши языки сплелись в безумном танце. Ощувив свой собственный вкус, я почти шагнула за грань.

— Я больше не могу ждать. Пожалуйста, люби меня, Итан. Мне необходимо, чтобы ты был внутри, или я сойду с ума, — умоляла я.

— Малышка, я не в силах тебе отказать, — на его губах сверкнула порочная улыбка. — Хочу, чтобы ты взяла мой член и направила его в себя.

Я с улыбкой повиновалась, взяв его твердую плоть и направив ее к своему входу. Я выдохнула, когда почувствовала, как он погрузился на всю длину одним долгим, тягучим движением. Я сжалась вокруг него, когда он подался назад. От нестерпимого удовольствия он откинул голову назад.

— Блядь! Лив, ты такая тугая! — простонал он. — Как же замечательно в тебе находиться.

Не тратя больше времени на разговоры, он приподнял мои бедра и начал резко в меня вколачиваться. Сначала медленно, но с каждым толчком все глубже и сильнее, провоцируя дикие всхлипы и стоны.

Через несколько минут неповторимого удовольствия, я почти достигла вершины своего наслаждения, и начала содрогаться в сладких конвульсиях.

— О, боже, я уже... — я посмотрела на Итана и увидела в его глазах дикую потребность во мне.

Он задвигался еще сильнее и быстрее. Прикрыв глаза, я наслаждалась изысканной, восхитительной дрожью, проходящей по моему телу, и наконец почувствовала, как парю в невесомости, испытывая насыщенное удовольствие.

— Блядь, я тоже! — задрал голову, он застонал.

Когда он достиг своего апогея, я ощутила его пульсацию внутри меня.

Обессиленные, мы нежились рядом друг с другом, в умиротворяющем молчании. Он нежно поцеловал меня в лоб, и я вгляделась в его любящие глаза.

Легко обведя черты моего лица пальцами, он прошептал:

— Я люблю тебя, Оливия Стюарт. До скончания времен.

Мое сердце будто растаяло от его слов.

— Я тоже люблю тебя, Итан.

Я лежала в теплых объятиях любимого, уткнувшись лицом в его плечо. Я медленно и довольно выдохнула. Впервые с тех пор, как вышла из комы, я почувствовала себя в абсолютной безопасности, безумно счастливой и безоговорочно любимой.

Два года спустя.

— Куда мы едем? — спросила я прямо ему в ухо.

Мы мчались на его мотоцикле по знакомой дороге. Около года назад ко мне вернулись все мои воспоминания. Хотя порой проскальзывало ощущение чего-то знакомого, но я не могла вспомнить, что это. Врачи уверили меня, что такое состояние нормально абсолютно для всех, и не имеет ничего общего с амнезией.

— Сюрприз, — громко прокричал Итан сквозь ветер.

Я увидела знакомую вывеску, но она выглядела иначе, более потрепанной. Где мы?

— Ты можешь хотя бы сказать, как долго нам еще ехать? Солнце село еще час назад, ты же знаешь, что я не люблю ездить в темноте.

— Не волнуйся, малышка, мы почти приехали.

Он сказал правду. Через несколько минут мы остановились на окраине города. Эта местность казалась мне смутно знакомой. Мы припарковались в двух метрах от небольшого холма.

— Пойдем, — он рассмеялся, увидев на моем лице настороженность. — Верь мне.

Я закатила глаза и последовала за ним. Мы начали взбираться на вершину холма.

— Ты помнишь это место?

Я увидела открытую полянку, покрытую сочной, зеленой травой, освещенную лунным светом. Я огляделась. Она напомнила мне луг. С одной стороны она была окружена стеной деревьев, а с другой — выходила на небольшой ручей. На небе сияли тысячи звезд. Они были прекрасны.

Я знала, где мы находились. Я повернулась к Итану, сияя от радости.

— Ты приводил меня сюда, когда мы были детьми.

Он кивнул и притянул меня в свои объятия:

— Ага.

— Здесь мы поцеловались впервые, — я улыбнулась, вспоминая.

Теперь я знала, что его поцелуй во время свободного падения в воздухе стал причиной возвращения того драгоценного детского воспоминания.

— Но не в последний, — прошептал он и нежно прижался своими губами к моим. — Это место всегда было для меня особенным. Я любил лежать здесь под звездами вдали ото всех. Но после того, как я привел сюда тебя, и мы поцеловались впервые, оно стало еще более значимым. После твоего переезда я все время приходил на эту полянку и думал о тебе. Понятия не имеешь, как сильно я по тебе скучал.

Я вся засветилась от счастья, услышав такое признание. Даже после двух совместных лет с ним, я чувствовала, как мне повезло, что в моей жизни был Итан. Я вспомнила, как рыдала неделями после нашего с мамой отъезда. Я была уверена, что больше никогда не увижу своего друга снова.

Привстав на цыпочки, я ответила на поцелуй. Он целовал неспешно и вдумчиво, а я растворялась в нем.

— Пойдем, приляжем. Устроим путешествие по волнам памяти.

— Хорошо, — сказала я со смешком.

Мы лежали на мягкой траве и смотрели на звезды. Потянувшись друг к другу руками, мы переплели пальцы.

Все было, как и той ночью, восемнадцать лет тому назад. Тысячи блестящих, ярких звезд сияли с необъятных просторов неба. Я пристально вглядывалась в бездну, простирающуюся над нами, и чем дальше я смотрела, тем больше звезд появлялось перед глазами.

— Итан, это место прекрасно до сих пор.

— Да, это верно. Они похожи на бриллианты, да?

Я улыбнулась:

— Да, ты прав. Похожи.

— О, посмотри вон на ту, — Итан поднял вторую руку к небу, и я посмотрела на нее.

Через секунду я задохнулась от увиденного.

Между пальцами Итана блестело бриллиантовое кольцо.

Я села и посмотрела на любимого, который встал на одно колено и протягивал мне потрясающее по своей красоте драгоценное кольцо.

— О, Итан, — прошептала я со слезами на глазах.

— Оливия Стюарт, ты даже представить не можешь всей глубины моей любви к тебе. Я полюбил тебя с того самого момента, как ты откусила кусочек моего бутерброда из банана, арахисового масла и бекона более двадцати лет назад. Когда мы поцеловались в первый раз, я пообещал тебе, что всегда буду рядом, защищая. Это единственное обещание, которое я готов сдерживать, не смотря ни на что. Мой мир начинается и заканчивается тобой одной. Выйдешь ли ты за меня замуж, чтобы стать моей навеки?

Я кивнула, больше не сдерживая слез.

— Да, — произнесла я. — Миллион раз, да.

Абсолютно счастливая, я наблюдала, как он надевает кольцо мне на палец.

— Итан, оно такое красивое.

Он поднялся, и я обняла его за шею, притягивая к себе в долгом страстном поцелуе.

Когда же он наконец отстранился, я просияла:

— Я люблю тебя, Итан Джеймс. Ты нашел меня, когда я потерялась и нуждалась в защите. Пусть я не помнила тебя, но мое сердце ничего не забыло. Итан, ты был рядом со мной с самого начала. Ты единственный, кто с легкостью может заставить меня смеяться, кто дарит мне ощущение безопасности и заставляет все мои волнения растаять без следа. Я так счастлива, что мы обрели друга друг в друге.

С блестящими от слез глазами, он обхватил мое лицо и снова поцеловал, на этот раз с большей страстью и нетерпением, чем раньше. В ту ночь на этом памятном для нас месте произошло нечто особенное.

Мы предавались любви в свете Луны, в качестве будущих мужа и жены.

Конец.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Гуам и Пуэрто-Рико имеют статус неинкорпорированных организованных территорий США, т. е. не входящих в состав США, но являющихся их владениями.

Мельбурн очардс — большая территория, которой с 1902 года владеет семья Мельбурн. Туда входят ферма, где можно покормить и потрогать животных, фруктовые сады и огороды, где разрешается самостоятельно собрать некоторые виды овощей и фруктов и магазин свежих фруктов, овощей и, производимой там же продукции долгого хранения (меда, сыров и многого другого). Так же это место славится своими кукурузными лабиринтами, пончиками из яблочного сидра, огромными яблоками в карамели, сделанными по собственному рецепту, и хлебо-булочными изделиями, выпекаемые в собственной пекарне.

Пинап, пин-ап (англ. to pin up — прикалывать, то есть плакат, прикалываемый на стену) — изображение красивой, часто полуобнажённой девушки в определённом стиле. В русском языке употребляется для обозначения конкретного стиля американской графики середины XX века.

Имеется в виду, что, чтобы прыгнуть, надо сделать шаг из самолета, а Итан говорил, чтобы она сделала этот шаг в переносном смысле.

Seventeen — ежемесячный гляцевый журнал, основанный в США в 1944 году, стал самым успешным в истории журналом для девушек в возрасте от 15 до 25 лет. На данный момент Seventeen — один из самых популярных журналов в 20 странах мира среди девушек.